

Константин Скрипкин



Простое свидетельство



«Прояви мужество, покажи, что ты отважен  
не в одном обжорстве...»

М.Сервантес «Дон Кихот»

«Косноязычные простяги книг не писали и  
легенд не слагали...из этого еще не следует, что они  
недочеловеки...»

М.Веллер

## Кисели

С вами такое бывает - обрывки воспоминаний застревают в голове и то забудутся, то снова выплывут... Стараешься не обращать внимания, выкинуть, а потом что-то в жизни случается и в происходящем узнаешь эти обрывки. Как будто вдруг встретил давно знакомое. У психиатров это называется «Дежа вю», то есть «уже виденное». Считается одним из признаков душевной болезни.

В моей жизни именно так случилось с фильмом «Игра». Я его видел лет пятнадцать назад, совершенно забыл, даже забыл, что есть такой фильм, а потом посмотрел еще раз и некоторые эпизоды ожили до мельчайших подробностей. Они словно до поры лежали в тайниках памяти, вырвались на свободу и встроились в целую картину - как будто пазл сложился.

И можете себе представить - прошло немного времени, и я натыкаюсь на рекламу того-же самого только в реальности! Вижу рекламу: «Мистер Геймер» Позвонил - все подтвердили: готовы организовать индивидуальную игру с захватывающими приключениями и гарантией благополучного финала. За пятнадцать тысяч долларов предлагали заграничные моря с яхтами, а за минимальную цену - пять тысяч - игра предлагалась в Москве, без лодок, вертолетов, но тоже интересная. Я выбрал игру по эконом-классу чтобы лишние деньги зря не выкидывать.

Приехал в их в офис, прошел тестирование на компьютере, потом какой-то парень со мной поговорил, расспросил, чего я хочу, чего люблю, чем

увлекаюсь в жизни. Вот так прямо и Расскажи ему что я люблю! Во-первых, честно говоря, я об этом всерьез не задумывался, а во-вторых, кое-что и рассказывать неудобно... Вопрос вроде простой, но... не хочется дураком выглядеть. У меня есть такая особенность: если начинаю подозревать, что могу выглядеть дураком, у меня сразу мозги блокируются, и я как раз выгляжу полнейшим тупицей. Ничего не идет на ум - хочешь злишься, хочешь глупо улыбайся, хочешь изображай глубокомысленную задумчивость. Потом мыслишка появилась: сказал, что хочу почувствовать себя кем-то вроде героя, если можно такое сильное слово употребить. Он кивает: «Понятно, все так хотят, а любишь-то ты что»? Снова здорово! Что я люблю?! И опять глупая пауза возникла с ответом на этот вопрос, пока я не ляпнул почти машинально: «Ну, ползать где-нибудь, чего-нибудь найти...» Я имел в виду по лесу походить, вроде как в походе, реально сам не знал что сказать. Глупо же говорить, что я бабу хочу офигенную, и чтобы влюбилась в меня как сучка, и чтобы я ее спас от кого-нибудь и потом такая была бы у нас с ней любовь, какой еще на свете не бывало, и никогда бы эта любовь не заканчивалась...

Парень помолчал несколько секунд. Я тоже молчал. Он вздохнул, сказал, что со мной все понятно, подпер кулаком подбородок и впялился в меня своими прищуренными глазками. Я сижу себе на стуле. Стараюсь сохранять непринужденность. Потом мы договор подписали, он мне еще одну бумажку подсунул, сказал что это чистая формальность, просто я не имею права ни на какие претензии, если буду пытаться их работу типа расшифровать, с кем-то из их персонала тайно вступать в отношения, вроде как игру взламывать. Я подписал. И передал ему пять тысяч американских долларов.

Парень убрал деньги в стол, что-то посмотрел в компьютере, сказал что игра начнется на следующей неделе в понедельник. Мы распрощались и я пошутил в сторону дома, уныло размышляя, как можно было эту погубленную пятерку употребить для полезных домашних дел, или на развитие бизнеса, или собственного удовольствия.

\*\*\*\*\*

На следующий день - в пятницу, еду я мирно на работу и получаю звонок от неизвестной барышни, срочно требующей встречи, и так резко она со мной разговаривает, на «ты», типа, приезжай туда-то во столько-то и все. Я ей объясняю, что освобожусь только вечером - весь день расписан и пусть вообще по телефону все мне скажет, но она настаивает и шипит, что это для меня очень важно, а не для нее. Я отвечаю уже с раздражением, что мол, девушка, у меня ваша игра только в понедельник начинается, типа, чтобы не выносила мне мозг, а она зло буркнула, что время и место сообщила, и если не приеду через три часа - себе же хуже сделаю. И все. Отключилась.

И что мне делать? Глупо все это, но, думаю, раз столько денег заплатил, подыграю им. Перенес по-быстрому все дела, перед всеми извинился, поперся к ней на «кудыкину гору». Встретились. Барышня худенькая, темненькая, стрижка под мальчика, одета невзрачно. Села в машину, по сторонам зыркает, поезжай, говорит, вперед. Потом уточнила: в сторону центра. Ладно! Едем, и она начинает рассказывать, что является тайным агентом ЦРУ, внедренным в международную организацию «Мистер Геймер», с целью остановить злодейскую деятельность по зомбированию обращающихся к ним любителей острых ощущений. Объяснила, что клиенты этих изощренных негодяев - люди с положением и средствами, после так называемой «игры», совершенно лишаются собственной воли. И меня ждала такая же судьба - стать через неделю зомби

сектантом, все нажитое отдать и всю оставшуюся жизнь выполнять их антигуманные поручения. Но и это еще не все! Оказывается, жесткая методика зомбирования предусматривает некоторый процент потерь, то есть те люди, чья психика не выдерживает существования во власти чужого интеллекта, отдают Богу душу в страшных мучениях. Я еду, все это слушаю и даже не знаю что сказать. А что тут скажешь?! Поддакиваю, уточняю кое-что, осторожно интересуюсь, как там у них в Америке? Спрашиваю, где это она так хорошо порусски научилась говорить? Шучу, в общем, по мере сил, а она как поняла, что я не верю, так пронзительно посмотрела на меня... Стало немного не по себе. Взгляд, знаете, с тоской, вроде даже с жалостью и одновременно жесткий такой, решительный. Так человек знающий что-то особенное может смотреть. Я приумолк, но думаю про себя, что за взгляд ей, конечно, пятерка. Наверное перед зеркалом отрабатывала, а может и училась где-то в театральном, например. Стал на нее поглядывать в личном плане, в том смысле, что может у нее какие-то еще особые таланты... А не хотите, предлагаю ей, товарищ агент, поужинаем с вами сегодня? Ответ я получил резкий и отрицательный в том смысле, что человек, которого через четыре дня или погубят или зазомбируют не должен думать о таких глупостях. Я еще чуть-чуть покобеляжничал, поныл про то, что все одно мое дело пропащее, так хоть напоследок, в последний раз, типа, что-то может получиться выразительнее, но она потребовала остановиться у метро и вышла из машины. А я поехал обратно на работу. Ехал и думал, что выгляжу таким идиотом, что даже рассказать никому не могу об этом странном происшествии.

\*\*\*\*\*

Приехал, только успел наспех перекусить, как снова звонит мне агент ЦРУ и назначает встречу, в центре, сегодня и снова через три часа. Сказала, что после нашей встречи ей меня особенно стало жалко, такой я трогательный со своим напускным равнодушием и как бы скепсисом и, чтобы преодолеть мое жалкое недоверие, она решила продемонстрировать мне завершение чужой игры, чтобы я поверил, что она действительно агент и работает не на «Мистер Геймер», а мне желает спасения.

Ладно, опять все отменил и поперся. И что интересно: выехал мощно заранее, так, что к назначенной точке прибыл раньше на час. Столько мог бы дел еще переделать, но нет, что-то заставило меня... Приехал и давай круги наматывать - записывать номера припаркованных машин и всматриваться в лица водителей. Езжу, записываю, понимаю, что со всех сторон придурок, но продолжаю ездить и записывать. Подходит время, припарковываюсь, записи убираю и жду. Получаю смс переехать на сто метров вперед, переезжаю и ко мне заскакивает утренняя девица, мы еще немного проезжаем, паркуемся возле какого-то подъезда, она проворно перелезает на заднее сиденье, там прячется, согнувшись в три погибели, а мне велит смотреть направо, но не очень пристально. Сижу, кошу глазом минут пять, вижу как к дому подъезжает белый лимузин, открывается дверь и из подъезда в декольтированном платье выходит какая-то тетка, а парень в ливрее, открывает перед ней дверь с подобострастным выражением на лице. Тетка эдак благосклонно улыбается и выплывает постепенно, а сзади шлейф ее платья несут девочки-пажи. Поместилась она в лимузин, лимузин уехал, и агент, свернувшаяся в позе эмбриона на заднем сидении, сдавленным голосом командует мне ехать. Я не стал возражать, а





барышня, спустя несколько минут перебралась на переднее сидение и новым злобно-пронзительным взглядом, оборвала мои приятные мысли.

А приятные мысли заключались в том, что увиденное мне очень даже понравилось: я эдаким принцем, с бала, в лимузин... и поехал бы в замок, а там... романтические приключения. Но, стряхнув под пристальным взглядом агента романтическое благодушие, я прикинул, что из уплаченной мною пятерки - половина, чья-то коммерческая выгода, а на две с половиной тысячи на лимузинах особенно не покатаешься, в лучшем случае до метро... И как раз возле ближайшего метро агент снова покинула меня, ни слова не сказав.

Спал я плохо, никаких дел на следующий день решил не планировать, а зря, потому, что она позвонила только в обед и назначила встречу на вечер. Велела взять с собой фонарь, одеться потеплее и никому ничего не говорить.

\*\*\*\*\*

Припарковался на обочине, вышел из машины, стою, озираю окрестности. Грязно, зима, сумерки уже, мимо машины едут. Минут пять покрутил башкой - смотрю, два парня бегут в мою сторону легкой трусцой. Одеты как студенты на картошке или малобюджетные туристы - в зеленых куртках, таких же штанищах и тяжелых башмаках. Откуда они взялись на обочине, кто их привез - непонятно. Я позы не меняю, стараюсь сохранять хладнокровие, они, запыхавшиеся, подбегают, и обращаются ко мне по имени. Познакомились. Молча стоим, ждем. Еще пять минут проходит, и опять как из-под земли появляется агент. В такой-же робе и в руках у нее что-то зеленое. Не успев подойти поближе, с размаху швыряет зеленый сверток мне. «Переодевайся...». Напяливаю на себя сверху какую-то халабуду, садимся в машину, едем за город. Она ставит кассету, говорит: Ресурсная музыка! А там - похоронные марши и музыкальные темы из фильмов ужасов, когда вот-вот начнется самое страшное.... Едем, болтаем о чем-то. А ребята - смотрю, почти мальчишки, лет по двадцать, сидят такие оба остроносые, лиц почти не видно под капюшонами. Один меня осторожно так спрашивает:

- А вы раньше ТАМ уже были?

Я, стараясь скрыть беспокойство, небрежно отвечаю: «Где я только не был...»

- Ну, там, куда мы едем, вы были? Просто, немного странно... У вас такое настроение легкомысленное. Обычно, когда люди ТУДА едут, они так себя не ведут...

- А как нужно себя вести?

- Вообще-то, люди серьезнее к таким делам относятся, а вы все посмеиваетесь... Может, у вас, конечно, манера такая...

- Да, у меня такая манера, тем более, я вообще не знаю, куда мы едем. Меня в такие мелочи не посвятили, мне приказывают куда и когда явиться, я подчиняюсь и все.

- Шутите... ТАМ недавно, знаете, потерялась группа из трех человек, у них кончился свет через четыре часа, потом еда, одного нашли через двое суток, он кинулся ботинки целовать тем, кто его вытаскивал. Они сначала даже испугались - решили, что он прыгает кусаться - так дико человек выглядел. А других - вообще присыпало так, что еле откопали...

Тут в разговор включается агент, всех обрывает и говорит, что едем мы в некую пещеру, в которую, по плану игры я должен лезть в понедельник или вторник и там как раз меня и будут замбировать. Поэтому она мне все заранее хочет показать и попытается подготовить меня к испытанию, чтобы я перенес его без потерь для психики. На мое осторожное возражение, что я, ни в понедельник, ни во вторник никуда не полезу, она твердо сказала, что отказаться не получится, так как со мной работают профессионалы, и я буду поставлен в такую ситуацию, что лезть придется все равно, но одному, без чьей бы то ни было помощи и безо всякого специального снаряжения.

Мне, честно, говоря, эта перспектива не понравилась. Настроение испортилось окончательно, музыку их тупую я выключил, едем молча. Проехали Варшавку, Каширку, началось Калужское шоссе, еще ехали, потом свернули на проселок, еще хрен знает куда, и на какой-то пустынной дороге мы останавливаемся. Мне предлагают бросить машину и топать с ними пешком через поле. Тут я в первый раз проявил строптивость, доехал еще метров пятьсот до какого-то кафе, позвал управляющую тетку и машину поставил у нее, возле

заведения. Агент не возражала, она только и сказала с усмешкой, что через пару дней мне уже будет все равно есть у меня машина или нет...

Потопали мы через поле. Прямо по снегу, по целине, наверное, километра два, потом вдоль лесочка, мимо заборов каких-то дачных, я вспотел как конь, продвигаемся цепью друг за другом, пыхтим, а стемнело уже, луна вышла. Наконец, подходим мы к какой-то яме. Яма глубокая, уходит в землю почти вертикально, укреплена бетонными колодезными кольцами, а на самом дне, метрах в двух от поверхности в последнем кольце полукруглый узкий проем и темнота кромешная... На дне колодца жидкая грязь поблескивает. Все бодренько готовятся к спуску, меня определяют по очереди вторым и предлагают лезть в колодец, достигнуть дна и дальше двигаться уже под землей в норе, вход в которую едва виднеется внизу. Еще предупреждают, что лаз узкий и движение возможно только вперед, а при попытке двигаться назад, одежда наполняется жидкой грязью и тебя заклинивает в каменных недрах, как Винни Пуха в гостях у Кролика, пока не похудеешь. Все деятельно проверяют фонарики, какие-то веревочки, лопатки, а я думаю: «На фиг мне все это нужно?! Вот они меня сейчас в эту дыру засунут, потом где-нибудь бросят одного или, как они выражаются, «присыпят», а потом будут не спеша меня спасать, а когда спасут, то я буду безмерно рад, что не сдох. У меня все это в голове пронеслось и выразилось в трех словах: «Я не полезу». Что тут началось! Агент меня сначала уговаривала, потом стыдила, обзывала трусом, потом пугала зомбированием, потерей всего капитала и мучительной смертью, но я стоял на своем. Глядя на ее старания, я злорадно подумал, что девица впервые ведет себя как нормальный человек, которому что-то мощно подпортили в построениях. В общем, послал я ее в жопу с пещерой, ЦРУ и спецзаданием, последний раз спросил вернуться ли они со мной или здесь останутся, развернулся и потопал обратно, услышав категорический отказ. Напоследок она проорала, что раз я такое малодушное убожество, то она - сама полезет в эту дыру, чтобы меня спасти.

\*\*\*\*\*

Уходя, я выразил недоверие ее искренности, и попросил передать начальству, что ни в какие пещеры меня не нужно засовывать, и что я люблю простор. В ответ, она обозвала меня мудаком и посоветовала поскорее проваливать. Я двинул по лесу, через поле, вдоль заборов и дачек. Вот и моя машина, рассчитался теткой из кафе за присмотр, сел в машину и поехал домой.

\*\*\*\*\*

Еду, клянусь весь этот «Мистер Геймер» и очень нервничаю. На душе беспокойно и даже гадко. И сам не могу понять почему так гадко. Позвонил другу своему Костику, хотел весело так, будто шутя, коротки рассказать о своих приключениях, но только запутал его, пришлось подробно, с повторениями... И вообще получилось несмешно. Выходило, что я, дурак, с какими-то подозрительными типами связался и неизвестно каких теперь всем нам ждать обезьян. Вообще, выслушал от него много недоброго. с большинством его аргументов пришлось согласиться. Костик предположил, что у меня теперь полная машина жучков и за мной, скорее всего, эти злоумышленники уже следят. Я

башкой покрутил - никого кроме меня на дороге. Потом остановился, стал машину перетряхивать. Везде залез, столько помойки выгреб... и нашел коробочку картонную, а в ней пластилиновая фигурка человека с длинным шарфом и с фонариком. Больше ничего, только этот пластилиновый символ непонятно чего. Я его поковырял - ничего твердого внутри не обнаружилось.

Приехал домой, дети давно спят, жена сонная из спальни высунулась, я ей махнул рукой в том смысле, чтобы обратно шла спать. Уселся за компьютер - решил поискать, какие в Московской области есть пещеры. Ищу и спрашиваю себя: чего это мне так на душе нехорошо, вроде ничего плохого со мной пока не произошло... И понял! Дошло! Я ведь никогда ничего героического в жизни не совершал и вот сам себе оплатил игру, чтобы хоть в игре побыть решительным и благородным храбрецом, но и тут оказался трусливым перестраховщиком! Даже в своей собственной игре!

А про пещеры нашел! Все было в интернете и даже фотография этой трубы, куда я отказался лезть. Оказывается, там еще сотни лет назад, при Иване Грозном, добывали камень. Это очень большие и разветвленные пещеры, называются они «Кисели», и до сих пор не полностью исследованы. Еще сообщалось, что проникать в пещеру весьма непросто, что местами лаз такой узкий, что даже головы не поднять, затем метров через десять идет небольшое расширение где можно развернуться, а дальше на несколько метров опять сужение, ведущее в просторный грот, где находится книга. Книга, в которую каждый, кто залез в пещеру должен внести свою фамилию и инициалы на входе и потом на выходе. Если на входе человек записан, а на выходе нет - значит он остался в пещере. Такая вот мера предосторожности.

\*\*\*\*\*

На следующий день настроение не улучшилось. А после телефонного звонка из «Мистера геймера» совсем испортилось. Звонивший представился начальником службы безопасности, сказал, что это не относится к игре, но дело серьезное и если я что-то знаю, то должен им сообщить. У них, оказывается, пропал сотрудник, девушка, лет двадцати, худенькая, волосы темные, стрижка короткая. И товарищ желал знать, не делала ли она попыток установить со мной несанкционированный контакт. Что мне было делать? В голове все перепуталось. Интрига понятная и простая, но почему я ей поддаюсь, почему всей этой глупости подыгрываю? Ясно же, как божий день, что все это они сами придумали чтобы меня развлекать... Но я во время разговора на полном серьезе врал, что отродясь ее не видел с тем как раз неприятным чувством, с каким в жизни вру. А он еще звонил раза три, пытался давить, потом просил подъехать, угрожал, что придется меня вызывать повесткой, типа органы уже этим делом занимаются и ко мне будут вопросы по этому поводу.

А потом они еще подослали ко мне симпатичную сотрудницу, которая предложила заполнить анкету насчет игры, где тоже были хитрые вопросы про агента. Я заполнял и думал, что если бы они так выстроили игру, чтобы на дом приезжали эдакие обольстительные барышни, то лучшего бы и желать нельзя. Но теперь, после всего произошедшего, меня, увы, не трогало то как откровенно она мне строила глазки. Ведь по игре мы с ней были по разные стороны баррикад. Я остался непреклонен.

Я решил сам добраться до грота и проверить есть ли там эта книга, а в ней записи о «посетителях» - вошедших и вышедших. Для этой цели на



следующий день я мобилизовал часть нашего ЧОПа, вооруженного пистолетами ИЖ, позвонил своему знакомому военному и попросил бойца спецподразделения, обладающего навыками работы в пещерах. На вопрос товарища зачем мне понадобился такой боец, я лаконично ответил, что нужно слазить в некую пещеру и чтобы в случае любых других неожиданностей, он меня вытащил. Друг подумал и продиктовал телефон, уточнив, чтобы о деталях и оплате я сам договаривался. Еще посоветовал быть осторожнее. Я с уважением подумал, что вот у людей крепкие нервы, и привычка ни о чем никого не спрашивать...

Боец оказался улыбчивым приятным парнем, мы выдвинулись на трех машинах с рациями, веревками, фонарями. В пещерах он тоже никогда раньше не был, а является специалистом по скалолазанию.

Приехали, бойцы ЧОП расположились вокруг, а мы полезли. Он впереди, я следом. На второй минуте я разбил фонарь, и пришлось мне ловить отблески света, мерцающего впереди. Страшно было втискиваться ползком в темноту между камнями по жидкой грязи с камешками, и звук такой мерзотно-скрежещущий... Рация и двух минут не прошло перестала работать - сигнал пропал. Жуткое место - впереди темно, лаз узкий и кривой, а назад пятиться - точно застрянешь. Лезли, лезли, доползли до расширения, там сели на корточках, дышим, как паровозы. А мне реально плохо! Страх волнами накатывает, даже не страх, а ужас, я первый раз в пещере, и у меня, наверное, клаустрофобия. Я страх от себя гоню, стараюсь не поддаваться, если паника захватит, то пипец... Начнется истерика и кажется, что разобьешь себя об эти камни тысячетонные. Напарник мой понял, что мне хреново, и старался подбодрить так тепло, без всякой бравады, просто тихо чего-то говорил человеческое, а я его и не слышу почти, точнее не понимаю от страха. Он еще говорил, говорил... минуты две и я начал немного успокаиваться. По сторонам башкой покрутил, осмотрелся. А чего смотреть - камни кругом и темнота. Пошутили, что мне лучше самостоятельно эту дорогу проделать, потому, что через такой узкий лаз кого-то вытащить вообще не получится. Дальше нора шла вниз - такой же лаз только градусов двадцать под землю. Ползем, еще метров пять-семь кошмара. А каждый метр - минута, очень длинная минута, и главное не думать о своем страхе. Потом стало чуть-чуть легче, лаз начал расширяться и мы выползли к гроту, как домой вернулись. Радость такая щенячья! Там свод высокий - метра три-четыре и просторно как в хорошей комнате. А я набрал с собой свечек, мы их расставили везде, зажгли. Нашли книгу, там последняя запись на вход сделана несколько недель назад и тогда-же записано на выход. Получается, либо агент в пещеру не лазил, либо не записалась. Но мысль, что она не записалась у меня не вызвала резонанса. Сердце почти успокоилось. Обратно я уже почти не боялся, особенно когда свет замаячил впереди. Не фонарь, а настоящий солнечный свет. Так здорово было! Мы оба довольные, там ребята нас ждут в готовности отразить нападение. Поржали мы вместе, и через пятнадцать минут проиграли отбой тревоге - разъехались по домам. Только я в Москву не поехал, поехал на дачу - захотелось побыть одному.

\*\*\*\*\*

Дальше уже ничего интересного не было. Мне снова звонили, сказали, что от агента и снова назначили встречу, а я приехал в костюме Ивана Грозного. У нас в то время были связи в Большом Театре и мне там подобрали расшитый золотом костюм. Это, скажу вам, не шуба Деда Мороза, а произведение искусства. И что на меня тогда нашло в таком наряде расхаживать по городу,

сейчас уже объяснить не могу. Просто понравилось, как-то вошел во вкус и захотелось еще поиграть. А играть веселее в царском облиии - как персонажу спектакля.

В первый вечер за мной водитель ездил тихонечко, на случай возможных неприятностей. Но не было никаких неприятностей, все люди с удовольствием подыгрывали. Подойдешь к тетке, которая возле метро торгует газетами, как бабахнешь посохом об землю: «Чего это ты разложила здесь такое непотребство, богохульница!» И тетка без малейшей паузы отвечает: «Ой батюшка, не вели казнить, сама не рада, нужда заставляет». Или в магазин захожу и строго так: «Что это у вас за приبلудный дом, даже образа нигде не висит!» И продавщицы маленького магазинчика тут же включаются в игру: каются, обещают повесить иконку.

Так что или народ у нас такой компанейский, или всегда готовы к встрече с царем... А в «Мистере Геймере» похоже забеспокоились, что у меня крыша поехала. Их можно понять, не каждый решится в царских одеждах разгуливать по улицам и приезжать в таком виде на встречи с секретным агентом номер два. Они еще дня три мне дурили голову какой-то ерундой, а потом заманили в дурдом. В настоящую психбольницу! Пропустили меня на КПП нормально, я с посохом зашел, поднялся на какой сказали этаж, там психи в байковых пижамах и тапочках сразу ко мне с просьбами, с жалобами, что-то мне рассказывают... Трогательные такие, совсем не страшные. А потом меня



пригласили к врачу. Он сразу спрашивает: «Вас на «Скорой» доставили?», я отвечаю: «Нет, сам пришел...». Поговорили о том, о сем, он меня задерживать не стал, я опять к себе на дачу поехал. Жена проявляла большое терпение, наверное, думала, что из-за стрессов на работе я имею право расслабиться. И только приехал, переоделся, баню затопил, как снова стучится ко мне в ворота та соблазнительная барышня еще с одной анкетой, снова все повторяется, с той только разницей, что когда я все заполнил, отдал и вышел девушку проводить до калитки, они со всех сторон повыскакивали - и агент номер один, и агент номер два и даже доктор из психушки, много народу, человек двадцать, наверное. Открыли шампанское, поздравляют меня, хвалят, что девушку не предал, салютик небольшой устроили. «Только зря вы пещеру не полезли», - говорят, а я гордо отвечаю, что я-то там был, и запись сделал в книге о своем визите, а вот следов их пребывания не обнаружил. Снова поржали, выпили прямо на улице и все.

Так моя игра и закончилась. Потом их руководитель мне объяснил, что в пещере меня ждали захватывающие приключения, но раз я решил игру сломать, то - сам виноват. Я не спорил. Мне хватило, честно говоря.

## БОЛЬШОЙ ТЕАТР

Пока мой отец был жив, родители каждый год покупали абонемент в консерваторию и раз в месяц ходили на концерт. Мне они тоже советовали, говорили, что музыка успокоит мне душу и поможет не нервничать. Я несколько раз добросовестно пробовал, но, может быть, не на те концерты попадал, может не в том настроении, но ни разу классическая музыка не тронула мое сердце до того самого случая, когда волею судьбы я целый год был спонсором Большого Театра.

Началось все весьма банально. Один богатей, с которым мы в то время пытались дружить, в минуту откровения поделился мечтой о балерине. Ничего в этом не было особенного, даже хорошо, что при его сумасшедшей жизни у человека еще есть мечта, тем более, он намеревался не просто балериной овладеть, а строил романтические планы и в эти моменты смущенно морщил лоб, округлял глаза, хихикал, что очень ему шло, подкупало и внушало надежду на то, что и богатеи не лишены человеческого. Этот мой в итоге несостоявшийся товарищ был от земли метр семьдесят два сантиметра и женщин выше себя не терпел. Балерины, по его мнению, все как раз и должны быть маленького роста при идеальном телосложении и обширных талантах, присущих эмоциональным, творческим, музыкальным и очень спортивным девушкам. Мы полагали, что в Большой театр уже отобраны лучшие и для счастья осталось только проникнуть в его закрома. И так удачно получилось, что один из моих сотрудников в советское время был музыкантом, сам преподавал и занимал высокие посты в мире музыки, но в Душанбе. Потом во время первой таджикской войны, ему пришлось переехать в Москву. Сохранить он сумел только старый кабинетный рояль, который в Москве



продал и купил трехкомнатную квартиру. Нигде по музыкальной линии дядька себе работы не нашел. Начал работать у нас с самых стартовых должностей и держался. У него была молодая жена и сын маленький. А у нас народ простой - посмеивались над его манерами, он такой был весь изящный, немного даже напоказ. Иногда это смотрелось комично, когда он работал, например, на курьерской должности. А знал человек, как оказалось, очень многих. Например, дружил с директором по опере Большого театра, и всякие забавные истории рассказывал из артистической жизни. Мы, грешным делом, думали врет, а потом все оказалось правдой. И как-то раз зашел у нас разговор про балерин, а он возьми и скажи, что ничего нет проще при современной нищете Большого театра как познакомиться с балериной, и обещал это обсудить со своим старым приятелем - тем самым директором по опере. Я поддакнул, хихикнул и думать забыл о нашем разговоре, а он деньков через пять сообщает, что обо всем договорился: нужно учредить премию лучшей балерине месяца. Минимальная сумма: четыре тысячи долларов, вручать будем прямо в кабинете самого главного художественного руководителя - директора. Мы также можем в этот вечер присутствовать на спектакле в ложе «А», и время от времени всех свободных от гастролей балерин будут от нашего лица приглашать в ресторан, где мы можем с ними в неформальной обстановке поужинать. Я очень удивился, спросил, про каких балерин идет речь, может про кордебалет? Он ответственно заявил, что про лучших из лучших, и еще сказал, что художественный руководитель Большого театра народный и заслуженный всего на свете лауреат Владимир Васильев готов с нами встретиться хоть на этой неделе и обсудить детали.

Я, признаться, был удивлен, но ситуация приобретала любопытные очертания, и еще день-два я потратил на то, чтобы, преодолев заслон из

секретарей и помощников, сообщить это неожиданное предложение своему богатенькому приятелю. Ему понравилось. Решили, что три тысячи выложит он, одну я, а рестораны оплачиваем пополам. Мне такое распределение не показалось справедливым, ведь я, честно скажу, балеринами не интересовался, у меня и так в то время кроме жены и сына были обременительные отношения с секретаршей и удаленная романтическая любовь в Швейцарии, к тому же доходная часть моего скромного бизнеса была раз в сто меньше его олигархического, но пришлось согласиться, утешив себя мыслью, что и я внесу свою лепту в помощь российской культуре.

Васильев оказался дядькой симпатичным, отнесся ко мне по-отечески, тем более, что я сразу отрекомендовался не главным, а только передаточным звеном. Все мы с ним быстро решили, обо всем договорились. Но самые сильные впечатления на меня произвел директор по опере. Самой приличной из его прибауток была такая: «Второклассник мальчик Федя захлебнулся при минете, и за это весь отряд исключен из октябрят...» Так он иллюстрировал тезис, что среди балетных, начиная с самого раннего возраста процветают порочные отношения, а вот в опере нет ничего подобного и бизнес оперным тоже должен помогать. При этом шутки его ни в какой мере не были тяжеловесными. Так легко и к месту он вставлял эти неумные пошлости, что все очень смеялись. Правда, при Васильеве он себе этого не позволял - сдерживался.

Подошел день первого вручения премии. Мой богатенький заявил, что сам приехать не сможет и чтобы я двигал один, посмотрел и ему потом все рассказал. Мое дело маленькое, потратился на огромный букет роз перемешанных с лилиями и приперся в Большой театр с конвертиком во внутреннем кармане своего зеленого пиджака.

На служебном входе меня без задержек провели прямо в кабинет директора - художественного руководителя. Я заранее выучил фамилию и имя балерины, которой планировалось вручать. Но они внезапно решили в первый раз они решили на двоих разделить. Значит, две фамилии вместо одной. Срочно отправил водителя за вторым букетом, а еще речь говорить, оказалось тяжеловато, пришлось писать на бумажке и глупо в нее подсматривать. Освистать меня, конечно, не могли, так что все прошло ровненько. Потом сидел в директорской ложе - это прямо на уровне сцены справа, смотрел балет, меня было видно так-же хорошо, как и артистов, активно хлопал, а сам думал, что так близко балет еще хуже, потому что за топотом даже музыку плохо слышно. Вроде девчонки такие легонькие, а как все вместе подпрыгнут, как приземлятся одновременно - ого-го как бабахает! И еще заметил, что у занятых в балете артистов мужского пола, одетых в трико, в обычном месте у каждого убедительная выпуклость, а у солиста с грузинской фамилией - выпуклость в два раза больше, чем у остальных! Это меня поразило. До сих пор не могу найти этому объяснения. Просидел весь балет в ложе, один, а потом домой поехал. Жене я ничего не стал рассказывать, ведь это для меня была вроде как работа, а в работу чего женщину впутывать.

\*\*\*\*\*



Мой приятель - богатей потом расспрашивал как звали балерин, как они выглядели, что сзади, что спереди, а мне и сказать нечего. Они ведь были в гриме и в костюмах - трудно понять, все-таки привыкаешь к человеку в нормальной одежде, а в этих белых пачках все они какие-то одинаковые.

Во второй раз все повторилось. Опять два букета, конвертики, кабинет, но в тот вечер шла опера и Васильев, когда все ушли, пристально на меня посмотрел и говорит: «Подожди секундочку...». И достает из шкафа бутылку коньяка. Наливает себе и мне - выпиваем под бутербродик, он наливает еще, но бутылка кончается - там, оказывается, и было совсем на донышке, он достает другую бутылку - виски какой-то на этот раз, и тоже неполная, но грамм по сто пятьдесят на каждого получается. И минут через десять, глядя на мои осоловевшие глаза, Директор и Художественный руководитель Большого театра, говорит: «А теперь иди и слушай». И меня отводят в зал, где спектакль уже начался, но не в ту ложу, которая над сценой слева, а в ту, которая, напротив сцены, возле самой галерки. Сажает там в первый ряд, я подпираю руками расслабленную голову и... как по волшебству, как будто во мне окно открылось навстречу этой музыке... Вливается в меня «Жизнь за Царя»! Невозможно словами передать. Как будто весь мир кроме сцены исчез, я весь там, и до слез душе хорошо! Просто сидел и губу закусывал, чтобы не разрыдаться. К антракту это удивительное состояние испарилось, я скорее в буфет, заказал, выпил, но нет..., не повторилось. Второй акт совсем не показался таким выразительным, хотя там вся кульминация сюжета. Больше я такого наслаждения от оперы не испытывал, может быть, мало хожу. Но теперь я знаю, что он бывает - почти экстатический восторг! И люди, которые любят оперу не лицемеры и не обманщики, а счастливчики, к которым этот восторг сходит чаще. Откуда сходит? Мое мнение - с небес. Спросите меня, кто тогда пел? Вообще не помню ни одной фамилии, но правило, - перед началом любого спектакля выпивать - никогда не нарушаю.

\*\*\*\*\*

Некоторое время не было ничего интересного, я ходил каждый месяц, вручал премии, мой приятель ни разу там не появился. Однажды знакомые меня в ложе увидели, так они стали мне махали будто я знаменитость. Было приятно. А в другой раз был какой-то особенный балет и в ложе собралось полно народу. Рядом со мной, чуть позади сидела супруга Владимира Викторовича, великая звезда балетной сцены - Екатерина Максимова. Было тесновато, мой стул подпирали сзади чьи-то коленки. Спектакль премьерный, танцевали ученицы Максимовой. Зрители восторженно аплодировали, вскакивали с мест, исполнительницам главных партий преподнесли букеты. И в этой атмосфере всеобщей эйфории, балерина, которая танцевала самую главную партию, подходит к нашей ложе и протягивает цветы своему педагогу и наставнику - Максимовой, та улыбается, встает, чтобы принять цветы, но не может до них дотянуться потому, что ей мешают я со своим стулом. А на нас свет навели, балерина на меня смотрит, весь партер смотрит и все, кто на сцене... Я сижу, чего думаю делать? Взять цветы и передать - идиотство, это же не посылка, а символ! А сдвинуться куда-то без риска травмировать задних нет никакой возможности - так плотно мы все друг к другу притиснуты. И думать некогда и даже башкой некогда крутить. Я тогда упираюсь ногами в нижнюю часть кумачовой перегородки и резко, безжалостно на

полметра уезжаю назад где кто-то сдавленно вскрикивает, как вскрикивает человек, которому никак нельзя выдавать своих настоящих переживаний. Екатерина Максимова, получив возможность сделать шаг, принимает цветы, зал заходится в овациях. И всё, на меня она даже не посмотрела. Сидела с цветами, гордая, с прямой спиной, как настоящая королева. Ясное дело, я был чужой в этой ложе. И я понял тогда, что такое место нельзя за деньги купить, реально его нужно заслужить - только тогда получишь удовольствие. Мой приятель - олигарх, наверное, уже это знал, оттого ни разу и не пришел в театр.

Вообще, ко мне все были почтительны, но раза два я видел свои букеты в урнах у служебного выхода. Сначала была мысль обидеться, а потом решил, что это даже хороший знак. Кто я для них? Пройдоха! Они и так напрягаются за эти пару тысяч мне книксены делать. И возможности поговорить с ним нормально, о себе рассказать у меня нет никакой. А почему ее нет? Рассказывать-то нечего... Что рассказать? Чем похвастаться? Как месяц назад строители заморозили наш объект, нагло заявив, что их менеджер за взятку с нами подписал невыгодный для них контракт? И что это была неправда, и что на переговоры от них приехали ФСБ-ники и послали нас в жопу со всеми нашими убытками, и мы чуть было не ввязались в тяжелейшее противостояние, так как мои партнеры не видели больше возможности для переговоров и настаивали, что для начала нужно сжечь этим сукам машины. И по совести нужно было... и не только машины..., но я категорически запретил это делать, поехал к ним еще раз и хоть как-то, но договорился. Пришли к некоему компромиссу, стройка продолжилась. Но балеринам было бы скучно это слушать.

Или я мог бы рассказать, что мы продукции отгрузили на огромную сумму в Норильск, а там известная и уважаемая международная организация по



проверке качества ее выборочно перепроверила и констатировала, что продукция наша - говно и не соответствует высоким международным стандартам. Я и сам это знал и все норильские знали. Просто в их цену невозможно было иначе вписаться, хотя и откаты были вполне деликатные и прибыль наша маленькая. И вчера милая, энергичная девушка - представитель этой международной организации заявила при всех на совещании у покупателя, что для нее вопрос чести не пропустить нашу продукцию к потребителю. А я не очень громко, но так, чтоб она слышала, ответил, что в отличие от нее, для нас это не вопрос чести, а вопрос жизни или смерти. И внимательно посмотрел ей в глаза, а потом мы вместе с ней и с норильскими нашли компромисс. Даже если бы я рассказал балеринам, что эту фразу придумал не я, а это цитата из переговоров между Черчиллем и Сталиным по поводу судьбы послевоенной Польши, все равно я не набрал бы никаких очков в свою пользу. Для них я все равно проходимец и молодцы, что держат марку. Они же - Большой Театр!

Неприятное чувство, что я им чужой и никогда-никогда, ни при каких обстоятельствах эти красивые и талантливые люди не примут меня в свой круг, понемногу увеличивалось. Два раза мы устраивали небольшие банкеты, человек на двадцать пять. Мой приятель на первом ужине выбрал себе жертву, отвез ее на своей красивой машине с мигалкой и сопровождением домой, взял ее телефон. А со второго банкета он раньше уехал, у меня едва хватило денег расплатиться и еще я должен был везти домой его пассию. По дороге болтали ни о чем. Я по инерции строил из себя восторженного поклонника балета, она посматривала на меня с опасением. Ничего не отложилось в памяти - ни ее лицо, ни имя, ни фамилия. Может быть она теперь знаменитость...

Еще через пару премий, Васильев попросил у моего приятеля спонсорской помощи на новую постановку. Объяснил, что бюджет у него на два спектакля в год, а он ставит целых восемь благодаря деньгам спонсоров. Кажется, речь шла о пятидесяти тысячах долларов. Дальше последовала серия переговоров, когда я неделями висел на телефонах с помощниками и секретарями, организовывал встречи, а потом по два часа как мог развлекал Владимира Викторовича разговорами, так как мой товарищ позволял себе задерживаться. Что-то он в конце концов выделил, вроде бы тысяч тридцать, но сказал, что в премии больше не участвует. И я последнюю премию отдал полностью из своих денег. По поводу резкого прекращения благотворительности выкручивался тот мой сотрудник - знакомый директора по опере. Артисты, похоже, на него обиделись, и больше он им не друг.

В театр никто ни в какие ложи меня больше не звал, а у меня вроде как привычка образовалась... Как-то сам купил билеты, пошли уже не помню какой компанией, а в Москве тогда были гастроли Мариинского театра. В тот вечер танцевала их прима-балерина Ульяна Лопаткина. Я очень близко сидел, ряду в третьем, и вроде все шло своим чередом, отлично танцевали, и подошла минута когда по сюжету Лопаткина должна крутиться на сцене. Это называется фуэте. И вот музыка такая выразительная, и она как тугой, сильный волчок как закрутится: раз и еще, еще..., еще... Зал начал орать, и на меня опять накатило такое же внезапное чувство восторга, как тогда на первом акте оперы «Жизни за Царя». Смотрю на нее и восторг переполняет душу! Как вообще может быть такое? Она крутится себе на сцене, а у меня восторг! От чего? Почему? Вообще непонятно - просто млеешь и хочется разреветься. И не только я, а все зрители, похоже, были в таком трансе. Непонятно, как еще оркестр умудрялся играть громче, чем все орали и хлопали.

Спустя какое-то время, я, улучив момент, попросил своего приятеля - олигарха отдать его долю за последнюю премию, но получил категорический

отказ на том основании, что балерина ухаживаний его не приняла и он очень потратился на последний целевой взнос. Он сказал, что по совести, это я ему должен отдать свою часть за постановку спектакля. Я не удивился - все знают, что чем богаче человек - тем у него оригинальнее мышление. Для кого-то и я, наверное, таким же придурком выгляжу.

Но окончательно мы с ним рассорились не тогда, а при совершенно других обстоятельствах.

## ОСОБЫЕ СИТУАЦИИ

Однажды, в самом конце девяностых, мой друг Андрюха увидел по телевизору передачу про подразделение «Альфа», и в этой передаче был эпизод об их тотальной необеспеченности обмундированием. А у нас в то время было небольшое швейное производство, и мы решили этой «Альфе» подарить самую лучшую форму на всех бойцов. Связались с их начальством, разъяснили свою добровольную инициативу, согласовали модельки, количество, и забабахали им по размерам симпатичные такие черные костюмчики. Отшили, отгрузили, приняли их сдержанные солдатские благодарности и почетную грамоту. Тогда-то мы и познакомились с немногословным короткостриженным дядькой по имени Олег. Он был из действующего начальства и в качестве ответной любезности возил нас на стрельбище, катал на бронетехнике, и по ходу этого расширения нашего кругозора, у меня появилась мысль про «Агентство моделирования особых ситуаций».

Рядом с этим мужественным военным хотелось быть сильным и смелым, хотелось гордиться собой и даже совершать подвиги. Моя жизнь и работа не много давали оснований для гордости. Обычная жизнь и обычная работа... И я подумал, что если бы мы придумаем такие испытания и приключения, которые мужчина сможет с усилием, но героически преодолеть, то это может оказаться вполне востребованным. С полгода до этого я уже «поиграл» с «Мистером Геймером». Слабым местом их схемы была непредсказуемость клиента. Я, например, отказался лезть в пещеру с приключениями, другой как-то иначе схему ломает - все варианты предусмотреть невозможно. У нас таких недоразумений не будет: разработаем несколько программ, первая будет называться «Военный лагерь и участие в боевой операции», вторая: «Выживание на необитаемом острове», третья... придумаем потом. Поделился идеей с Олегом - он одобрил, тем более среди его друзей-знакомых столько было высокого уровня военных профессионалов без работы и без средств, что лучших из лучших можно было нанять совсем незадорого.

Сам Олег - человек занятой, то служба, то командировки - познакомил нас с Толей - парнем помоложе, который собрался увольняться из армии, а служил в каком-то очень боевом подразделении. Толя только что вернулся из Чечни, но не был ни алкоголиком, ни психопатом, ни мрачно-подозрительным типом. Такой располагающий человек, веселый, скромный, добрый даже.

Мы предложили Толе должность руководителя проекта, назначили на испытательный срок зарплату восемьсот долларов, дали поерженый автомобильчик в пользование, и за две недели он не только вник в мои путанные объяснения и пожелания, но уточнив детали, выстроил программу, представил цифры, все подготовил и организовал. Окончательно программа «Военный лагерь и участие в боевой операции» была готова меньше, чем через месяц. Рассчитана была на пять ночей и себестоимость ее составляла четыре тысячи долларов для группы в десять человек. Прежде, чем начинать дорогостоящую рекламную компанию, снимать офис, еще кого-то нанимать, было решено опробовать игру самим, «откатать», так сказать, на себе. Нужно было набрать желающих, готовых оплатить свою часть - долларов 400 на каждого. Начали поиск, всех родственников и знакомых заманивали как могли, но не нашли ни одного, кто согласился бы. Никто не говорил, что дорого и денег жалко, а сразу и безжалостно саму идею подвергали уничижительной критике. Я решил не сдаваться и тем же самым людям то же предложил, но даром. И, представляете, многие согласились! Идея перестала быть провальной, времени уже не было жалко, появилась возможность оставить без отцовского присмотра детей, любовниц, жен и все, что держит нас при доме. Так мы набрали полноценное отделение - семь человек, готовых к тяготам, лишениям и физической нагрузке. В нашей группе было пять моих близких товарищей и один мой двоюродный брат, и все вместе мы предвкушали никому из нас не ведомые, даже мне в точности не известные приключения.

\*\*\*\*\*

Анатолий разместил нас в недалеком Подмосковье, в лесу, в полевом расположении воинской части, где все командиры были его друзья. Нам чуть в отдалении от места расположения солдат, поставили палатку с печкой-буржуйкой и деревянными нарами, длинный обеденный стол и две лавки. Часть готовилась к отправке на Кавказ и солдатики целыми днями занимались боевой подготовкой. С ними были десятка два здоровенных кавказских овчарок, натренированных на поиск мин. Солдатики были чумазые, но бодрые, на нас посматривали снисходительно. Раз по двадцать в день они на время по команде рассыпались в цепь и устанавливали в правильных местах какие-то полупушки или автоматические гранатометы. Я отметил, что во времена моей срочной службы, такого оружия не было, значит боевая мощь российских вооруженных сил все-таки возрастает. У нашего же «платного» подразделения вместо автоматов были пентбольные ружья, которые мы взяли напрокат для себя и для команды условных противников.

Первые три дня нас по программе изнуляли тренировками. Каждое утро пробежка, зарядка, завтрак потом построение и по плану боевого распорядка нас сажают на БТРы и везут «на задание», - например, спуститься с крыши здания по веревкам и ворваться в окна или отрабатываем боевой порядок передвижения, когда при столкновении с противником арьергард совершает молниеносный обходной маневр под романтическим названием «удар хвостом скорпиона». Еще





мы бегали - точнее пытались бегать - в тяжелой защитной амуниции, где одна только каска весит пять килограмм. Два раза по полдня мы бабахали из всякого оружия на стрельбище, один раз лежали под прокатывающимся сверху БТР-ом, пытались понять устройство и логику установки простейших мин. А когда мы кидали гранаты, я обратил внимание на странную закономерность: как только ты подбегаешь к той линии, от которой должен сделать точный бросок и замахиваешься, твоя каска тут-же съезжает с головы на лицо, полностью закрывая обзор. Дальше командир в ужасе орет: «Не разжимай руку, левой поправь! Ты некоторое время осмысливаешь команду, потом до тебя доходит, возвращаешь каску на место и... бросок, падение, взрыв.

В этой части московской области оказалось много подходящих мест для военных занятий. Одним из таких полигонов был заброшенный коттеджный поселок, домиков на двадцать с полуразрушенными коробками хороших просторных домов с крышами, окнами и подвалами. Прямо в лесу на полянке стоит себе поселок, только дороги к нему нет кроме той, что по лесу укатана военной техникой.

Вечером, когда занятия заканчивались, мы ужинали и мылись из прибитой к дереву пластиковой бутылки с холодной водой. Наряд из наших же ребят все моет-убирает, поддерживает всю ночь буржуйку. Остальные спят одетые, в шапках так как печка протапливает палатку паршивенько, а на календаре только начало апреля.

Вообще-то было даже интересно, но физически очень тяжело. Нами руководили два молодых парня - офицеры без знаков различия, еще двое или трое из начальства наезжали иногда. Уставали мы страшно, не высыпались, мерзли и хотя старались поддерживать друг в друге командный дух и боевой задор, все же на третий-четвертый день слегка загрузили и сникли.

Одного из нашей маленькой компании звали Клаус. Он был худенький, носатый и смолоду, когда выпивал, здорово исполнял какую-то бодрую немецкую песню, хотя по-немецки вообще не говорил. Этот Клаус главным образом и сеял пораженческие настроения, удел чаще других: «на фига нам все это надо, чего мы - идиоты - сюда приперлись, сидели бы дома...», за что его терпеть не мог мой двоюродный брат - из всех наиболее подготовленный и самый неутомимый. Вообще за первые четыре дня мы, семеро, не сговариваясь, распределились на три группы: трое сильных, ловких и выносливых, трое унылых и ослабленных и Клауса, который непонятно уставал или нет, но злобно отказывался выходить на зарядку, нести ночью дежурство и каждый день требовал, чтобы его отправили домой. Под общим давлением и почти неприкрытыми угрозами, он воздерживался от решительных действий и продолжал вяло участвовать в тренировках, но нередко нагло ложился на нары и дрых вместо ратного труда. Я, организатор и вдохновитель проекта, оказался во второй, ослабленной тройке - бегал медленно, стрелял не туда и... было обидно, что мы так разделились. Мой брат и двое других крепких ребят незаметно стали отдельными: рядом спали, вместе сидели за столом, рядом шли или бежали в строю, смеялись, болтали. А мы - уставшие, оказались каждый сам по себе, хотя в «мирной» жизни мы все были друзья.

Два последних дня и одну ночь мы по плану должны были провести в лесу, имитируя выполнение боевого задания. Толя был нашим командиром, а с противоположной стороны против нас «воевали» начальство и инструкторы. Вечером перед боевым выходом нам раздали рации и каждому придумали позывной. Мне достался позывной «шишка», я же сам его и придумал - наткнулся глазами на шишку, а ничего оригинальнее мне в измученную голову не пришло.

\*\*\*\*\*

И вот, на следующее утро, мы, поднимаемся по тревоге, закидываем на себя рюкзаки, хватаем свое пентбольное вооружение и запрыгиваем на две БМП. Нас куда-то везут, высаживают, по рации ставят первую задачу - соединиться в такой-то точке, не позднее обозначенного времени. А точка не близкая, хотя и знакомая, и дорога, слава богу, известная, но нужно держать темп. Собрав бодрость, двигаемся то шагом, то бегом. В одном месте форсировали ручей, передавая друг-другу опорный шест. Я, когда шест ловил, чувствительно получил им по лбу. А шест этот - здоровенная палка -, как в замедленной съемке после меткого Толиного броска сначала одним концом воткнулся в дно на моей стороне, а другой его конец пошел прямо на меня, мне только и надо было - его рукой подхватить, но я промазал обоими своими лапами мимо него, как будто его обнял, а он мне по лбу... Костя - мой друг - так ржал, что у него даже дыхание перехватило, он упал на землю и как-то странно глаза выпучил, как будто его корежить начало. Но, потом ничего - встал, отдышался от смеха и мы дальше потопали. Ближе к обеду слегка разогрело - пить охота, но воды мало, весь запас нужно на два дня растянуть. Во рту пересохло, ноги свинцовые, ботинки тяжеленные, ружье это, будь оно неладно, - без ремешка, - и пластмассовый контейнер для пейнтбольных шариков все время отваливается, рюкзак сзади по спине шлепает, лес еще сырой: то лужи, то снег в низинках под деревьями - черный, грязный, подтаявший... Через пару часов встретились мы с основной группой.

Опоздали на тридцать минут, они уже нервничали - из-за нас могло сорваться выполнение новой задачи. И безо всякой передышки мы двинули вперед. У ребят силы побольше, чем у нас с Костиком, они впереди - авангард, а мы - арьергард, сзади тащимся в надежде, что передние чуть сбавят темп, и с нами Толя - замыкающим. Места пошли незнакомые. Еще часик топали, старались по сторонам смотреть, остерегаясь засады, но минут через пятнадцать я лично головой крутить перестал, а глядел только перед собой. До соединения с основной группой, мы с Костиком еще держались, а тянуться за неутомимым авангардом было гораздо тяжелее - как будто сам себе не принадлежишь, под чужой, невыносимый темп подстраиваешься. А тут еще Клаус все время ругается и угрожает, что из пентбольного ружья стрельнет себе в ногу и тогда мы, по правилам, должны будем тащить его на носилках. Костик топает молча, только, смотрю он зеленоватого цвета и вообще не улыбается. Толя тоже это заметил, сделали привал минут на пять, у меня и у Кости из рюкзаков забрали тяжелые вещи, мы слегка отдышались, пока Толя нам рассказал, как он своего «первого» ножом убил одним ударом в солнечное сплетение, и дальше пошли. И вот, интересное дело, я когда понял, что Костику еще тяжелее и он нуждается в моей помощи, пришло некоторое облегчение! Гляжу, как он на мои шутки через силу слабо улыбается и прямо-таки бодрюсь и бодрюсь! Толя переместился вперед, мы чуть подотстали, метров на двадцать. Передние косятся, но не ждут, топают себе - коняры, рукой махнули, мол: «догоняйте» и шарашат, как роботы. Я у Костика рюкзак забрал, догнали мы их из последних сил. А тут и засада! Впереди начали стрелять пейнтбольными шариками, Толя скомандовал, передние залегли, а мы с Костей должны быстро-быстро в обход бежать и наносить тот самый «удар хвостом скорпиона». Но у нашего скорпиона оказался почти парализованный хвост, бежали мы еле-еле, никого не увидели - засада успела уйти, оставив нам трофей - две бутылки воды. Попили дополнительной водички и продолжили движение. Так шли целый день, еще раз нас обстреляли, мы во второй раз и бежать не пытались, а просто упали где шли и лежа отдыхали. А чего я буду стрелять? Ружье засорилось и каждый шарик разрывало в стволе, только краска выпрыскивалась на метр - вот и вся моя огневая мощь... А дело к вечеру и получается, что придется устраиваться на ночлег в лесу.

Весь день мы по лесу топали. Лично я дошел до полного оцепенения. А всего-то шли один день! Толя рассказывал, что они реально топают дня по три-четыре, все загруженные железяками, в бронежилетах, а потом еще и в бой. Раньше, я считал себя спортивным, в Ворд-Классе, посещал тренировки продвинутого уровня. А здесь вообще всё другое - ненормальная и непривычная какая-то нагрузка, от нее не бодрость, не приятная усталость мышц, а свинцовая тяжесть и тоска. Чувствуешь себя вьючным животным. Я тащился за Костей и вслух разглагольствовал, что игра не получилась, ругал Толю и всех других военных организаторов. Нёс все гадкое, что приходило в голову, а Толя шел совсем близко и все слышал, не оборачивался. Я то думал, что он идет далеко впереди и продолжал безо всяких церемоний высказываться. Стыдно вспомнить, я даже сказал, что тупые солдафоны вообще ни на что креативное не способны, а умеют только одно - людей превращать в отупевших баранов.

Так мы и плелись. Теплилась надежда, что для ночлега нам что-то подготовят типа заброшенного домика или палатки и воды еще подкинут. Но брат сказал, что мы - «вояки хуевые» и не заслужили никаких поощрений, потому, что везде опаздывали и ни разу не уложились в расчетное время. Мне было уже все равно.

В сумерках прибыли на место. Задача была простая: переночевать, а утром взорвать охраняемый объект условного противника. Для этой цели мы

приперли мешочек песка, имитировавшего взрывчатку и несколько петард-ракет. Толя сразу распорядился выделить двух боеспособных для скрытного наблюдения за часовыми противника, чтобы понять схему расположения постов и режим смены караула. Самым бодрым был мой брат, он обвел оставшихся взглядом и выбрал себе напарника - не меня. Толя их увел, а мы начали обустраиваться. Скинули рюкзаки, разбрелись кто-куда. Нашли привязанную к дереву живую курицу и всё. Воды не было. Ни домика, ни палатки не было. Быстро темнело, делалось холодно, мы впопыхах рубили маленькие березки, строили настил, на него набросали ветки, копали яму для костра, пытались извлечь из берез сколько-нибудь сока, утеплиться, как вчера нас учили на занятии. Без самых бодрых дело двигалось плохо. Клаус, как только понял, что ночевать придется вот так, разорался невообразимо, на полном серьезе требуя эвакуации, никакие уговоры не слушая. В меня он выпустил затейливый поток нехороших слов, на уговоры не поддавался, угрозы игнорировал. А тут еще оказалось, что ни у кого из нас нет спичек, а с момента отбытия Толи и двух наименее деморализованных бойцов прошло часа три. Клаус наседал, и мне заползла в голову мысль, что может это так и придумали по игре, чтобы мы одни здесь остались с этой курицей... Я взял рацию и, переключая каналы, нашел один, на котором переговаривались, как будто, военные. И похоже те, которых мы знали. Послушав у кого какие позывные, я вызвал одного, чей голос был приятнее других: «Третий, Третий, я Шишка..., ответьте Шишке...» С минуту рация молчала, а потом третий отозвался: «Какая, накуй, шишка, ты кто такой, мудак?» Я не нашел в себе решительности что-то объяснять Третьему, и выключил переговорное устройство. Все молчали. Потом Клаус сделал предположение, что нас теперь найдут какие-то другие военные и запросто могут отработать операцию «уничтожение группы террористов по закону военного времени». Конечно, это было глупое предположение, но когда кругом лес, ты едва живой от усталости, ничего не ел кроме двух сухарей, давно и безнадежно хочешь пить, когда тебе холодно и нет никакой возможности согреться, когда шалаш, который легко строить теоретически, реально вообще не возводится, потому что только для настила нужно штук двадцать тоненьких березок, которых



в ближайшей округе просто-напросто нет, и с каждой минутой все больше и больше смеркается... В такой ситуации самые малодушные мысли начали лезть в мою голову. Я был единственный, кто по праву заказчика и спонсора не сдал перед началом операции мобильный телефон. На самый крайний случай по секрету от всех. Я его достал, включил и позвонил Олегу. Я сказал, что мы в лесу, нас все бросили, у нас один раненый на голову, и мы здесь без спичек замерзаем, а еще у нас нет воды. Олег выслушал спокойно, посоветовал не нервничать и обещал быстро во всем разобраться.

Прошел час, натаскав сухих веток к тому месту, где мог бы быть костер, мы сидели, прижавшись друг к другу на недостроенном шалаше. Вдруг, все вокруг осветив ярким электрическим светом, на поляну въехала светло-серая «Волга», из нее вышел дядька из большого начальства, забрал Клауса, дал нам спички и четыре большие бутылки воды. Потом он отвел меня в сторону и попросил ни на каких каналах связи кроме нашего не работать. Я стоял, шмыгая носом, извинялся, благодарил... Не хотелось их отпускать, тянуло еще поговорить, пожаловаться, что-то объяснить, но «Волга» в два приема развернулась и скрылась за деревьями.

\*\*\*\*\*

Мы только-только успели разжечь костер, когда вернулись разведчики. Они три часа почти без движения пролежали в подтаявшем снегу, хронометрируя, когда и куда ходят солдаты из караула. Костер еще только разгорался, не было ни шалаша, ни жареной курицы, ни горячего чая. А мне нечего было сказать в свое оправдание. Шалаш поставили уже в полной темноте, костер мало-помалу нас согрел, сварили еду из консервов, заварили чай. Встал вопрос про курицу. Никто не хотел ее резать и более того, никто не знал, что с ней делать потом. Как, например, избавиться от перьев? Я предложил ее отпустить, что, конечно, было глупо - отпускать курицу в лесу. В итоге, ее резал мой друг Андрюха, потом он же ее ощипал, помыл выделенным с боем стаканом воды и жарил для всех куски куриного мяса на палочках. По очереди поспали по два часа.

Толя не спал вообще, всю ночь он просидел у костра с кружкой чая. Не спать одну-две ночи - его привычная жизнь, и она ему нравилась гораздо больше, чем мельтешение в переполненных городах. Толе привычно было топтать день и ночь, жить в лесу, воевать, возвращаться ненадолго, и снова ехать в очередную «командировку». Ребята спросили, почему же тогда он хочет увольняться. Командир сдержанно поругал начальство, денежное содержание, квартирный вопрос. Получалось, что только из-за бытовых и административных неурядиц человек решил бросить любимое дело. Никто не спросил его о риске погибнуть или получить тяжелое ранение, а сам про это он не заговаривал, зато еще раз рассказал про «своего первого»: как получили задачу провести разведку в одной чеченской деревне, и они двигались по совершенно пустой улице, когда вдруг из-за забора на них спрыгнули те, кого он называл «чехи». На Толю чеченец



спрыгнул очень ловко, так, что ногами сразу выбил автомат, намереваясь взять пленного, но, кроме огнестрельного оружия, наш командир очень любил холодное, ему хватило мгновения выхватить нож и точно, на всю глубину лезвия, ударить нападавшего в солнечное сплетение. Русская группа оказалась лучше подготовленной, а чеченцы переоценили свои возможности и все погибли. Я спросил, не было ли у Толи потом каких-то переживаний, угрызений, все-таки человека убил, да еще ножом. Получил ответ, что вообще никаких, только огромная радость, что получилось, что не зря готовился и что повезло. Потом говорили про экстремальные возможности человеческого организма, и Толя рассказал, как у него был боец, которому пуля пробила сердце. А он, получив ранение в левый бок, вышел из боя, снял бронежилет, сел возле дерева и только тогда умер. Минуты две или три человек с пробитым сердцем ходил, разговаривал, совершал осмысленные действия. Объяснения этому ни у кого не было. Мой брат пошутил, что слава Богу «Толин первый» оказался нормальным в плане физиологических реакций, а то, если бы он еще две-три минуты осмысленно функционировал, дело могло закончиться не так благополучно. Потом мы его все-таки спросили про потери, про гибель товарищей. Толя ответил, что хорошо подготовленные гибнут редко, хотя и такое, конечно, случается.

Мне подумалось, что лично я - совсем не подготовленный и, наверное, очень быстро погиб бы, и Костик тоже, и Андрюха... Все мы ни фига не подготовленные.

\*\*\*\*\*

Объект нужно было взрывать на рассвете. Я в этом деле непосредственно не участвовал. Нас с Костей поставили в сторонке, сказали куда смотреть, если появится противник, тихо сообщить по рации и скрытно отойти. К счастью, противник не появился, а там, куда ушли ребята, вскоре бабахнуло, взлетели ракеты, основная группа вернулась и мы дали деру. На этот раз нужно было двигаться быстро, а двухчасовой сон в холодном шалаше мои силы никак не восстановил.

Бежать было тяжело. Мощным усилием воли я включил двигательную функцию, но ноги едва переставлялись, были натерты-перенатерты и уже через несколько метров должны были совершенно отказать. Было очень странно, что другие топают себе с сосредоточенными лицами, совсем без жалостливых и болезненных выражений, никто не просит привал, даже Костик... Выходит я один такой дохлый, малодушный и невыносимый?! Так одиноко от этого чувства, так жалко себя, что мало-помалу начинаешь замедляться, отстаешь сначала на шаг, потом на три метра... Потом я вспомнил, как тантрические йоги учат переносить внимание на ту часть тела, которой не плохо, а хорошо. Начал соображать какой части моего тела хорошо. Сначала попробовал на области гениталий сосредоточить внимание, но там слегка чесалось, - все-таки шли вторые сутки в лесу, - а еще нога у самого основания, с внутренней стороны натерлась, я даже понять не мог обо что. Потом попробовал на глазах сосредоточиться, или на центре лба, где какая-то умная чакра, но глаза заливал противный липкий пот, и они слезились еще со вчерашнего обеда, а лоб был больно укушен каким-то зловредным насекомым, так что лоб тоже не подходил, и внимание, вопреки моим усилиям, сосредотачивалось только на свинцовой тяжести в ногах, которая с каждым шагом все увеличивалась. Тогда я начал про себя петь и даже бубнил слова вслух, вернее, губами немного шевелил на выдохе. Один короткий и очень

матерный куплет из детской песенки помог отогнать малодушие и заставил меня бежать вопреки объективной невозможности. Постепенно я попал в темп отделения и двигался в аллюре, похожем на бег, исключительно на честном слове: ноги сами переставлялись неизвестно на каком уже топливе. Мне казалось, что я неплохо справляюсь и могу еще двигаться, но со стороны, наверное, все выглядело иначе. Минут через сорок у меня забрали рюкзак, ружье, потом хотели взять под руки, но Толя объявил, что мы оторвались от погони и можно перейти на шаг. Забрежжила надежда, что это всё, игра закончилась и можно отдохнуть, но командир получил по радиации еще одну, дополнительную задачу: освободить заложника в том самом недостроенном, или недоразрушенном поселке. Как добрались туда вообще не помню, нас с Костей оставили у забора, ребята заскочили в дом, поорали, побабахали из пейнтбольных ружей, и выскочили уже с Клаусом. Мы ничего не поняли, и даже не успели удивиться неожиданной встрече, потому, что на другом краю условной деревни остановились три БМП, с брони которых начали соскакивать и привычно растягиваться цепью хорошо знакомые нам чумазые, но бодрые солдатики. Мы опять дали деру на полной оставшейся скорости. Клаус на этот раз не ныл, не ругался и бежал быстрее других с очень беспокойным, тревожным и озабоченным лицом. У меня даже возникла мысль навесить на него для нормализации темпа наши с Костей рюкзаки. Сзади то тише, то громче шумели хорошо выпавшиеся, прекрасно позавтракавшие солдаты и, что особенно нервировало, раздавался собачий лай. Любопытно, что и моя резвость в таком аккомпанементе заметно возросла, а настроение улучшилось.

Не знаю почему нас не догнали, возможно, у них был приказ только сзади пошуметь, но когда они милосердно отстали и я начал уже надеяться, что наконец-то все закончится, новая группа преследователей показалась из-за деревьев, двигаясь нам наперерез. Толя, а за ним и все остальные, резко свернули и ускорили темп, уходя от опасности, а я упал в траву и начал стрелять из своего нестреляющего ружья в приближающихся бойцов. Боковым зрением я отметил, как ребята на мгновение притормозили, как Костик тоже хотел рухнуть в траву, но Толя что-то грозно крикнул, и все понеслись дальше, а я остался, ценой своей жизни прикрывать отход товарищей. Щемящее чувство жалости к себе, нахлынувшая и сразу отступившая тоска, суровое мужество окончательного решения - все это омыло мою душу чем-то приятным и заставило порывисто вздохнуть. Жалко сфотографировать меня тогда было некому.

Солдаты, судя по всему, тоже на мне что-то отрабатывали. Раздались приказы, преследователи залегли, ползком, без спешки, окружили меня с трех сторон, кинули два взрывпакета. Интересно, что собаки по команде тоже припадали к земле и ползли вместе с людьми. Я продолжал палить во все стороны и недоумевал как они без пейнтбольных ружей будут меня ликвидировать. Когда преследователи приблизились так, что злобное ворчание овчарок стало уже хорошо слышно, командир солдат, оказавшийся одним из наших инструкторов, крикнул: «Шишка! Уходи, не дай бог, одна сорвется...» Я не заставил его повторять, сиганул в кусты и понесся в лес, откуда только силы взялись! Потом еще с часик я воевал один: бегал по лесу, полагая, что от кого-то убегаю, потом сам решил перейти в атаку, выследил на дороге «Волгу», что вчера увезла Клауса и выскочил на них из придорожного кювета. А игра, как оказалась, была уже завершена и машину специально отправили на мои поиски.

Как единственный, героически отдавший свою жизнь за общее дело, я рассчитывал на некоторые лавры, но напрасно, день был не мой. День был Клауса. Все лавры достались нашему бесцеремонно дезертировавшему другу. Он и мой двоюродный брат наперебой, явно не в первый раз рассказывали «как все было».

\*\*\*\*\*

Оказывается, не успела «Волга» с эвакуированным Клаусом проехать по лесной дороге и двадцати минут, как люди в масках и зеленой униформе вышли из леса, остановили машину, вытащили из нее за шиворот нашего «однопольчанина», надели ему на голову мешок, а руки связали за спиной. Сердито разговаривая между собой на каком-то гаркающем языке, они надавали



Клаусу пинков и впихнули обратно в машину. Потом куда-то повезли, встряхнули, спустили по какой-то лестнице и пару часов он просидел со связанными руками и мешком на голове. Мы спросили пробовал ли он ругаться, качать права, требовать

его выпустить, остановить игру? Клаус ответил, что на этот раз желания ругаться у него не было, и он предпочитал помалкивать, тем более, что в подвале было тепло, стояла кровать с панцирной сеткой, а потом ему освободили руки, сняли мешок, дали поесть и отвели в туалет. Правда, утром, после завтрака мешок опять напялили, руки снова связали и снова отвесив пинков, посадили в углу на корточки.

Когда наш авангард ворвался в обозначенный Толей дом, противника там не было. Первым в подвал спустился мой брат, он и обнаружил фигуру с мешком на голове, решительно рассек ножом путы и увидел Клауса, который почти плакал от радости и благодарности. Он с таким чувством сказал: «Спасибо, ребята», что неизвестно откуда появились силы и захотелось еще кого-нибудь освободить.

\*\*\*\*\*

Вернувшись домой, я впервые в жизни проспал восемнадцать часов. Потом Толя показал нам фотографии, которые сделали наши инструкторы. Судя по крупным планам, они прятались чуть ли не у нас на дороге, а мы их не замечали, топали в двух-трех метрах мимо... Агентство я делать не стал, проект закрыли, перед Толей извинились. Он расстроился, предлагал чего-то переделать, объяснял, что слегка переборщил с нагрузкой, что можно еще облегчить. Ориентируясь на свои, среднестатистические ощущения, я понял, что главного - чувства мужской гордости, эйфории победы, радости преодоления не получилось. Еще я понял, что мы - гражданские, вояки никудышные и военное дело реальная, настоящая профессия, и как я никакой химик, физик, никакой стоматолог и не хирург, так и никакой военный.

Потом мне представилось насколько бесполезным может быть на войне необученное ополчение и как ничтожны шансы ополченцев сохранить свою жизнь.

Не найдя работы «на гражданке», Толя не стал увольняться из армии. Месяца не прошло, он прислал эсэмэска, что снова уезжает «в командировку». Больше он на связь не выходил.

ТРАНСЦЕНДЕНТНОЕ

Первые тридцать пять лет жизни «вечные вопросы» меня не интересовали. Чтобы загрузить голову мне вполне хватало вопросов практических. Такими же были мои друзья и жизненные попутчики, кроме, пожалуй, одного по имени Стас.

Стас с ранней юности состоял в секте Шри Шен Моя, отрицал привлекательность материального мира, почти ничего не ел и умел с помощью медитации перенаправлять энергию между чакрами своего организма. Эта способность помогала ему всю жизнь реально соблюдать целибат: он двигал энергию из паховой чакры, в чакру на лбу, освобождался от половой потребности и делался умнее. А еще бегал по сто километров меньше, чем за десять часов и все, что зарабатывал, аккуратно перечислял духовному руководству. Парень был умный, в очках, опрятный и худенький.

Мы взяли его на работу компьютерщиком в надежде, что оберегая свою карму от порчи, он станет работать, как и обещал, добросовестно и воздержится от злоупотреблений при покупке нового оборудования.

В целом Стас оправдал возложенные на него надежды, но... лишь отчасти. Хищений и приписок за ним замечено не было, но на рабочем месте он частенько отсутствовал. У нас тогда был офис с двумя входными группами, и Стас утром заходил в одну дверь, проходил через все помещения, со всеми здоровался, и тут-же, не снижая темпа, выходил с другой стороны. Чаще всего серверы, почта и принтеры благополучно работали и делать ему было нечего. Но он же нас обманывал! Когда я пытался взывать к порядку, Стас бесцеремонно выкручивался как самый обычный компьютерщик, устроившийся сразу на две или три работы для дополнительного заработка. Ему самому деньги были не нужны, но чем больше он отправлял в секту, тем было лучше...

Когда у Стаса выдавалось время побыть у нас, он деятельно агитировал окружающих в свою организацию. Я тоже вошел в круг сочувствующих, до сих пор помню имя Гуру, главные принципы и феноменальные достижения последователей. Мое воображение поразила перспектива перемещения внутрителесной энергии. Особенно завораживала возможность двинуть энергию мозга в направлении генитальной чакры, тем самым освободившись от душевных смятений, угрызений надоедливой совести и одновременно, мощно укрепив разнообразные перспективы сладострастия. Но освоить эту многообещающую технику я не успел.

Спасла меня наша уборщица, а вернее, ее привычка мощно двигать мебель, мешающую ее пылесосу.

Дело было в следующем: Секта Шри Шен Моя и Стаса, кроме йоговских практик, еще торговала разными волшебными штуками. Я лично для себя выбрал из ассортимента четыре прибора для защиты от всего нехорошего через электрическую сеть. Каждый стоил триста долларов США, исполнен был в форме небольшого цилиндра белого цвета с электрической вилкой. И вот однажды утром звонит секретарша и трагическим голосом сообщает, что два из четырех приборов уборщица раздавила столom и очень нервничает, что из ее зарплаты могут попытаться удержать их магическую стоимость. Прибыв на место я доломал разрушенный пластмассовый корпус и ничего там не обнаружил! От вилки в разные стороны расходились хорошо изолированные проводки, не подключенные ни к чему. Если бы я нашел там хоть какую-то микросхему с диодиком или кристалл любого цвета, то заказал бы себе два новых прибора взамен испорченных, но вид обмотанных изолентой проводков так разочаровал мои надежды на «защиту от всего нехорошего», что поблекла и перспектива перемещения энергии мозга в генитальную чакру. Уборщица была освобождена от ответственности за содеянное, а Стас уволен с работы. Мне показалось



любопытным, что он ничуть не удивился и совсем не расстроился. Со своим обычным обезбуживающе-внимательным, добрым и участливым выражением лица, он мягко отверг все обвинения в мошенничестве, тепло посетовал на мое безверие, и мы расстались в отношениях скорее приятельских, чем враждебных. Потом Стас оптом торговал оргтехником, вышел на хорошие позиции. Мы у него покупали все, что было нужно для офиса. Каждый раз, я специально уточнял: продолжает ли он бегать по сто километров и соблюдать целибат и всегда получал наитвердейший положительный ответ.

\*\*\*\*\*

Других людей, посвятивших себя служению идее, мне за годы молодости встретить не довелось, а может я их просто не замечал или считал лицемерами.

Даже когда на целый год, я стал слушателем лекций и участником выездных семинаров по тантрической йоге, руководила мною вовсе не идея внутреннего просветления и душевной гармонии.

Здесь, мне придется рассказать кое-что про мою личную жизнь. Широко известен сюжет, герой которого, страдая от одиночества, не может выбрать и полюбить одну из прекрасных женщин, активно претендующих на его благосклонность. Получается, что он вроде переживает и жалуется, но, с другой стороны как бы и бравирует: великолепный мужчина утомлен женским вниманием, но будучи человеком тонкой душевной конструкции, не может найти счастья ни с одной...

У меня же все было иначе. Женился я равно, но не считал это обстоятельством, ограничивающим поиск определенного рода романтики. Проблема была в том, что поиск удачно не складывался. Ни одна девушка ни разу в жизни никаким намеком мне себя не предлагала и тем более не пыталась меня добиться. Ни разу мои мужские стати не привлекали барышень настолько, чтобы хоть одна решилась отдаться мне безо всяких обязательств с моей стороны, просто так, то есть для взаимного эротического, телесного удовольствия. Никто не соглашался познакомиться со мной даже просто для безвредного проведения времени, но без перспектив женитьбы или материальной заинтересованности. Когда я сам пытался знакомиться с девушками на улице, в метро, фитнес-клубах или кафе, успех мне не сопутствовал. Обмануть бдительных женщин в том плане, что я мужчина свободный и нахожусь в поиске единственной подруги жизни не удавалось, да и стыдно было..., а каждый следующий провал болезненно ранил мое самолюбие.

Так что в молодости я вынужден был платить за любовь. Одно время я на женщин много расходовал, потом подсчитал, расстроился и начал экономить, но это заметно сказалось на качестве. И не получалось найти какой-то приемлемый баланс. А моей мечтой была встреча с девушкой материально независимой, красивой, сексуально раскрепощенной и заинтересованной во мне не тотально, а с некоторой разумной регулярностью.

И у моего друга Лехи была такая же мечта, но, в отличие от меня, он деятельно к ней двигался и наконец нашел сообщество тантристов, где помимо оравы оборванцев бывали милейшие девушки, как раз имеющие все те достоинства, о которых мы почти уже безнадежно мечтали. Тем более Леха рассказал, что на семинарах тантристы чуть ли не догола раздеваются и делают

такие упражнения в парах, что до секса остается полшага или еще меньше. Ясное дело, уговаривать меня не пришлось.

\*\*\*\*\*



Желающих присутствовать на очередной тантрической лекции набрался полный актовй зал, сидели в проходах и на подоконниках. Всех рассмотреть не удалось, но мелькали лица вполне привлекательные. Действие состояло из ответов ведущего на записочки зала. Вопросы звучали серьезные, о практиках, просветлениях, дыханиях, а отвечал лектор весело, даже легкомысленно. Если не сказать, что он постоянно строил рожи, то можно

выразиться так: лицо у ведущего было весьма подвижное, с богатой мимикой и часто меняющимися выражениями. Говорил он тоненьким, каким-то придурочным голоском, хотя был здоровенным дядькой с мощными мускулами и физиономией комбайнера. Раньше я таких живых, улыбчивых, располагающих к себе людей встречал только среди мошенников. Сначала мне показалось, что это вообще не йога, а какой-то прикол, вроде на сцене артист издевается над йогами и их передразнивает. Всем было весело, как будто мы на забавном любительском представлении, или школьном спектакле. Никакого сакрального чувства не возникало, как не возникало и никаких особенных ощущений. Просто приятные, веселые люди, сидят и хохочут. Леха мне шепнул, что в первых рядах прямо перед выступающим сидят те, что пришли за два часа до начала, и это самые продвинутые тантристы, которые чувствуют и умеют обращать себе на пользу положительные флюиды, исходящие от лектора. Я внимательно присмотрелся, люди как люди, хихикают, ржут, друг с другом шепчутся.

Какие вопросы обсуждались я не запомнил, но, помню, было интересно, я даже как-то помягчел, расслабился, улыбался вместе со всеми, хохотал, поглядывал на девушек. Люди кругом культурные, воспитанные, вероятно, хорошо образованные. Тонкий юмор, изящные намеки, сдержанные улыбки, и вдруг, с шумом распахивается дверь и в зал заглядывает получеловек-полуобезьяна в кожаной куртке с рожей, гаже и наглее которой придумать невозможно. Вваливается в зал, и громко, перебивая лектора произносит: «Во... сколько мудаков собралось, у-у-у, пидарасы...». Лектор и зал вообще никак не реагируют. Лекция продолжается, только в зале перестали смеяться. А этот тип с минуту постоял, слегка пошатываясь, и снова громко вставил какую-то омерзительную реплику. Я сижу напряженный, прикидываю, что с Лехой вдвоем мы, скорее всего, могли бы этого австралопитека победить в рукопашной схватке, хотя и не без потерь, так как выглядит он крепеньким таким подонком. Но удивляет реакция окружающих! Притихли все, в его сторону не смотрят. Я здесь в первый раз, а они же все знакомы между собой! Как потом в глаза друг другу будут смотреть! Я когда в школе учился, в физико-математическом классе у нас были случаи, когда один или два хулигана словесно унижали нас почти что всех. И обидно было, и стыдно, но это школа, а здесь полно взрослых мужиков, да и этот комбайнер на сцене... Только что так умно, красиво говорили, так мило и весело всё было, а один какой-то мерзавец всех смешивает с дерьмом, и весь зал делает вид, что не замечает ничего! Смотрю на Леху, а он хихикает и, глядя на мое изумленное лицо, шепотом объясняет, что этот неандерталец тоже из заправских йогов, чуть ли ни близкий друг того, который на сцене, и у него просто такая манера шутить.

Гомодрил и правда, еще постоял немного, а потом пришел вперед, уселся возле сцены, и, как все, стал спокойно слушать. Лекция вскоре закончилась и все стали расходиться. А мне подумалось, что этот мерзавец может снова начать приставать, пусть даже в шутку, но уже лично ко мне, как к новенькому. И сразу все настроение пропало окончательно, мысль познакомиться с кем-то из местных барышень поблекла. Я честно признаю, что остроумно отшутиться не умею и всегда теряюсь, если, даже в шутку меня начинают подначивать. Да и давненько не было в моей, окруженной уважением жизни

никакого хамского посягательства. А тут как будто снова я сделался тщедушным, всего боящимся пацаном. Робость напала предательская, чуть ли ни страх, самому стало противно и я специально прошел к выходу близко от этого хама и даже взглядом его смерил, как мне казалось, презрительным.

\*\*\*\*\*

Потом еще были лекции. Три или даже четыре. Подробностей в моей голове не сохранилось, помню, что очень нравились шуточки и легкая, слегка ироничная атмосфера в зале. Еще запомнились, имя и фамилия лектора. Его звали Андрей Лапин.

На ближайший практический семинар мы с Лехой записались в первых рядах, заплатили и в пятницу вечером уже припарковались в малопривлекательном подмосковном санатории. Условия были спартанские, питание вегетарианское. Алкоголь, наркотики и секс на время семинара объявлялись запрещенными. Начало первого блока упражнений - сразу после ужина. Форма одежды - спортивная, с собой иметь коврик для гимнастики и плотную повязку на глаза.

Для первого упражнения выключили свет, Лапин всем предложил встать, слегка согнув руки в локтях, завязать глаза, и дальше нужно было трястись всем телом под негромкую, ритмичную музыку. Он предупредил, что при выполнении этого упражнения может возникнуть тошноты и даже начаться рвота, которой не стоит препятствовать, никуда не убегать, не пытаться прицелиться мимо людей и ни в коем случае не прерывать упражнение, даже если стошнит на человека перед тобой. У меня не получается смешно передать его инструкции, а он так говорил, что все ржали и никого, конечно, не рвало, но всем было легко и весело. В первые пять минут я несколько раз через повязку подсматривал. Зрелище было странноватое: человек сто мужиков и теток трясутся в полумраке с завязанными глазами. Недалеко от меня девушка тряслась и у нее в соответствующих местах всё живописно подпрыгивало в такт музыке. Я косился-косился на нее, а Лапин как раз тут замечает в микрофон, что подсматривать тоже очень увлекательно, но мы здесь собрались не для этого, и чтобы семинар прошел с пользой нужно крепко закрыть глаза и трястись со всей добросовестностью. Пришлось подчиниться. Пару раз я оступился, но потом вошел в ритм и трясся целый час без остановки. Любопытно, что время очень быстро пролетело. Я, например, если на беговой дорожке час бегаю, даже под музыку, время очень долго тянется, а здесь - трясусь и хорошо так... трясся бы и трясся. Даже досадно стало, когда музыка кончилась и включили свет.

Было еще упражнение на пресс и на ягодичные мышцы, которое йоги называли Кундалтини. Надо было лечь на спину, ноги согнуть в коленях, кулаки подсунуть под пятки, высоко поднять задницу и в таком положении стоять сорок минут. Потом безо всякого отдыха еще двадцать минут делать движения тазом вверх-вниз под мощный барабанный ритм. Я спортом занимаюсь и знаю, что это невозможно. И зад отсыхает и пресс максимум пять минут и нужен отдых. А Лапин еще шутит, что упражнение иногда провоцирует у женщин непроизвольный оргазм такой силы, что они громко орут, но на это не нужно обращать внимание, ведь мы здесь все высокодуховные люди...

Не пытаюсь совершить невозможного, я каждые пять минут отдыхал и осторожно через повязку подсматривал. Некоторые тоже, как и я, отдыхали, но были такие, что все это время держали зад высоко безо всяких поблажек, или они

отдыхали, когда я не видел... В конце, когда вступили барабаны и надо было делать движения тазом, несколько женщин и вправду заорали. Кто именно я, правда не успел заметить. Остальные, как и предписывал ведущий, никак не реагировали, я тоже старался не обращать внимания, но чувство осталось хорошее.

На следующий день, в субботу задания были еще интереснее. Особенно в парных упражнениях. Мне понравилось дыхание рот в рот. Оказывается, можно воздух выдоха еще раз вдохнуть и так раз до пятнадцати, пока не кончится кислород, гоняешь из одного человека к другому, слившись в поцелуе. Перед этим упражнением Лапин напомнил почистить зубы и жвачку пожевать. Еще посоветовал выбирать партнера, который по-человечески и сексуально тебе не нравится. Сказал, что в таком случае эффект будет лучше. Но я выбрал симпатичную женщину и офигенно с ней воздух перегонял. Лапин советовал партнеров менять чаще, так что я с разными женщинами другие упражнения попробовал. С мужиками не пришлось. Еще запомнилось, когда все делятся на три группы: одни сидят на полу с завязанными глазами, другие лежат на полу тоже с завязанными, а третья группа без всяких повязок ходит между ними всеми и всех трогает, кого и где хочет. Лапин пояснил, что трогать нужно нежно, под одежду залезать нельзя, толчею вокруг молодых девок не устраивать. А некоторые женщины для этого упражнения сами майку снимали и оставались в одних, извините, трусах. Я сначала робел, а потом гляжу: все уверенно так выполняют упражнение, протестов, возражений нет, и тоже осмелел. Когда я сам сидел или лежал, меня никто не трогал, только один или два раза кто-то вскользь провел рукой по спине, и все. Но зато, когда была моя очередь ходить, я времени зря не терял, но одновременно думал, что такие простые вещи, а как хорошо освежают чувственность! Не станешь же с женой дышать рот в рот или трястись с завязанными глазами - глупо как-то и неприлично, а в атмосфере йоговского семинара, с малознакомыми людьми - пожалуйста, и очень даже хорошо!

Дальше шло, по словам Лапина, самое трудное упражнение. Все то же самое, но «зрячая» группа свободно ходит между остальными, никого не трогает, а только шепчет всем обездвиженным приятные слова.

Для тех, кому трудно найти приятные слова, Лапин разрешил представить на его месте любого другого и говорить что захочется, пусть даже вранье или глупости. А если совсем нет такого человека которому хотелось бы сказать приятные слова, Лапин рекомендовал представить себе холодильник и тихо шептать например такое: «... Ты такой белый и красивый, в тебе есть внутренний свет, в тебе есть все, что мне нужно для счастья».

Всю субботу, с небольшим перерывом на обед, мы занимались. На воскресенье осталось только одно упражнение, называется «Лес». Все медленно ходят по залу с завязанными глазами и все. Натыкаешься на кого-то, отступаешь в сторону. Многие для выполнения этого упражнения снимали даже трусы. Мне показалось, что несколько раз мимо меня проследовал мужик, который в последний раз мыл свое хозяйство вообще не сегодня и даже не вчера, но может он и был один такой неряха. Я подозревал одного бородатого голодранца с дикими глазами, но утверждать не буду, так как на этом упражнении я не подсматривал.

Часа два мы так ходили или больше. Под музыку. Потом повязки сняли, все оделись, сели в кружок и желающие поделились своими ощущениями и переживаниями. Среди рассказавших о своем опыте была одна женщина, внешне скромная, хотя и интересная, лет тридцати, рядом ее муж сидел - тоже йог, и вот она рассказала, что этой ночью ей снились эротические сны, как будто бы ее кто-то - она использовала выражение: «в меня входил» - и уточнила что «три раза



спереди и четыре раза сзади» и еще, что «это был незнакомый мужчина». У меня аж дух перехватило, ну, думаю, начинается... Мне сразу представилось, что это я ей снился, потом я взгляд перевел на Леху, и по его лицу я понял, что он тоже думает, что снился ей именно он. Лапин после ее рассказа уточнил, что не стоит буквально воспринимать такие сны и то, что человек о них рассказывает, еще не значит, что он может быть легкой добычей соблазнителя. Но мне очень хотелось воспринимать все как раз буквально, и Лехе, похоже, тоже этого хотелось.

\*\*\*\*\*

Потом были еще лекции, еще семинары. Оказалось, что йоги встречаются только на семинарах и лекциях. Таких, чтобы в жизни были друзьями, почти не было. К нам относились снисходительно, рассказывали, что многие приходят в Тантру с примитивными целями, которые благодаря занятиям йогой неизбежно, мало-помалу уступают место другим, возвышенным смыслам. Советовали не сачковать на упражнениях и не подсматривать. На мое недоумение как это: «не сачковать», если уже невозможно стоять с поднятым задом, мне говорили, что не надо обращать внимания на свои ощущения, нужно перемещать



внимание в другие части тела, например, в пятку, на лоб или куда я хочу. Просто говорят: «Не верь своей усталости, живи как будто ее нет...» Нормальная

инструкция? А женщины там были очень умные и общаться с ними было легко. Мы с Лехой добросовестно пытались их вовлечь в свои кобелячьи затеи, а они тепло так и даже жалостливо смотрели на нас и пытались объяснить, что даже нам самим это совершенно не нужно. Мы весело настаивали, предлагали как-то особенно это организовать, по-йоговски. Приятно общаться с женщиной, когда она тебя не прогоняет, даже если и отказывает. Просто болтаем, весело всем, но никто не обзывает нас озабоченными придурками, никто не делает на лице смешанную гримасу испуга и отвращения, и даже неловких пауз не повисает в воздухе.

\*\*\*\*\*

На последнем семинаре я попытался не обращать внимание на усталость когда держал зад высоко поднятым, и представляете, у меня получилось! Мало того, что я простоял сколько положено, в какой-то момент у меня в области живота и таза началась мелкая внутренняя вибрация, которая позволила совершенно расслабить обычно задействованные, очень уже уставшие мышцы. Я совершенно расслабился, я отдыхал, а моя задница сама-собой держалась над землей, мелко подрагивая! Никогда в жизни я ничего подобного не испытывал! Потом, когда начались движения вверх-вниз, внутренняя вибрация сбилась, но вскоре снова началась и мой таз поднимался и опускался без всяких физических усилий. Потом ноги ползли вперед и снова все сбилось, но я перегруппировался, поработал мышцами и... она пришла опять - эта вибрация. Я уже не обращал внимание на теток, бьющихся вокруг меня в оргазмах, так мне было интересно это новое ощущение и новое, неведомое прежде, состояние.

И еще в этот же семинар, когда я сидел с завязанными глазами, ко мне одна за другой подошли две женщины и тихо, но зажигательно, с чувством и придыханием произнесли на ухо одну и ту же фразу на незнакомом мне языке, из которой я понял только одно слово: «Кале». И я почему-то вообразил себе, что они просили некую индийскую богиню дать мне нечто очень необходимое. Я подумал, что они просят ее дать мне большую любовь... И представляете, вскоре я решил на развод, а потом встретил свою будущую жену, которой за годы нашей совместной жизни ни разу не изменил. И не хочется. Как бабка отшептала...

А лекции и семинары закончились неожиданно. Лапин пропал. Говорили, что он реализовался в радужное тело. Нигде его не было, даже его жена - тоже йог - ничего не знала о нем как и самые его приближенные тантристы. Леха ездил на один семинар без него, но сказал, что уже совсем не то. Без Лапина ни лекции, ни семинары не получались.

У меня есть друг в Таджикистане. Точнее, даже два. Одного зовут Доврон-Хон, а другого Наим-Джон. Они близкие родственники.

Мы познакомились, когда Таджикистан только стал членом Таможенного союза и я, грешным делом, имел корыстный план устроить там малобюджетную растаможку «колониальных товаров» из Китая и Индии. Острой необходимости в этом не было - у нас и в Москве все хорошо работало, но всегда стоит набирать запасные варианты, если представляется возможность.

А еще хотелось просто куда-то свалить, вырваться из привычного, рутинного распорядка жизни, и не просто свалить, а свалить «назло». В моем случае назло жене. Со мной так бывает: если я кругом неправ, все равно ничего не признаю, обижаюсь, морду делаю таким злым кирпичом: «Муж тебе не нравится? Так вообще меня не увидишь!» И валю куда-нибудь на недельку с чувством полной моральной свободы, типа я ей на неделю даю развод за бесчувствие и безразличие к измученному каторжной работой кормильцу семьи.

А в тот момент у меня и в других, несемейных личных отношениях назревал болезненный кризис, и в голову пришла мысль: найти себе таджикскую девушку, заплатить за нее калым, поселить в Москве и пользоваться всеми преимуществами ее патриархального воспитания, а потом, может быть, и жениться, если понравится, а не понравится - отправить обратно к родителям.

\*\*\*\*\*

По Таджикистану, где недавно закончилась вторая гражданская война, у меня был тот же контакт, что и по Большому Театру. В глаза мы называли его по имени-отчеству, а за глаза - Шурик, хотя человек был вдвое старше каждого из нас, гораздо лучше образован и чего только ни повидал в жизни... Если нас могли услышать посторонние, мы его называли Константиныч - старались не демонстрировать пренебрежения. Про «Шурика» от знал, конечно, и однажды, подвыпив, сказал мне, что можно его и в глаза Шуриком называть. И добавил, что был когда-то другим человеком, а теперь стал самым настоящим Шуриком... Мне так стыдно стало, я извинялся, как мог, врал, что у меня и в мыслях не было...

В общем, я изложил Шурику свой план и уже через пару недель мы спускались с трапа рейсового самолета Москва-Душанбе. Нас было трое: он, я и мой друг Андрюха, которого я уговорил слетать с нами просто так - для компании.

Первое, что, или вернее, кто поразил меня это сотрудник таможни, стоявший на выходе из аэропорта. Это был человек в форме, мимо которого через «Хайман» проплывали чемоданы. Он, обратившись ко мне, громко сказал, что сегодня еще не завтракал. Я не понял, переспросил, и он, показывая на свой рот, повторил что сегодня «плов не кушал». При этом человек держал в руках мой паспорт и смотрел то на меня, то на паспорт. Вид у него при этом был и вороватый,

и нелепый, и смешной. Я не знал, как на его слова реагировать, выручил Константиныч, который быстро сунул парню десять долларов, после чего я немедленно получил свой паспорт и смог покинуть территорию аэропорта.

По дороге в гостиницу Шурик мне объяснил, что обижать человека «при исполнении» ни в коем случае нельзя - может кончиться жестоким и унижительным личным досмотром, про который русские военнослужащие говорят: «Пять минут позора, потом снова офицер».

Следующее впечатление - все бензоколонки закрыты, но на каждом углу мальчишки торгуют бензином в канистрах. И совсем не дорого, и никаких очередей. Непонятно только, почему этот бензин не налить в АЗС, которая рядом стоит закрытая?

Душанбе с его широкими улицами мне понравился: спокойный, красивый, зеленый город. Машин мало, люди приветливые, пьяных или хулиганов мы нигде не видели. Ни шума, ни криков, ни ругани.

\*\*\*\*\*

Первым делом поехали в гости к старым друзьям Константиныча. Просторная квартира, люди положительные, веселые, интеллигентные. Русские. Накрыли стол, во всем такая симпатичная провинциальность... Они в войну решились не уезжать, хотя, говорят, было страшно. У них второй этаж и солдатики с БТР-ов прямо к ним в окно заглядывали, рассматривали... Мальчишки деревенские, почти подростки. Автомат на спине, а он семечки лузгает. Шелуха засохла на губах, вокруг рта, а он все кидает и кидает семечки себе в рот и молча смотрит с улицы в окно. На тебя, на твою жену, на детей, потом переводит взгляд на шкаф, на сервант, на телевизор... Я представил себе, как это все было и подумал, что тоже уехал бы на фиг. И этот вопрос - нужно ли было уезжать или все-таки оставаться - и стал главным за нашим Душанбинским столом.

Хозяева Константиныча обо все подробно расспрашивали, интересовались, как он устроился, кем работает. Шурик наш старался бодриться, мы ему поддакивали, но старые друзья все понимают между слов...

Вспоминали, какая прекрасная у него была квартира, какая замечательная дача, какие они там вместе устраивали праздники. Шурик, наверное, не в первый раз, рассказал, как все продал за какие-то символические деньги соседу-таджику. Проявляя понимание и деликатность, все участливо слушали. Потом его друзья рассказывали о себе: что живут нормально, ничего у них, к счастью, не отобрали, с работой плохо, но не ужасно, из знакомых все, вроде, живы-здоровы, жаль только русских почти не осталось, и никогда уже не будет той замечательной, полной, радостной и творческой жизни, которая была у них до войны... Они же все были с музыкой связаны, все работали Душанбинской консерватории, преподавали, принимали экзамены, давали концерты...

А ведь война-то у них была по масштабам - не Великая Отечественная, а всем жизни поломала. И тем, кто уехал, и тем, кто остался...

Через этих же друзей Константиныча мы нашли в Таджикистане телохранителя - их хорошего знакомого. Русский офицер, из ФСБ. Зарплата у него маленькая и человек согласился нас на своей машине возить и заодно охранять. Долларов за сто в день. С оружием, с удостоверением. Улыбчивый, общительный, ни слова матом, выправка офицерская и было в нем то, что называют «внутреннее достоинство». Историй он нам порассказал... Про то, что сотрудники силовых

ведомств здесь делятся на тех, кто имеют отношение к наркотрафику и на тех, кто этим делом брезгует. Он сам, например. Не хочет связываться, так как и дело неблагородное и люди вокруг него нехорошие. Мы тут же поклялись, что и мы не по этой части, а приехали для поисков растаможки «колониальных товаров». Он удовлетворенно покивал. Растаможка в перечень табуированных способов заработка не входила.

Мы ездили, встречались с разными людьми, и я все расспрашивал нашего сопровождающего работает ли в постсоветской, послевоенной республике закон? Каких можно ожидать неожиданностей? Какого рода могут быть происшествия? Какие возможности? С кем нужно договариваться, кого в долю брать? А еще я хотел узнать, если, например, придется из России срочно уехать, можно ли в Таджикистане спрятаться под другой фамилией, например?

Он ответил, что договариваться нужно на местах, в каждом районе свой начальник, называется - Раис. Он все решает, но, поскольку мы - чужие, то церемонится с нами никто не будет, и и при любом конфликте интересов - наша очередь последняя. Это мне и так было понятно, в Москве все то же самое. А про «спрятаться под другой фамилий», он меня разочаровал. Сказал, что ни фиги не спрячешься и что это как раз его тема - таких беглецов искать, а ищут их очень быстро и эффективно. Так что со «спрятаться» он нам помочь не может, но если кого нужно найти - всегда пожалуйста. А я уточнил: «найти и дальше что?» Что можно после «найти»? Он нахмурился и ответил, что дальше ничего. Если есть основания, то официальным порядком депортировать. Тут и Андрюха меня уже пихает под бок, дескать, чего это я провокационные вопросы задаю человеку «при исполнении». Такие вещи, все, для общей эрудиции только придурки выспрашивают. Я, как мог, свел все к шутке и извинился. Очень хорошее впечатление производил этот офицер. С ним можно было дело иметь. Нежадный, воспитанный, порядочный. Но на таможенных чиновников у него выходов не было. Мы с ним два первых дня ездили, пока были в Душанбе, а потом нас познакомили с Наим-Джоном, который и повез всю компанию к своему родственнику в неблизкий от Душанбе Худжантский район. К таджикскому морю.

Вообще-то, я - подозрительный человек. Всегда понапридумываю себе ужасов, от всего пытаюсь подстраховаться, трачусь на это, нервничаю, а на самом деле - ничего дурного и в помине нет. Глуповато получается, но лучше так, чем наоборот. Хорошо нам было в Душанбе. Все дешево, вкусно. Все тебе рады, улыбаются, в гости зовут, приглашают за стол. И народ на улицах не угрюмый, как в Москве, а улыбчивый, без затаенной классовой ненависти.

Шурик говорил нам, что у таджиков уровень преступности очень низкий. Получается они такие добрые, положительные люди. Независтливые.

Кроме запроса на растаможку, у меня был еще запрос на невесту. И с этим вообще все получилось по-идиотски.

\*\*\*\*\*

Я же ничего не знал про Таджикистан и представлял себе сцены из средневековой жизни, где я чуть ли не на невольничьем рынке приобретаю себе полужену - полуналожницу и она, будучи настоящей восточной женщиной, окутывает меня чудесами из «Тысячи и одной ночи», преданно заботится, никак не возражает против других жен, ну... и все в таком духе. Получается, я искал что-то вроде собачки со слепой, инстинктивной привязанностью к хозяину. Стыдно теперь вспоминать. Вроде не юноша был уже... Я ведь всех об этом активно



расспрашивал, типа просил совета, и никто мои патологические фантазии не



разрушал, все вежливо слушали, но отвечали уклончиво. А как-то утром я обнаруживаю, что с нами завтракают две милovidные женщины, точнее тетенька и барышня лет двадцати пяти. Оказалось, это и есть моя таджикская невеста, А женщина постарше - ее мать.

Девушка уже закончила мед.институт и работала врачом - стоматологом. Она старалась быть любезной, но видно было как ее смущает и раздражает эта дурацкая ситуация. Очень чувствовалось, что ее уговорили принарядиться и сюда прийти. Когда до меня дошел контекст ситуации, на душе стало нехорошо. Она, полагаю, сидела передо мной и думала: что же я за тупой дикарь, если сам не могу с девушкой познакомиться и требую каких-то idiotских смотрин. Я Шурика отвел в сторону и попытался объяснить, что это вообще не то, что мне нужно. Я таких стоматологов из хорошей семьи, первую молодость отдавших получению профессии, и в Москве найду сколько хочешь. Шурик невозмутимо отвечает, что если не понравилась, немедленно отправим обратно. А как теперь отправишь?! Будешь совсем идиотом выглядеть! Наоборот, говорю, давайте теперь какую-нибудь экскурсию быстро организовывайте, типа мы их пригласили для компании, хотим ознакомиться с местными древними памятниками. Как будто они своих памятников не видели... Экскурсию организовали молниеносно и весь день бедные женщины с нами таскались по жаре, обедали, и стоически переносили отведенную им двусмысленную роль.

Вечером, когда они уехали домой, Константиныч мне тактично объяснил, что здесь не так все плохо с правами женщин, многие только делают вид, вроде как подигрывают туристическим ожиданиям архаичной экзотики. Доврон-Хон, например, все время хвастался, что у него жена по мусульманской традиции дома сидит и тише воды, ниже травы, но Шурик ее знал еще десять лет назад, когда она была секретарем комитета комсомола своего курса в институте и уверен, что дела у Доврон-Хона пошли в гору не без помощи жены и ее родителей. В общем, получается, все как у нас... Наложницу мне купить не удалось.

\*\*\*\*\*

Худжант, куда мы приехали знакомиться с Доврон-Хоном - городок недалеко от гор, рядом с большим водохранилищем. Я раньше толком и не знал, что в Таджикистане есть горы, думал - одна пустынная степь и больше нифига. А тут такая красотища! Горные речки, склоны как в Альпах, всё в цветах, смотришь - не оторваться! И воздух! А кругом, никого.

Сам Доврон-Хон высокий, подтянутый, энергичный человек. Гордый такой, повелительный. Рядом с ним всегда три-четыре помощника. У него собственная гостиница, ресторан и конный завод и чего только нет... Мы ему про растаможку колониальных товаров, а он: « У нас так не принято, чтобы сразу о делах, поедемте сначала в горы, мы вам организуем охоту на зайцев». Как возразишь?

Составился кортеж машин в шесть. Мы с Андрюхой чуть-чуть занервничали, когда из города выехали, началась проселочная дорога, никакого асфальта, и Шурика отдельно от нас - в другую машину посадили. Снова зашевелились подозрения, что вот сейчас наденут нам на головы мешки и посадят в яму - письма писать родственникам, чтобы собрали денежки на выкуп. Но, как следует подумать об этом было некогда, так как ехали мы очень весело: выпивали, закусывали, хохотали и пели песни общего для нас советского времени. Андрюха тихонько шепнул, что если бы хотели похитить, то не кормили бы, наверное.

Часа через два мы подъехали к заброшенному санаторию или дому отдыха советского времени. Несколько домиков, внутри кроватями типа «панцирная сетка». Нам на травке разложили скатерть, разложили подушечки, мы присели, или скорее, даже прилегли, выпиваем, закусываем. Тосты говорим, смеемся, а я мало-помалу стараюсь все-таки разузнать у Доврон-Хона про его административные возможности. Получается, что вроде бы есть у человека возможности. Но по поводу контактов с таможенными чиновниками не понятно. Я пока не настаиваю, дело близится к вечеру, а на зайцев, оказывается, охотятся ночью. Прямо на машине носятся за ними, пытаются поймать зайца в свет фар и стреляют, высунувшись из окон. Меня немного удивил такой способ охоты, тем более, что все уже пьяненькие и даже трудно себе представить сколько кругом должно быть зайцев, чтобы их таким ковбойским способом настрелять.

\*\*\*\*\*

Стемнело, мы сели в гелинтваген, опустили стекла и поехали. С ружьем Доврон-Хон, все остальные фонарями по сторонам зайцев высматривают. Уже через пару минут поймали лучом первого, Доврон-Хон бабахнул несколько раз,

но не попал. В следующего попал. И раненый заяц так жалобно заверещал... как ребенок. Хотя я и был пьяный, но тут стало нехорошо. Весь азарт в момент испарился, смотрю вокруг себя: здоровые мужики, разгоряченные такие, решительные, радостно возбужденные выискивают среди чахлах кустиков беззащитных глупых этих зайчиков, чтобы убить. Блядь, вот нравится им убивать!

Сантименты эти, не ко времени были, конечно. Нужно было себя показать доблестными и мужественным, суровым охотником, чтобы такой человек, как Доврон-Хон захотел с нами дело иметь. Первого зайца добились, бросили в багажник, дальше поехали, двух или трех упустили спьяну, потом еще одного ранили. Снова этот его плачь, Ну, просто душу выворачивает. Я сижу, глаза закрыл, и мысленно посылаю зайцам сигналы, чтобы подальше убегали от машины. На меня еще минут пять никто внимания не обращал, а потом Доврон-Хон ко мне повернулся и, смеясь, предположил, что я уснул. Но я открыл глаза, и мы с ним взглядами встретились и, наверное, он понял что я чувствую. Проницательный оказался человек. Гаркнул на своих. Все фонари поубирали, бросили под ноги ружья. Едем назад. Даврон-Хон ко мне повернулся и спрашивает: «Жалеешь зайцев?» Я кивнул, он помолчал немного и говорит: «Извини, я не знал, что ты не любишь охоту. Я и сам не очень охотник. Хочешь выкинем их?» А зачем выкидывать, если уже убили? Я сказал, что не нужно выкидывать, только я есть их не буду. Он кивнул. Потом зайцев запекли в арбузах. Все очень хвалили. Водка в меня уже не лезла. Сидел, делал вид, что пью.

Когда собрались спать, была уже глубокая ночь. И холодно так стало... У меня зуб на зуб не попадал. Распределились по комнатам. Ребята Доврон-Хона в каждой спальне установили самодельные электрические обогреватели. Эти обогреватели... только что не искрили - так грубо были сделаны, какой-то изолентой перемотаны, кирпичами подперты. Я попросил из моей комнаты убрать этот прибор, сказал, что люблю свежий воздух. И мерз всю ночь, как дурак. До меня поздновато дошло, что если хоть в как-нибудь комнате начнется поджар, то все мы сгорим в этом сарае деревянном. Я это понял, когда мой обогреватель уже унесли. А глаза слипаются... Так и уснул с мыслью, что, наверное, сгорим, ну и ладно, чем мы так уже лучше зайцев, в конце концов...

\*\*\*\*\*

На следующий день, уже у себя в офисе, Доврон-Хон мне сказал, что с транзитной растаможкой помочь не сможет, так как у него в таможене хороших знакомых нет и вообще у них не очень принято так радикально закон нарушать. Предложил мне купить напололам брошеную фабрику хлопчатобумажных тканей и в Россию продавать либо ткань, либо шить что-то на месте, типа телогреек. Быстро посчитали на коленке - получилось дороговато. Так и уехали ни с чем. Но, что интересно, с тех пор мы дружим и с Доврон-Хоном и с Наим Джоном. Они к нам в Москву приезжали несколько раз, и мы к ним и в Ташкент, и в Душанбе, и в Худжант. Просто так дружим, безо всякого бизнеса.



## ДВИГАЮЩЕЕСЯ НЕБО

Наутро мы улетали на Родос. Там планировалось взять в аренду парусную лодку и провести неделю на воде в переходах от одного живописного места к другому, без спешки и напряжения, в созерцании природы и памятников древней цивилизации. До этого мы с Машкой год учились управлять судном типа «Бермудский Шлюп» и участвовали в двух парусных регатах для начинающих. Проще говоря, квалификация наша - вообще никакая, мы только-только победили морскую болезнь, чуть-чуть научились тянуть самые простые веревки, всего боимся, а заход на портовую стоянку в маленький ветер для нас почти то-же самое, что езде на лысой резине в гололед. Но в море тянет и особенно тянет безо всяких инструкторов и еще - найти таких попутчиков, чтобы они вообще были «в первый раз» и на их фоне мы выглядели бы заправскими моряками. И мы нашли таких отчаянных. Целые три семьи.

И вот, накануне, я сидел и искал в интернете: что там в Греции есть интересного. Наткнулся на статью, как в начале позапрошлого века лорд Байрон привез на помощь греческим повстанцам, сражавшимся с турками, сундучок с



золотом. Он, как мог помогал грекам в их самоотверженной борьбе, но его в Греции обманули и с любовью и с деньгами, ничего из того, что он планировал не получилось, и Байрону пришлось скрываться на каких-то болотах. Там он от грусти, разочарования в людях и из-за плохого климата заболел и вскоре умер. Но умер, совершенно утешившись, спокойным и почти счастливым благодаря Двигающемуся небу. Со слов авторов статьи, Байрон, поднявшись на соседнюю гору, несколько раз наблюдал, как перед рассветом небо начинает каким-то непостижимым образом двигаться. Это вызвало у Байрона такой трансцендентный восторг, что он умер счастливым и успокоенным несмотря ни на что. Как ночное небо могло двигаться? Куда? Откуда гора на болоте? Никаких подробностей в статье не было. Уточнялось, лишь, что такое явление можно наблюдать только в Греции, и больше нигде на Земле. Я когда-то читал, что Айседора Дункан тоже потратила все свои деньги на устройство в Греции какого-то безнадежного строительства. А рассудительный и рассудительные немец Шлиман, так очаровался Гомером и его родиной, что выучил язык, женился на гречанке, а потом нашел сокровища троянского царя. Ни Шлиман, ни Айседора Дункан, ни кто другой про двигающееся небо не рассказывали. Только умирающий Байрон.

\*\*\*\*\*

Потом был «кривой» перелет. У наших друзей не пришел багаж и от безвыходности они отправились на весь вечер в ресторан. Мы с Машкой прибыли в порт чуть позже, вместо ресторана перемыли лодку. Каюты и так маленькие, низкие, а еще пыль - вообще нечем дышать.

На утро утрясли хозяйственные мелочи, дождались, наконец, багаж, запаслись продуктами и двинули по заранее согласованному маршруту к первой уютной бухте. То, что вчера мы не присоединились ко всем, и вместо: «вместе весело выпить» злобно терли лодку, конечно, было ошибкой. В любой компании нужно почувствовать общий настрой, присоединиться к ритму и его солидарно придерживаться. А теперь я снова не соответствовал настроению команды. Меня перло ставить паруса, поворачивать, все снимать на камеру, а им хотелось спокойно посидеть со стаканчиком чего-нибудь освежающего.

Не попасть в общее настроение первого дня - это риск вообще не найти гармонию единения душ. Традиция вместе от души выпить сразу по приезду, хоть и кажется вульгарной, имеет мощную логику - она как бы перезагружает весь коллектив и дает новую, уже общую точку отсчета для будущей недели совместной жизни, как с вечера, так и утром следующего дня.

Лодка, отель, живописные места нужны как фон, как среда, в которой возникает душевное желание поговорить, побыть в приятном состоянии единения, унисона, резонанса человеческих душ. Когда это чувство возникает - человеку приятно и хорошо, а если нет, то весь отдых - бессмысленная потеря денег и времени. У ребят и вчера, и сегодня, резонанс, похоже, был. А у меня нет.

Так мы ходили три дня. Купались с лодки, высаживались на берег, катались на осликах, покупали всякую дрянь, осматривали развалины. Надувная моторка «динги», на которой мы добирались до берега с якорных стоянок, заводилась через раз, но нам было даже приятно поработать веслами. Один раз на маленьком пустынном острове мы бродили по совершенно пустой, вымощенной камнями, улице, мимо оставленных людьми каменных домов с террасами и балкончиками, мимо пустой церкви, где перед бумажной иконкой горел фитилек



масляной лампы. Все вроде бы было хорошо, но настроение душевно поговорить не приходило и еще... везде таскались на моторе - ветра не было. То есть не было дружной, объединяющей морской работы, совместного преодоления трудностей, маленьких побед, отдыха от настоящей усталости. Очень не хватало такой минуты, чтобы сели мы все вместе, налили по рюмочке и как-то объединить содержимое наших настороженных душ.

По опыту знаю, если что-то в тонких материях не срастается - не стоит настаивать, подталкивать, напрягаться. Остановись, переключись, прояви терпение... Но в тот раз у меня не получилось. Во время четвертого или пятого совместного обеда, выпив вина, я категорически пристал ко всем, требуя рассказать что у кого было в жизни загадочного или необъяснимого. Ни у кого такого не оказалось, даже у меня самого, но я продолжал настаивать и требовал откровенных признаний, чем всех разозлил окончательно. Я это видел, но не унимался, а глядя, на скалы, окружающие бухту, делал скептически-глубокомысленное и разочаровано-загадочное лицо. Потом я снова потребовал всеобщего внимания и поведал про Байрона идвигающееся небо. Никого не впечатлило, даже Машку, которая попросила, чтобы ни вина, ни закуски мне больше не давали. Тогда я опять перевел взгляд с окружающих меня людей на горы, окаймляющие бухту и провозгласил, что мы живем пошло, однообразно и безо всякого смысла и, возможно, маленький шанс все изменить - увидеть



двигающееся небо. Желаящих залезть на гору, там переночевать и утром ждать, что небо начнет двигаться не оказалось. Мне осторожно ответили, что все и так собираются на берег погулять и если найдется подходящая тропинка, то можно и подняться, но ночевать на горе все отказались категорически.

Чувство, что ты никем не понятый романтик, отвергаемый миром и собственной женой, жестоко страдающий среди людей с примитивными потребностями оказалось не только сильным, приятным и быстро захватывающим, но еще и мощно побуждающим действовать. Я тихонько положил в рюкзачок для пеших экскурсий хлеба, колбасы, сыра, две бутылки красного, две бутылки воды и складной нож. Оставив лодку на якоре, мы все вместе высадились с «динги» на пустынном, окруженном горами галечном пляже. Это было устье горной речки, ущелье которой разделяло два, довольно крутых склона, слегка поросших деревьями. Когда мы высаживались, подошла и бросила якорь еще одна лодка. Больше в бухте никого не было.

Мои спутники замешкались, а я в гордом одиночестве двинулся по пересохшему руслу. Никто меня не догонял, никто не беспокоился о моей судьбе, никто не разделял моего душевного порыва. Я, конечно, мог остановиться и подождать остальных, но это означало бы, что мой порыв, вся моя патетика, долгие взгляды устремленные к вершинам и к бесконечному небу, весь многозначительный скепсис были всего лишь жалким бахвальством подвыпившего болтуна. Для спасения достоинства оставался только один путь - вверх, к вершине! Красное вино, наверное, калорийный продукт - сил было столько, что ноги отскакивали от земли как резиновые. Невесомый, неудержимый, как квант энергии, я поскакал по этому пересохшему руслу, подобно настоящему жителю гор, даже, наверное, четвероногому.

Телефон вскоре показал, отсутствие сотовой сети, я упорно продвигался вперед, пролезая под упавшими деревьями, карабкаясь на обрывчики, которые должны были превратиться в водопады, если приходила вода. Я топал довольно быстро, но вершина не приближалась. Быстро темнело и я решил покинуть устье реки и карабкаться прямо по склону, по диагонали и вверх. Крутые участки чередовались с относительно пологими, я продолжал подниматься.

Связи по-прежнему не было, но примерно через час, где-то далеко внизу слышались крики. Что именно кричали было непонятно, но, похоже, это звали меня. Мое героическое настроение давно уже испарилось, было неловко перед ребятами но хребет маячил уже близко, там, наверху, еще было чуть-чуть солнышка, а возвращаться в черное ущелье совсем не хотелось. Я покричал в ответ. Мне казалось, что я очень громко вопил, а эхо мощно разносило и усиливало мои крики: «Возвращайтесь на лодку, я по-зво-ню-ю-ю! У меня все хо-ро-шо-о-о!» Что мне отвечали, было непонятно, но, вскоре крики затихли. Возможно, они меня услышали и двинулись туда, где их телефоны должны были заработать.

Я шел уже часа два. Появилась сеть, но ни до кого из наших я не смог дозвониться. Похоже, меня продолжали искать в ущелье. Тогда я позвонил тому человеку, у которого мы арендовали лодку. Его звали Паша, он был бывший советский инженер, но давно жил в Греции и зарабатывал в порту на чартере лодок. Паша оказался на связи и спокойно принял информацию, что я залез на какую-то необитаемую гору, у меня, все хорошо, но садится телефон и, если кто-то

из наших ему позвонит, пусть он скажет, что я благополучно добрался до вершины и вернусь, наверное, утром. Ни беспокойства, ни удивления Паша не проявил.

Когда я добрался до перевала, солнце уже скрылось. Наступили сумерки. Никаких признаков цивилизации не было. За этим хребтом был виден другой, а за ним, наверное, третий... Я уселся под здоровенным деревом, попил водички, пожевал хлебушка и стал смотреть на нашу бухту, где далеко-далеко блестели на вершинах мачт два белых стояночных огонька. Один был наш. Я не мог понять, какой именно, но думал, что ближний, потому, что дальний маячил уже довольно далеко, почти на выходе из бухты. Вторая лодка, наверное, решила уйти, странно, что не выключили стояночный огонь и не включили ходовые. Наверное, как и мы - начинающие.

Минут через пятнадцать я почувствовал, что ветерок-таки прохладный, а я в футболке и спортивных трусах. Пару раз совсем недалеко, я слышал топот каких-то мелких копытных. Самих животных уже не было видно во все сгущавшихся сумерках. Мысль, что на этой горе кроме травоядных могут быть и хищники, добавила тоски в мое беспокойное сердце. Каждые пять минут я звонил на все телефоны, но ни один так и не ответил. Неужели они еще внизу, в ущелье и продолжают искать меня в этой мрачной, все сгущающейся темноте?

Два белых стояночных огонька, все отдалялись друг от друга. Уходящая лодка двигалась совсем медленно и по-прежнему не заменяла стояночный огонь на ходовые. Я подумал, что можно было бы развести огонь, согреться и заодно дать понять, что у меня все хорошо. Огонь на вершине, как символ победы... Но вот спичек я как раз и не взял.

Мне очень захотелось в эту минуту оказаться внизу, со всеми ребятами, со всеми помириться, выпить чаю, и растянуться на своей кровати рядом с женой! Но что я мог сделать? Спускаться ночью, в темноте по ненадежному, каменистому склону? Я посидел еще с полчаса и на последнем проценте батарейки, дозвонился до своего товарища - Андрюхи. Придав голосу максимально возможное спокойствие, я сделал победный доклад, а он суховато и, как будто торопясь закончить разговор, посоветовал ночевать на горе, и не пытаться ночью идти назад. На этом мы и закончили. А стояночный огонь, уже почти вышедший из бухты в открытое море, вдруг бодренько пошел обратно и замер у самого берега. От нечего делать я снова позвонил Андрюхе и спросил, чего это там за бараны ходят то из бухты, то обратно со стояночным огнем. На что я получил ответ, что это не бараны, а они, и пока они меня искали, лодка сорвалась с якоря и чуть было не уплыла, догоняли ее на веслах, так как мотор вообще не завелся, и моя жена пообещала завтра же улететь домой, так как с таким мудаком, как я, она отдыхать отказывается.

Дело приобретало неприятный оборот. Но тут вышла луна и осветила окрестности, так что стало видно как днем. Я в третий раз позвонил Андрюхе и коротко сообщил, что топаю назад. Он только вздохнул и сдержанно пожелал мне не сломать шею, а потом добавил, что учитывая состояние моей жены, еще неизвестно, что для меня будет лучше.

И я потопал вниз. Когда луна светила ярко, я шел почти так же бодро как и днем, но как только ее закрывали облака, двигался на ощупь. За час, иногда на ногах, а иногда на заднице, я сполз к пересохшему устью, а потом еще часа полтора нарезал по камням в сторону моря. Поворот, еще поворот, обрывчик-водопадик, поваленное дерево... Ноги уже ни от чего не отскакивали, они гудели и ступали неуверенно. Я старался не думать ни о змеях, ни о диких горных шакалах, ни о вурдалаках, ни о нечистой силе.

Казалось, что я иду уже не часы, а дни, и эта совсем не та пересохшая речка... Я выломал себе здоровую палку, опирался на нее, стараясь

лишний раз не всматриваться в окружающую темноту и ни к чему не прислушиваться. А горные козы все топали и топали вокруг меня своими копытами. Чего они вообще за мной шли? Или это не козы? А что? Или кто? С копытами и рогами...

А потом начались приметные, запомнившиеся по дороге «туда» повороты, пересохшие водопады, поваленные деревья. Ущелье расширилось, луна светила ярко, каждый поворот был уже знакомым и почти родным. Отсюда я уходил часов шесть назад, когда заканчивался день, а теперь, когда уже наступила ночь, я возвращался. Возвращался, все-таки побывав на горе.

С прибрежного пляжа я позвонил Андрюхе, он подгрёб на «динге» и забрал меня с берега. Жена со мной не разговаривала и старалась, насколько это возможно в крошечной каюте, подальше от меня отодвинуться. А у меня вообще не было сил ни на что, кроме сна, даже ни на какие слова не было сил. Я просто влез в кровать и убабахался в сон.

Когда я проснулся было еще темно. Машка плакала, отвернувшись к стене. Она говорила, что у нас трое маленьких детей и я не имею права быть таким безответственным скотом, и если у нее была хоть малейшая возможность, она улетела бы домой еще вчера. Я ответил, что детей у меня не трое, а пятеро, и на «безответственного скота» я никак не могу согласиться. Она припомнила, как я отказался нырять и проверять якорь, а я ей то, что она выкинула мало цепи.



Так мы ругались с полчаса, а потом я признался, что на горе мне очень не хватало ее, и если бы мы пошли вдвоем, то не забыли бы спички и парочку теплых одеял, я бы помогал ей идти и, может быть, в эту минуту мы бы вместе виделидвигающееся небо! После Байрона мы видели бы его первыми из людей, живущих на Земле! А вдруг это изменило бы нашу жизнь к лучшему, мы смогли бы понять что-то по-настоящему важное, о чем мечтали и на что надеялись в молодости, а теперь уже почти забыли...

Машка перестала ругаться, примирительно сказала, что была не против даже и в гору лезть, а я сам виноват, потому, что «нажрался как свинья». И еще рассказала, что наша лодка уплыла не сама, а ее сдернули с якоря итальянцы, три раза бросавшие якорь поблизости к нам. Они никак не могли устроиться, бросали и вытягивали, снова бросали и снова вытягивали, а бросали поперек нашей цепи - идиоты, и в результате нас стащили. Машка даже видела, как наша лодка дернулась, но не придала этому значения, точнее не успела подумать, потому, что нужно было меня догонять, а потом искать. Еще она рассказала, что они метались по кустам и звали меня до самой ночи, нашли кости какого-то большого животного и все изнервничались, а потом вернулись на берег и увидели, что лодки нет, а моторку никто не умеет заводить и они ударили по веслам, по маленьким, неудобным веслам резиновой лодочки, было непонятно догонят или нет, и минут сорок ребята, меняясь, изо всех сил гребли и еле догнали лодку, а тут как раз я звоню...

В общем, я так и не увидел двигающегося неба, а ребята ни на следующий год, ни потом с нами на лодке больше не ходили. Теперь ходим с Машкой вдвоем, иногда берем детей. Старшие почти не приезжают, а Машке и младшим от меня деваться некуда.

## БАЙДАРОЧКИ

Самым лучшим моим дедушкой был двоюродный. Дед Костя. Он был младшим братом - папиного папы, героического полковника. Дед Костя дожил до вполне почтенного возраста, но остался здравомыслящим, бодрым, веселым дядькой, к нему было приятно заехать просто чтобы посидеть с ним и бабушкой Клавой, выпить рюмочку, поговорить. Дед Костя охотно рассказывал истории из своей жизни. И хотя некоторые обстоятельства так и остались невыясненными, но в целом от него можно было узнать правду и даже с подробностями. Например, как-то раз он обронил в разговоре, что вез из плена десять чемоданов вещей. Я



знал, что он был в немецком лагере не как захваченный в плен красноармеец, а как подросток, мобилизованный фашистами на работы в Германии. На уточняющий вопрос про десять чемоданов, дед Костя, ни секунду не смущаясь, ответил:

- А мне, знаешь, очень в картишки везло. Как в лагере большой кон собирался, так сразу звали меня, и я все выигрывал.

- И просто так все забирали?

- Иногда не хотели отдавать, но на то у меня было десять человек охраны, а у каждого из них свои десять человек.

- Ого! Сто человек... это же целая банда!

- Почему банда? Мы ничего плохого не делали.

- А вам просто так везло или вы умели какие-то фокусы использовать?

- Никогда! Никаких фокусов, просто мне всегда везло.

- А когда из плена вернулись играли?

- Нет, запретил себе категорически, ни разу больше карты в руки не брал.

- А почему, если у вас такая удача?



- Нехорошо это, так я решил и ни разу в жизни больше не играл. Разве только в дурачка, вот с Клавой...

И все. Такая получалась противоречивая картина жизни моего дедушки в лагере. И у него много было таких историй. И про немца, который его «купил» для работы на ферме, а потом спас от гибели, и про то, как он с товарищами убежал, и они все лето шли лесами в сторону своих, а осенью от голодухи и холода сдались в комендатуру, про то, как все десять чемоданов вещей у него украли сразу по прибытии на родину, как он, восемнадцатилетний, вернувшись из плена в родной Ростов, на ходу запрыгивал на поезда, добирался до паровоза и «просил у машиниста несколько мешков угля», а сестры потом продавали этот уголь на рынке - тем и жили. И про моего безупречного деда - героя войны, своего старшего брата, рассказывал, вспоминал, как тот познакомил его со своей военно-полевой женой.

Мне это все было интересно, и чем чаще я к нему приезжал, чем больше дед рассказывал, тем логичнее и законченнее становилась картина нашей семейной истории.

Я не знал тех людей, о которых рассказывал дед: ни его родителей, ни друзей семьи, ни сестер. А мой отец, должен был их знать, хотя бы по разговорам своих родителей. Мне казалось, что ему все эти истории должны были быть еще интереснее, но он никогда не ездил со мной к деду Косте и ничем из того, что тот рассказывал, не интересовался. Даже когда мне достались открытки, подписанные моим родным дедом - папиным отцом, его письма жене - моей бабушке и двум сыновьям - моему отцу и дядьке - папа просмотрел их мельком и вернул без всякой заинтересованности. К нам в гости отец позвал родного дядю только один раз, посидели за столом как с любыми другими гостями - без родственного тепла, без попыток что-то вспомнить общее, близкое для всех. Дед Костя тоже не мог этого понять и спрашивал меня: «А отчего твой папа такой необщительный?» Я не знал что ответить и только пожимал плечами.

\*\*\*\*\*

Прошло несколько лет, дед Костя умер, умер и мой папа, и как-то вспомнились эти слова, про «необщительный». Я осмотрелся вокруг и обнаружил, что у меня нет никакой своей компании. Когда я был моложе и бодро участвовал в бизнесе, знакомые, товарищи всегда были «по работе». Это называлось «обслуживать отношения» - внешне почти неотличимо от обычной дружбы. Мы много вместе ездили, часто собирались, и семьями, и только мужской компанией. Я всегда был общительным, воодушевленно произносил длинные тосты, от души отплясывал, вместе со всеми гоготал, хвастался, напивался. Что это было? Только работа? Если это была бы дружба, то что-то осталось бы. А ведь не осталось ничего - ни людей, ни традиций. Может быть случайность? И я решил снова попробовать себя в деле «крепкая мужская компания», и вызвонил одного давнего друга по имени Март.

Март уже лет десять или больше из года в год ходил на байдарках с немного знакомой мне по студенчеству компанией. Один раз в году они выезжали

летом с семьями на две-три недели, а второй раз - на майские праздники, одни мужики по высокой воде. Без детей поход у них был чуть сложнее: в одном месте с порогами. В этот их выход я и напросился. Компания была положительная: все с высшим образованием, у всех нормальная работа, средний достаток, все семейные, с детьми, разгильдяйства - минимум.

Техническая часть нашего предприятия состояла в аренде небольшого автобуса, который отвозил нас с байдарками на реку и через неделю забирал с конечной точки нашего путешествия. Оплата транспорта была главной расходной частью предприятия. Ехать было далеко: часа четыре, поездка обходилась, если я не ошибаюсь, в двести долларов в один конец. Альтернативой автобусу были две переполненные дачниками электрички. Не туда одна, обратно другая, а две в одну сторону. С пересадкой.

Собрались еще затемно, плотненько загрузились и неудобно, тесно сидя на куцах сиденьях, зажатые мешками и рюкзаками, ехали, пытаюсь дремать. Пока выгрузились, собрали байдарки было уже не утро, а самый настоящий солнечный день начала мая. Среди продуктов и снаряжения, имелись две десятилитровые и одна пятилитровая канистры с прозрачной жидкостью. Я поинтересовался - не мало ли будет воды? Ребята улыбнулись и заметили, что они - настоящие, бывалые туристы и воду берут из речки, а в канистрах не вода, а водка, но вопрос будет ли этих двадцати пяти литров достаточно на неделю пятерым мужикам, резонный, они сами на этот счет сомневаются, но на случай дефицита имеют резервный план «Б».

Я тоже улыбнулся, мы загрузились по плавсредствам, и тронулись в путь. Было красиво, тихо, Заросшие берега, вода спокойная и чистая. Гребли не особенно напрягаясь, уже через час устроили на живописном берегу стоянку, перекусили и я убедился, что в канистрах действительно не вода. Настроение сделалось совсем лучезарное, мы плыли себе по солнышку, пьяненькие, пели песни, смеялись, орали - никого не было на реке кроме нас!

Март хорошо знал эти места и ближе к вечеру вывел нас на высокое, сухое место, рядом огромные сосны, берег пологий, песочек... Причалили, поставили палатки, притащили дров, разложили костерок, варим себе чего-то в котелке, разговариваем, снова выпили. И тут я почувствовал, что водка больше в меня не вмещается. Дело в том, что в молодости я переболел желтухой и моя печень, после мощной нагрузки алкоголем требует нескольких дней перерыва. А ребятам никакой перерыв явно не требовался. Я еще немного посидел со всеми и пошел спать, так как разговор у костра казался мне все менее связным, а ребята, наоборот, выглядели так, как будто их беседа только выходит на тот уровень содержательности, ради которого они и ходят уже столько лет на байдарках.

\*\*\*\*\*

Дальше была ночь. Я в походе первый раз и на всякий случай купил себе отдельную палатку. Чтобы спать просторно и с комфортом, купил трехместную. Но с размером я явно ошибся. Моим одиноким дыханием нагреть воздух в палатке было невозможно и я смертельно замерз. Все, что я не подстелил под себя, я навалил сверху, но ничего не помогало и оставалось только медленно замерзать. Я пытался заснуть, сладострастно мечтая о маленьком газовом обогревателе, который видел в туристическом магазине, но покупать из жадности не стал. Теперь-то я понял почему Март и его друзья взяли одну палатку на

четверых. Они сразу предложили подселить ко мне одного из них, а сами остаться втроем, но я отказался. Значит - сам виноват.

При первых же признаках наступающего утра, я с заложенным носом и больным горлом выполз из своего индивидуального дома. Впереди было еще шесть дней похода, четыре из двенадцати таблеток стрептоцида я съел за ночь и, экономя медикаменты, решил как следует прогреться энергичной утренней пробежкой. Ребята еще спали, а я уже носился по лесу, согреваясь и заодно осматривая окрестности. Когда я вернулся к стоянке, все уже завтракали. Мой энергично-оптимистично-спортивный облик, вызвал на лицах моих товарищей недоумение и настороженность. Мне предложили присоединиться к завтраку и налили стаканчик грамм на сто двадцать. Отказаться было нельзя и я постарался его выпить. Водка была теплой и не только моя печень, но и все органы чувств препятствовали ей категорически. Но у человека есть воля, тем более у мужчины. Я мобилизовал все доступные морально-волевые ресурсы и проглотил ее. Вдавил в себя, впихнул, заставил ее провалиться в пищевод. Дальше уже я не мог контролировать ситуацию и ровно через три секунды водка, преодолев все мое сопротивление, выскочила обратно. Ребята посмотрели на меня без осуждения, но с грустью и состраданием.

Мы помыли посуду, собрали палатки, дружно пописали на уже залитый водой костер и двинулись дальше, понемногу работая веслами. По берегам реки изредка попадались темные, покосившиеся дома с завалившимися заборами. Было время, когда здесь жили люди, а теперь только мы шли мимо на своих байдарках по этим, теперь необитаемым местам. Днем пригревало солнце, было тепло и я почти забыл о своем горле и насморке. Ребята каждое утро выпивали по сто пятьдесят, днем на зеленой стояночке по двести, а вечером, у костра, сколько душа просила. При этом они особенно и пьяными не выглядели. Только один из нас вообще не мылся. Даже руки не мыл, говорил, что природная грязь - лучший антисептик. Первая канистра кончилась вечером второго дня. Открыли вторую. Когда открывали третью, я осторожно спросил у Марта не будет ли у нас по дороге такого места, откуда можно было бы добраться до Москвы. Март сурово ответил, что только на пятый день, после порогов будет деревня, в которую мы должны попасть ровно девятого мая. Если я смогу найти там кого-то трезвого с машиной, у меня есть шанс уехать на два дня раньше всех остальных.

Эта деревня и была «планом Б». Водка в канистрах уменьшалась на глазах. Кроме порогов, которые считались опасными, всем придавал сурового напряжения вопрос: «А будет ли в деревне девятого мая работать магазин и если будет, то останется ли в нем водка на момент нашего прибытия».

\*\*\*\*\*

.

На подходе к порогам все натянули гидрокостюмы и спасательные жилеты. Март отдал мне свою каску, как он выразился, чтобы уменьшить эффект притяжения новичками неприятностей. Касок больше не было ни у кого. Сначала, так мощно экипированный, я воображал себя чем-то значительным, но вскоре нашу нагруженную рюкзаками и палатками байдарку начало кренить, поворачивать вокруг огромных камней и бабахать в ямы, брызги полетели в морду, так, что дыхание перехватывало, каска сбилась набок и некогда было ее поправлять. Откуда-то из детства всплыло щенячье, робкое, жалостливое чувство, что на себя надежды нет и спасти может только кто-то другой. Пару раз мне

казалось, что не перевернуться мы не сможем, но ребята как-то выгребали, сжав зубы и громко матерясь. Так, с небольшими перерывами мы напрягались, наверное, с полчаса.

Когда Март объявил, что пороги благополучно пройдены, выпить захотелось даже мне. Последнюю канистру начали приканчивать еще на воде, не высаживаясь, а закончили на берегу. И я наконец-то счастливо влился в общее настроение! Мы ставили палатки и пропускали по стаканчику, разжигали костер и наливали еще, открывали банку консервов и снова вытрясали из канистрочки еще, под закуску! Нас приводила в восторг простая мысль, что на самом дне канистры водки все равно гораздо больше, чем на дне любой бутылки! Ребятам тоже было приятно, что я начал, наконец-то, соответствовать, и самые последние остатки были церемониально налиты именно в мой стаканчик, который я торжественно опустошил со всем возможным уважением к своим новым друзьям, их гостеприимству, терпению и с восторгом по поводу чудных химических процессов, так легко делающих наше настроение замечательным, а дружбу крепкой.

Был редкий для этой поры тихий, теплый вечер. Все уже собирались спать, мне тоже советовали укладываться, тем более, что я решил не уезжать, а остаться с ребятами до конца и пройти весь маршрут. Оставалось только снять спасательный жилет, гидрокостюм, ополоснуться и залезть в свою палатку на ночлег. Сегодня утром, перед порогами я надевал гидрокостюм прямо в воде. Март сказал, что это самый удобный способ, а иначе резина прилипает к коже, тянется, но не налезает. В тот момент мне показалось совершенно логичным, что и снимать его нужно тоже в воде. Бесшумно спустившись к речке, я обошел байдарки, хозяйственно подобрал и оттащил подальше чьи-то оставленные возле воды резиновые сапоги и спокойно зашел в черную ночную воду.

Течения почти не было, я расслабился и лег на спину. Гидрокостюм и жилет так хорошо держали на поверхности, как будто я был не в реке, а лежал на огромной теплой кровати. Ласковые волны едва слышно набегали на меня, как на небольшой островок. Голова совсем не болела, она расслабленно покачивалась в такт волнам, и горло не болело и так было приятно расслабиться. Берег почти не двигался, мой взгляд сам собой устремился вверх, на звезды, на наше не яркое, не бархатное, но такое родное подмосковное небо...

\*\*\*\*\*

Проснулся я когда уже было светло, и какие-то люди багром тащили меня к моторной лодке. Я с трудом повернул голову в их сторону, схватился одной рукой за багор, а другой попытался им помахать. Их беззаботные лица в одно мгновение поменялись на ошарашенные. Мужик, держащий багор, отбросил его от себя так стремительно, как будто палка вдруг превратилась в отвратительную змею. Лодка дернулась и ушла вперед, а мы с багром остались на месте. Спустя минуту мужики подплыли ближе, сделали вокруг меня круг и громко спросили: «Ты чего, мудило, живой что-ли»? «Вроде живой пока», - не совсем понимая в чем дело, ответил я. Так меня выловили из речки рыбаки.

Мне нестерпимо хотелось писать, это было первое, что я осознал. Резкая и неудержимая нужда проявилась через пять секунд после того как я окончательно проснулся. Завершая свой короткий диалог с рыбаками я уже пытался высвободиться из экипировки. Март еще вчера предупредил меня, что

писать в гидрокостюм - самое последнее дело, и я торжественно поклялся ни при каких обстоятельствах этого не допустить. Наверное, никогда в жизни мне не было так трудно сдержать свое честное слово. Рыбаки настороженно наблюдали, как я, сжав зубы, резкими движениями скинул жилет, потом расстегнул и начал стягивать с себя все остальное. Они тихонько переговаривались, глядя на меня и один, как мне показалось, предложил от греха подальше уходить, но немедленно



сообщить куда положено и вызвать кого следует. Видя их недоумение я коротко объяснил на выдохе: «Ща обоссусь...». Они не расслышали и, возможно, полагая, что я обращаюсь к ним на иностранном языке, еще более настороженно переспросили: «Чего?...». Тогда, я, стаскивая штанину, уже заорал, используя спонтанно подобравшуюся лексику, что всю ночь не имел возможности справить малую нужду и очень страдаю от этого. Лица рыбаков расслабились, они понимающе и облегченно заулыбались, дружелюбно сопереживая и даже эмпатически присоединяясь к бесхитростному, но дарящему огромное умиротворение процессу, который как раз происходил между мной и речкой.

Потом мне помогли залезть в лодку, спросили, кто я и откуда приплыл. Мы развернулись и пошли вверх по речке. Через семь километров я увидел машущих руками, орущих, мечущихся по берегу людей. Это ребята пытались привлечь внимание людей в лодке, чтобы просить о помощи в моих поисках. А меня уже благополучно доставили к месту назначения.



\*\*\*\*\*

Высадившись, я хотел сбегать в палатку за деньгами и отблагодарить своих спасителей, но они не стали ждать, махнули рукой и уехали. Ребята, конечно же, радовались, что я не утонул и вообще нашелся, но нельзя сказать, что они проявили сильные чувства или нашли какие-то особенные слова. Поржали, похлопали по плечу, дали горячего чаю, Март чуть-чуть поругался. А мне было просто паршиво после вчерашней выпивки.

Потом мы еще спустились вниз по реке и встали недалеко от деревни. Магазин оказался открыт, ребята закупили на оставшиеся два дня еще шестнадцать бутылок сами понимаете чего. Опасения, что водки в магазине нам может не хватить, счастливо рассеялись. Чего-чего, а её там было полно и разнообразнейшей.

После обеда я решил, что лучше все-таки поискать машину в Москву. Мне и физически было нехорошо и еще начало доходить, что я реально мог утонуть в этой речке с неизвестным названием.

В деревне на главной улице я обнаружил три или четыре машины, украшенные изнутри маленькими разноцветными гирляндами. Рядом сидели на лавочке их празднично одетые обладатели. Я не был уверен, что они стоят здесь как такси, вполне возможно, это было место проведения какого-то общественного мероприятия, но храбро спросил ближайшего: «До Москвы не довезете?» Он смерил меня нахальным взглядом, широко растянул рот в плотоядной, золотозубой улыбке и увесисто, с вызовом отпечатал: «Двести долларов». Я согласился не торгуясь. Попросив меня подождать, мужчина бросился советоваться с друзьями. Они шушукались минут пять, потом хозяин машины вернулся, спросил сколько нас будет, затем уточнил, что с ним будут еще жена и дочка, а поехать он сможет только через три часа... Я был согласен на все и готов был уже к тому, что он вместо двухсот запросит триста, но этого не произошло. Переговоры завершились успешно, и я потопал собирать вещи.

\*\*\*\*\*

Так я и уехал раньше на две ночи. Ребята простились со мной холодно. Март сказал, что деревенские могут подумать, будто все они такие «богатенькие Буратинки» как я, и ночью нападут с целью ограбления. Я осторожно заметил, что, может, и не нападут, но Март настаивал, что даже неважно нападут-не нападут, а важно, что из-за меня никто теперь не сможет беззаботно расслабиться. Я не знал, что ответить и пристыженно молчал.

В Москве я допустил еще одну грубую ошибку: неправильно сориентировал водителя нашего автобуса и он приехал за ребятами не туда. Они ждали его несколько часов, не дождались и двинули своим ходом на электричку. Когда они уже в электричку утрамбовывались, водитель их нашел на платформе и просил остановить погрузку, объяснял, что то ли он неправильно понял, то ли я неправильно ему объяснил..., но ребята остались неумолимы. Они отказались от

его услуг и в грубой форме объявили, что платить не собираются. В итоге я сам отдал ему двести долларов, ведь парень все-таки съездил на эту кудыкину гору.

Больше я с ребятами на байдарках не ходил. Не звали, и я не напрашивался.

## ОХОТА ПУЩЕ НЕВОЛИ

Я не охотник и не рыбак. Более того, если меня берут на рыбалку, ни у кого не клюет. Сколько раз я пытался рыбачить, столько раз это правило неукоснительно работало. Охота - другое дело, там все технологично, у зверя практически нет шансов спастись. Сам я ни разу не стрелял из ружья в живое существо, хотя на охоту ездил. Один раз ездил на лося. Не для своего удовольствия - нужно было выгуливать таможенного чиновника, а заодно и сами решили прокатиться. Платить требовалось только за самого лося, довольно дорого, я для смеха прикинул, получалось дороже, чем купить мясо в магазине. Зато можно было решить на кого именно животное должно выйти из леса под выстрел, а остальные просто стоят на своих номерах для дополнительной страховки и сколько народу не бери - сильно дороже не получится.

Выгуливать чиновников было важной частью моей тогдашней работы. Ничего в ней приятного нет. Особенно муторно, когда отношений еще нет, нет никакого доверия, и ты еще только, стараешься произвести приятное впечатление на объект твоих интересов. Так это бывает унижительно, так скучно, глупо и противно... Люди, далекие от коммерческих сфер, могут спросить, а зачем тогда вообще этим заниматься? Заплатил налоги и спи спокойно! Я был бы очень рад так работать: все честно купить по нормальной цене, склеить чего-то на красивой фабрике, с соблюдением всех норм и стандартов, предложить потребителю в изящной коробочке, и... окажешься дороже рынка со своей честной продукцией. Честно работать можно только в убыток! Это же элементарный калькулятор: Берешь цену кредита, комплектующих, стоимость производства по нормо-часу, транспорт, накидываешь аренду магазина, зарплату продавца, менеджмент, налоги. Считаешь сколько получится, потом смотришь цену готового изделия на рынке и удивляешься: рынок меньше твоей себестоимости на десять-двадцать процентов. А еще ведь нужно что-то заработать... Чтобы это просчитать не нужно быть Министерством Экономического Развития. Мы жульничали не ради сверхприбылей, мы этих сверхприбылей отродясь не видели, мы изворачивались и унижались перед всякими «решальщиками», чтобы только выжить, чтобы остаться в категории «свободный человек», «предприниматель» и «сам себе хозяин».

А, между прочим, купить небракованные комплектующие в стране с разрушенной промышленностью и повальной безответственностью - уже не просто, а потом из этих комплектующих чего-то состряпать, наняв расчудесный наш передовой рабочий класс, не к ночи будь помянут! И научиться все это хорошо

делать - только половина успеха, нужно еще в цену уложиться. А это никак невозможно без выгуливания чиновников.

И вот так всю жизнь мы зависим от негодяев! Не знаю случайность это или карма у меня такая, но на пути коммерческого развития всегда попадались мудаки - люди безо всякого представления о совести, злобные, алчные, ни во что и никому не верящие, всех ненавидящие и всех презирующие на земле. Наверное, к разбору положительных и порядочных я не успел, и мне по остаточному принципу, доставались самые херовые. Почти всегда.

\*\*\*\*\*

Таможенного дядьку я обхаживал уже полгода. Меня ему порекомендовали из высокого кабинета, что дало мне лишь право на вход в нужное учреждение. Я регулярно там появлялся, делал маленькие подарочки трудящимся женщинам, готовил документы со своими предложениями, уговаривал хоть чего-то у меня купить, хоть как-то запустить меня в неприступные закрома родины. Реально же дело не двигалось, главный чиновник оставался вежлив, даже внимателен, но неприступен.

Естественно, я регулярно его куда-то приглашал. Он сдержанно поблагодарив, всегда отказывался. Я не унывал. Случались на мое пути госслужащие, которые на первом разговоре меня обыскивали на предмет записывающей техники, и даже с такими я, мало-помалу, находил общий язык.

И вот недавно, этот таможенный начальник возьми и спроси, не охотник ли я? Я, конечно, ответил, что заядлый, и уточнил, на кого он предпочитает охотиться. Дядя поморщился от моего подобострастия и объяснил, что сам он охоту не любит, но у него есть старый друг и наставник, заслуженный но небогатый военный пенсионер, участник войны, замечательной души человек, так вот он обожает охоту, а сейчас как раз сезон на лося.

Благосклонность этого слуги народа могла позволить нам ежегодно зарабатывать тысяч по сто пятьдесят долларов, и я с энтузиазмом подхватил идею устроить охоту на лося для его расчудесного военного пенсионера и еще одного их старого товарища.

\*\*\*\*\*

И вот собрались. Мы на трех «мерседесах», я с секретаршей, а наши гости на «уазике»-буханочке грязно-зеленого цвета. Познакомились: два худеньких, степенных дедочка и мой таможенный при них. А лицо у него непривычно приветливое, и на этих дедушек он смотрит ну просто влюбленно. Я заглянул в их «уазик», там две лавки друг против друга и спереди одно жесткое, маленькое сиденье водителя. Второе переднее сиденье снято - там вещи сложены. Предложил им в нашей машине разместиться. Как они, думаю, поедут в этом уменьшенном подобии автозака? А они хитро так смотрят и говорят, что это я еще после первой же остановки к ним попрошусь. Я подумал, что по возрасту им уже позволительны любые чудачества и не стал настаивать.

Тронулись в путь, вечер, темно рано - уже осень. Заехали за егерем, он тоже в возрасте, но шустрый, веселый, а как ему выпить предложили, так совсем дядька оживился. Едем дальше, настроение после первой рюмочки уже

компанейское, «уазик», правда от нас отстает, мы решаем остановиться - подождать дедушек, еще выпиваем «на капоте», успеваем по куску хлеба с колбасой проглотить, весело всем, а егерь так просто ликует. Там где мы по сто грамм выпили, он уже триста принял, носится от машины к машине, не уследить за ним. «Так, - говорит, - я люблю охоту, и особенно такое веселое начало и таких простых компанейских ребят!» И снова предлагает выпить за такое же веселое продолжение. А тут и «буханка» подъехала, припарковалась возле нас, открывают дверь и зовут меня к себе. Я заглядываю внутрь и млею, не в силах и слова произнести. У них между лавками столик со скатерочкой, а на столике и бутылочка охлажденная, и рюмочки стеклянные, и разнообразнейшая закуска и даже тарелки с вилками и ложками. «Вот, - говорят - посади кого-то к нам за руль, а сам присоединяйся, четвертое место на лавке для тебя». А у меня секретарша прекрасно водила машину с любой коробкой передач. Во всем решительная была



девушка. Я ее спрашиваю: «Уазик" сможешь повести аккуратно?» Она отвечает: «Да, без проблем, я и КАМАЗ смогу, если нужно предприятию».

Уселся я с ними, едем дальше, разлили за знакомство. И водка у них какая-то особенная, на травках. Мой таможенный клиент не только на них, а и на меня тоже распространил нежнейшее свое обаяние, улыбается ласково, на «ты» и по имени стал называть, подливает, подкладывает.

Дедульки об охоте разговаривают - похоже часто охотятся. Оказалось, у них у каждого ружей с пяток, если не больше, на охоту обычно ездят в год раз по пять-шесть, но в этом году из-за невероятной дороговизны лицензии на отстрел ни разу не пришлось поохотиться, и наш выезд им как глоток воздуха, а иначе сезон пройдет без всякого смысла. Благодарят меня, расспрашивают чего у меня за бизнес.

А что мне им рассказать? Что сейчас мой бизнес - это заполучить от их младшего армейского товарища контракт, который он уже несколько лет отдает другому такому же парню как я, и получает с него свои, ну, не сто пятьдесят в год, так минимум восемьдесят. Но, тот парень, похоже чем-то его не устраивает, и я вот теперь здесь в роли охотника и любителя суровой армейской романтики, благодарного внимателя повествованиям старших по званию и по возрасту...

А мне на самом деле хочется просто выспаться, на диване проваляться целый день даже не с книжкой - я уже забыл когда книжки-то читал, а хоть бы перед телевизором, и чтобы телефон не звонил и дети над ухом не орали. А как же им не орать, если они отца видят за месяц дня два, и этот папа пока еще вызывает у них бурный восторг, что само по себе парадокс. Им весело и хочется со мной играть в подвижные игры, а я предлагаю играть только в спящего бегемота и тигров. Я бегемот, а они тигры. Тигры подкрадываются, замирают, а потом прыгают на бегемота, его грызут и царапают. И пока они замирают и подкрадываются я реально успеваю заснуть, а они как прыгнут, блядь..., как начнут царапать и грызть, а я терплю и улыбаюсь - а как иначе - дети ведь. А потом у меня звонит телефон и я начинаю разговаривать с кем-то, а они еще захвачены игрой и продолжают замирать, подкрадываться и как прыгнут снова и телефон у меня выпадает и отключается, и делаю на них страшное лицо и коротко гавкаю, а у них мордочки становятся испуганные, губы надуваются, дрожат, и слезы из глаз как польются! И я перенабираю сорвавшийся звонок, стараюсь их успокоить, но тут появляется их мама, и с обреченно-трагическим выражением лица говорит, что я скотина и даже один день не могу с детьми нормально провести. И это правда, но какая-то несправедливая правда, и она меня так бесит, что жене я тоже делаю мощный выговор неизвестно за что, она поворачивается жопой и уходит читать детям книжку, а я один перед дебильным этим телевизором, и спать уже не хочется и так противно, потому, что ничего другого не остается, как признать, что ты - мудака и живешь, как мудака.

\*\*\*\*\*

Потом мы потеряли егеря. На одной из развилок - никто не знал, куда ехать, Андрюха мне звонит из своей машины: «Егерь с вами»? Я отвечаю: «Нет, у нас его и не было...». Остановились, дядьки ни в одном экипаже не оказалось. Рюкзак его есть, оттуда телефон звонит, куртка его тоже у Андрюхи в салоне, а сам человек отсутствует. Делаем вывод: забыли егеря на последней остановке прямо на дороге. А вечер уже, темно и дождик стал накрапывать. Стоим, ждем, ребята на одной машине поехали его искать, звонят минут через сорок: «Нашли!» Егерь, оказывается, отошел на несколько метров в кусты, а тут мы и уехали. Темно, телефон в рюкзаке остался, редкие машины не останавливаются, пешком - всю ночь идти неизвестно куда. Дядька ждал часа полтора. Андрюха рассказал, что когда они приехали, он стоял под дождем на обочине дороги и по-настоящему плакал, подтягивая сопли чтобы на землю не падали.

\*\*\*\*\*

Так, мало-помалу мы доехали до охотхозяйства. Я ехал с дедушками и таможенным объектом моих корыстных вожделений и, к стыду своему, прилично нарезался. У моего организма есть такая особенность: я когда испытываю какой-то неизбежный внутренний дискомфорт, напиваюсь, как поросенок. И тогда я как раз был в ощущении такого невозможного противоречия. Мне ведь со всякими злодеями приходилось устанавливать отношения, были среди них и пожилые, и при званиях, был один ветеран войны, он же сын полка и детдомовец - сука-сукой, прожженный мошенник с подмосковной землей, были «герои афганцы» торговавшие своими льготными контрактами, но все они со своим цинизмом, высокомерием, лицемерием и самодовольной туповатостью были мне понятны. Мы с ними просто работали, спокойно исключая любую нравственную компоненту из механизма принятия решений. Главное было не расслабляться, но собственную совесть насилловать не приходилось, она мирно спала рядом с этими людьми, или была как-то иначе анестезирована...

А эти два деда - у них были такие глаза, как будто они видят всю мою пакостную внутреннюю сущность, но при этом смотрят на мир с таких нравственных высот, что имеют силу строго меня не судить, что-то видят во мне хорошее, про что я и сам не знаю, и, хотя переживают за меня и за все мои гадости, уверены в том, что в целом я человек положительный. Длинно получилось, но очень хочется объяснить, почему я так нажрался тогда. Так они говорили сердечно, без нажима и осуждения, так друг-друга внимательно слушали, ели и пили как-то деликатно и было между ними такое понимание и такое в каждом было внутреннее достоинство, что невозможно было понять как такие люди могут дружить с этим обладателем «доходного места»? И возле них обладатель «доходного места» становился другим! Наивно-чудаковатым, по-мальчишески задорным - ну прямо романтик-идеалист... И как такого человека склонять родину продать и поделить: ему восемьдесят, а мне сто-пятьдесят?

Хотя, признаюсь, про «родину продать» у меня угрызений не было, бесило, что он вел себя как будто не понимал, о чем дело идет! Вежливо меня выслушивал, согласно кивал и все... Мариновал меня, делая вид, что не понимает прозрачных намеков. Я ему даже писал, как-то раз на листочке, сколько будет его доля. За нейтральным разговором написал две цифирки, повернул к нему. Он посмотрел, бумажку взял, порвал на мелкие кусочки и в урну выкинул. А сам болтовню продолжает как ни в чем не бывало. Я подумал, что ему мало, снова начал писать, хотя запаса почти не было, но он меня жестом остановил и сказал, что пора заканчивать - ему нужно уезжать.

Ну и как такой человек может быть сукой-чиновником и одновременно нереально положительным персонажем с такими замечательными друзьями? Тут меня и заклинило. Тем более, как только на место приехали - снова праздник, егерь наш здесь на своей территории, все знает, стол ломится, официантки такие - в теле, располагающие к застольным излишествам...

Дедочки на ужин не пошли, сказали, что перед охотой нужно выспаться. Я не уверен, что им удалось заснуть, так мы орал и гоготали. И еще мы танцевали, прямо там - возле стола. Я когда танцую сильно выпивши - это то еще зрелище. Я один раз увидел себя на видео - так было стыдно, что хоть убей себя об стену. Это выглядит так, как будто огромный леший или Баба-Яга, раскидывая



в разные стороны ручищи и ножищи крутится, подпрыгивая в процессе какого-то зловещего ритуала, а рожа хоть и строит разнообразнейшие гримасы, но остается злобно-сосредоточенной, а глаза стеклянные и смотрят в никуда...

\*\*\*\*\*

Еще до рассвета всех подняли и повели на номера. Немного подвезли на машине, а дальше мы топали, подскальзываясь, по размытому полю с бороздами от огромного плуга. Меня и моего друга Костика поставили на один номер - у нас было одно ружье на двоих. Мы на этом номере долго топтались, замерзли, а очень хотелось присесть или лучше прилечь, но земля была совсем мокрая после дождя и ничегошеньки не было даже подстелить, так мы и стояли как два приговоренных за свое вчерашнее пьянство и даже прыгать, чтобы согреться не было сил. Мы стояли молча, разговаривать не хотелось, но думали об одном и том-же. Глупо было полгода обхаживать чиновника, чтобы так все в один день испортить. Костик рассказал, что когда начались танцы один из дедушек вышел, вроде как хотел нас попросить не шуметь, но постоял, посмотрел, махнул рукой и ушел обратно к себе в комнату.

Мы мало-помалу замерзли, погруженные в свои невеселые мысли. Потом где-то неблизко бабахнул выстрел, еще два и все. Позвонил Андрюха, сказал, что охота закончилась. Мы знали, куда топать и побрели обратно по глиняной борозде. По дороге к нам присоединились еще несколько человек, и все вместе мы уже поковыляли к тому месту, где лежал убитый лось, так как по правилам охоты полагалось выпить специальный охотничий тост: «На первой крови...». Лося уколошил один из старичков, только я не понял, какой именно. Они оживленно обменивались подробностями, как возле них вышла самка с детенышами, но они ее пропустили в нашу с Костей сторону и беспокоились, как бы мы по неопытности ее не подстрелили. А мы даже ружье не заряжали и никакой лосихи не видели, но не стали ничего говорить, а просто молча слушали и старались поддакивать.

А деды и наш таможенный дядя - в прекрасном настроении, бодренькие такие, разгоряченные, не умолкая тараторят про то, как они лося увидели, как друг на друга посмотрели, как прицелились, и кто должен быть первый, выстрелил, но не попал, а тогда и другие уже одновременно бабахнули, и лось прямо в прыжке свалился, и теперь они должны достать пулю, чтобы определить, кто же тот герой, что лося уколошил. Но пока еще животное не начали разделывать, нужно тот самый каннибальский тост обязательно произнести и выпить. Егерь достает бутылку, разливает, я для виду пригубил этот яд, а все с аппетитом бабахнули грамм по сто и давай азартно кромсать это огромное копытное. Было неприятно на это смотреть, но стало еще хуже, когда нам с Костей досталось нести огромную ногу этой откормленной скотины. У меня на одном плече ружье, а на другом палка, по середине к ней привязан тяжеленный оковалок, еще недавно бегавшей по лесу плоти. Второй конец палки на плече у Костика, и мы как два раба, скованные между собой, снова плетемся по сырой, скользкой, глинистой тропинке. У меня штаны по колено в глине, на каждом сапоге ее по несколько килограмм, голове с каждой секундой все хуже, тошно нам обоим, и погода - говно.

Дошли кое-как, разгрузились и я лег спать. Проснулся - а у всех снова праздник.

\*\*\*\*\*

Спал я не меньше трех часов. Умылся, выполз туда, где все галдели, а там тот же разговор: как самка с детенышами свернула в нашу сторону, потом как вышел их предполагаемый папаша с рогами, и ему было столько-то лет, и как первый стрелок промазал, а потом одновременно еще двое выстрелили. Стрелок-победитель был уже определен и каждые пять минут принимал поздравления с одинаковым смущенно-радостным выражением на лице. Наверное, после того, как я поспал, мой мозг вернул себе способность соображать и до меня дошло, что тем человеком, который стрелял первым и промазал был мой таможенный объект, потом стреляли оба деда, оба попали, но одного признали победителем, так именно его пуля убила зверя наповал.

Разработать как следует это умозаключение я не успел, так как егерь неожиданно предложил выпить за меня как за человека, который приманил удачу на охоте, накануне «мощно гульнув». Он подчеркнул, что если такого человека который, как бы в жертву приносит себя общему делу, не находится, то никакого толка с охоты не бывает - зверь не идет. Все посмотрели на меня с интересом и уважением. Деды согласно кивали, таможенный дядька тоже. И хотя я отлично понимал, что основание для моей реабилитации слабенькое, но тоже оживился и почувствовал даже некоторую гордость. Странное чувство: ты понимаешь головой, что все эти фразы пустая болтовня, эдакая духоподъемная ложь-во-спасение обстановки за праздничным столом, а гордость все равно прорезывается, и ты ее определенно чувствуешь...



\*\*\*\*\*

Все уже собирались уезжать, таскали к машинам вещи, когда я, выбрав момент решился спросить у таможенного дядьки специально он промазал или нет. Он ответил, что просто не попал и так мне ободряюще улыбнулся, что я рискнул продолжить серию вопросов уже про перспективы нашей совместной работы. Мы отошли в сторонку и он, вздохнув, объяснил, что ничего не решает, а только подписывает те контракты, которые ему отмечает начальник управления, но если будет возможность, он будет нас подсовывать. Про оплату его «услуг» сказал, что вообще ни на что не претендует. «На охоту, - говорит, - нас прокатишь пару раз в год, больше и не нужно ничего».

Это они все почти так поначалу говорят, но если дело получается, то обязательно нужно в клюве принести «по совести». Я не утерпел и спросил, как же он вообще так подставляется? Ведь все документы готовит на комиссию он, подписывает он, на нем вся ответственность, а загребают все бабки, выходит - начальник. Начальника я тоже знал, но посчитал, что не нашего полета он птичка. Точнее, не птичка, а такой мамонтик... Я даже и не думал, что он такой мелочью занимается, как наши копеечки. А оказывается, ничем не брезгают небожители.

Такой бестактный комментарий моего почти уже товарища, видно было, слегка задел. Похоже, он и сам об этом думал. Но ничего не сказал - кто я ему такой, чтобы со мной откровенничать. Тем более, все и так понятно, ситуация самая что ни на есть распространенная. Человек уволился из армии майором, работы нет, и вот его бывший сослуживец и взял на такую должность небезопасную. А куда деваться. Не на рынок же идти торговать?

А контракт он нам сделал, подсунул как-то и один сезон мы с ним отработали, а потом кризис бабахнул и вышиб нас из этого ведомства, как пробку из бутылки.

И на лося я больше ни разу в жизни не охотился.

#### ИНТИМНО-ЛИЧНОЕ

У каждого человека есть разные жизненные направления: работа, отношения с друзьями, с родителями, с детьми, у каждого свои привычки, способы проводить свободное время.

И отдельной строкой в этом списке, твоя женщина, или твои женщины, если их несколько. Это самая приоритетная, над всем доминирующая компонента жизни. На работу, например, мы можем тратить уйму времени,

выматываться, ловчить, рисковать свободой и даже жизнью, и все это ради них. Нам самим, лично для себя, что нужно из затратного списка? Дом большой с садом? Вообще не нужен! Наряды, машины, дорогие аксессуары? Хоть бы их совсем на свете не было! Тусовки, светские мероприятия? Я всю эту муть и по телевизору смотреть не могу.

Даже если твоя женщина - ничего не требует от тебя, все равно, все, что мы делаем в жизни мы проверяем ее оценкой, ее реакций, и главная наша награда - ее счастливые, восторженные глаза. И такое счастье чувствовать, понимать, что этот восторг вызвал в ней ты! Нам хорошо только когда она довольна жизнью, а лучше - счастлива. Тогда она поощряет ласковым словом и взглядом, снисходит к нашим грубым интимным потребностям, удостоивает чести о ней позаботиться. И это нам жизненно необходима! От нее зависит наше ощущение себя!

Мы сами не можем себя оценить, а относимся к собственной персоне через мнение другого человека! Если она тебя презирает - сам себе сделаешься противен. Если она тебя обожает - будешь чувствовать себя молодцом. Сколько здесь уязвимости! Можешь быть отличным парнем, обладающим неоспоримыми достоинствами, уважаемым в коллективе, но если она скажет, что ты - говно, будешь себя чувствовать именно так - говном.

\*\*\*\*\*

Когда я женился второй раз, то выбирал сердцем, не оценивал достоинств, не искал недостатков. Я считал любая попытка анализировать, просчитывать, оценивать немедленно убьет то робкое, но настоящее чувство, которое наполнило мою жизнь смыслом и радостью. Когда такое врывается в твою жизнь, не спутаешь ни с чем. Кажется, что ты вообще не жил до этого, непонятная, щенячья радость, все остальное перестает волновать - вот, что я чувствовал тогда.

Зная за собой внушительный перечень небезопасных и вредных привычек, я сосредоточил усилия на их обуздании. Тренингом смирения стал первый период моей новой семейной жизни.

\*\*\*\*\*

Я перебрался из загородного дома в съемную квартирку, где мы и зажили, как молодожены. Вскоре обнаружилось, что избранница моей жизни ненавидит мыть посуду и спокойно оставляет ее на ночь в раковине. А когда у меня был день рождения и офисная повариха приготовила шесть противней еды и четыре огромные тарелки, я десять раз спустился к машине, чтобы все это перенести домой, а женщина моей мечты с кем-то разговаривала по телефону. На моем четвертом рейсе, она шепотом прикрыв рукой телефон, спросила: «Тебе помочь»? Я ответил: «Спасибо, я сам...», и постарался улыбнуться незло, а потом сходил к машине еще шесть раз. Еще шесть раз, поставив очередной поднос, открывал электронный замок в подъезде, шесть раз коленкой вызывал лифт, потом мизинчиком - нажимал этаж, локтем открывал дверь и все заносил на





кухню, а мне еще предстояло накрыть на стол, все расставить, положить салфетки и ждать что кто-то из друзей заедет меня поздравить.

Ребята приехали и мы нормально посидели. Идею развода все поддержали, а вот перспектива новой, такой скоропалительной женитьбы понимания у них не нашла. Но у меня было такое хорошее настроение, что даже на их скептические замечания, на их довольно бесцеремонные реплики я не злился! Мне просто было жалко, что ни один из них никогда в жизни не испытывал подобного чувства! Конечно, если бы такое случилось с ними хоть раз, они это счастье из рук бы не выпустили. Но как людям объяснить? Никак!

Конечно, за все хорошее нужно бороться и я решил делать над собой усилие ради счастливого будущего. Пришлось задать себе вопрос: «А что ты за птица, что не можешь сам помыть посуду?» «Чем ты так уж занят, что не можешь заехать в магазин или приготовить ужин?» А потом пришлось согласиться, что, если ты хочешь любви достойной, независимой женщины - ты сам должен ее уважать. Она тебе не прислуга, она - человек, может быть, обладающий большими талантами, чем ты! Что с того, что тебе повезло и ты имеешь бизнес, ничего почти от тебя не требующий, а приносящий как работа топ-менеджера в супер-компании? Тебе просто фор-та-ну-ло! Ты на работе не надорвался - целыми днями в компьютер играешь и по ресторанам катаешься. Потом вызовешь кого-нибудь на доклад и бумажки подпишешь... Раз-другой в неделю встретишься в ресторане с такими же как ты сам бездельниками, вместе посоображаете где еще что можно упереть, и все, свободен! И дело тут не в твоих особых, достоинствах или способностях. Средние у тебя способности, а достоинства умеренные. Радуйся, что



Бог тебе дал непонятно за что твои бабки и пользуйся с благодарностью! Тебе, мудаку, может быть, единственный раз в жизни порядочная женщина решилась отдать свою любовь, готова связать с тобой жизнь, а ты начинаешь ее сразу ставить в унижительное положение! Как будто бы она обязана к тебе подстраиваться, приноравливаться, терпеть все твои привычки и выходки, и еще тебя такого распрекрасного обожать! А чего ради она все это обязана? За какие твои великолепные характеристики? Если подумать серьезно и самому себе не врать, ответ будет очень простой и некрасивый - за твои деньги. Но это-же, блядь, стыдно! Если Бог дал деньги - поделись ими не считаясь, без говнизма, не делая из них хоть сколько-то значимый фактор для вашей семьи! Просто они есть, эти деньги и слава Богу, о деньгах думать не нужно, будете вместе думать о чем-нибудь поважнее.

И я сам стал мыть посуду. И в магазин стал заезжать, и даже готовить, чего в первом браке не было никогда.

Только однажды я сорвался. Идем мы, гуляем, нежно беседуем, и у нее звонок. Как всегда, по работе - звонит клиент. Она слушает, что-то отвечает, а потом как давай ухахатываться... И так минут пятнадцать, пару слов скажет и снова хохочет. Я потерпел, помолчал, а потом сделал тактичное замечание в том смысле, что с клиентами так разговаривать неприлично, а мне при этом неловко и обидно присутствовать. Тем более эти клиенты - одно название, платили по три копейки, а мозг выносили днями и ночами. Я старался говорить спокойно и даже мягко. Она серьезно, почти испуганно меня слушала, потом расплакалась, просила прощения, говорила, что еще не привыкла, что у нее есть настоящий мужчина-защитник, согласилась, что выглядела глупо и даже двусмысленно, сквозь слезы и поцелуи клялась, что никогда-никогда меня больше ни по какому поводу не будет раздражать и нервировать, потому что ей очень страшно, когда я становлюсь ТАКИМ... Каким-таким? Я не стал уточнять.

В принципе, это помогло. Жили мы вроде неплохо, родили троих детей, но где-то с периодичностью два-три раза в год бабахали такие скандалы, что душу выворачивало. Причины разные, но стало заметно, что моя жена делается все менее уступчивой. Дошло до того, что она вообще перестала со мной в чем бы то ни было соглашаться. Что я ни скажу, ответ один: я к ней придираюсь и ради какого-то извращенного удовольствия устраиваю скандалы. Пытаюсь логически ей объяснить с чем не согласен - толку ноль. И особенного-то я ничего не требую, а слезы, крики... На третьем-четвертом году нашей совместной жизни доходило до того, что она в обморок падала, потом спазм в голове, на какое-то время частичная потеря зрения, женщина становилась серого цвета, односложно отвечала через раз, начинала дрожать и покрывалась холодной испариной.

Было страшновато, так что я поневоле уступал и предлагал мириться.

Чаще всего были вопросы из-за моих старших детей - у Машки с ними никак не сложилось. Как только старшие появляются у нас - холодная неприязнь, презрительность, почти отвращение у нее на лице. Хоть из дома беги, смотрит мимо них, ко всему придирается... Чуть до развода не дошло. А уже младшие родились... Я подумал, если разведусь опять, то старшим ни хуже, ни лучше уже не будет, а младших в ту же мясорубку... Ну, и чувство, конечно, когда помиримся, оно снова просыпалось. Да и не так уж часто эти скандалы бабахали. В иной год один или два, особенно, когда старшие перестали приезжать.

\*\*\*\*\*

Как-то летом, когда у нас уволилась очередная нянька и уже два месяца мы не могли найти новую, случилась очередная склока по поводу нашей личной жизни. Повестка на этот раз была о распределении внимания жены и матери между мужем и детьми. Мы с женой, с самого начала - как только дети появились на свет, договорились, что мы не только родители, жопоподтиратели, водители и кормители, а еще имеем право на свою личную жизнь. У нас были свои укрытия и отдушины: наша спальня на отдельном этаже, наши походы вечером в кино, небольшие поездки, выходы в ресторанчики, в театр, на концерты... Я всегда считал, что в интересах самих детей родители не должны жертвовать собой. Загнанные, злобные или депрессивные родители нанесут детям больше вреда.

А тут два месяца вообще никакой личной жизни: жена если не у плиты, то со шваброй или с утюгом, все время в мыле, вечером едва доползает до кровати и ее «не кантовать». Я сколько ни предлагал взять временную няньку или уборщицу с глажкой и готовкой но жена вооружена непоколебимой позицией, что она своих детей неизвестно кому не доверит и в свой дом неизвестно кого не пустит.

А тут как раз дедушка приехал, и появилась возможность хоть на два-три часа из дома вырваться. Решили взять бутылочку белого шипучего и двинуть на нуддистский пляж.

Я мигом собрался, детей организовал, посуду после обеда убрали, помыли, детей я посадил перед добрым мультиком, стою в дверях, бью копытом в надежде на взаимный огонек в глазах супруги. А у нее в глазах никакого огня, только напряжение, выражение лица кислотовое, и она как будто специально затягивается время тянет. То там подотрет, то здесь отнесет, то куда-то сбегает. А дети пока тихо перед телевизором, но если мама долго перед ними дефилирует, могут и разораться, что не хотят оставаться с дедушкой, и никуда не поедем!

Я едва слышно жену тороплю, а она тоже шепотом от меня отмахивается. Минут через десять у меня терпение лопнуло и я сказал, что если она не хочет, то может себя не заставлять, мне одолжений не нужно. И еще чуть-чуть злобно пошипел, что вообще не получаю в последнее время никакого внимания от жены. В машине мы еще добавили градуса, и когда я улегся без трусов на песок, было уже не до шампанского и даже не до мороженого - зря тащил тяжеленную сумку-холодильник. Ругались, ругались, напряжение не снижалось, а только нарастало. Я ей говорю: «Хоть раз уступи, признай, что не права...», а она, как Мальчиш-Кибальчиш, стоит на своем и всё.

Потом вообще перестала отвечать, отвернулась, а мне еще обиднее, я продолжаю свою линию, требую диалога, а она набрала воздуха и как расплачется, и сквозь слезы, от всего сердца мне заявляет, что я полный, конченный урод, вечно всем недоволен, все время хожу с такой рожей, что спрятаться хочется, и вообще чтобы я нахер катился со своими деньгами..., и еще, что она со мной себя чувствует полным говном, и если она свою профессию бросила ради каторжного труда уборщицы, няньки и домработницы, то это не дает мне права над ней издеваться. Особенно подчеркнула, что я отвратительный тип и получаю удовольствие от унижения других, но не от простого унижения, а от изощренного, так чтобы человек сам стал себя считать ничтожеством и даже сделался ничтожеством. Потом добавила, что уже чувствует себя на этом пути, но фиг, она мне не поддастся, у нее хватит сил меня из своей жизни на хер вычеркнуть.

Не могу сказать, что это были совершенно новые тезисы, она уже говорила что-то подобное и раньше, но как-то частями, не так радикально и не так концентрировано.

А еще, недавно я купил новую видеокамеру со специальным штативом. Обычно, кто снимает, того никогда в кадре нет, а теперь я вместе со всеми присутствовал на записях, чаще всего крупным планом, и никогда я себе в записи не нравился - все время казалось, что у меня получается противная, презрительная такая, брезгливая и высокомерная рожа. Хотя никогда раньше, я ничего такого за собой не чувствовал и не подозревал...

И еще вспомнилось, что моя бывшая жена - мать старших детей - то же самое говорила, но только в том плане, что я уже сделал ее полным говном и несчастной женщиной. Точнее, она тихо так, грустно сказала на выдохе, что до того как прожила со мной пятнадцать лет, была человеком хоть немного верящим в себя, сколько-то деятельным, временами оптимистичным и жизнерадостным, а после всех лет прожитых со мной, сделалась совсем дерьмом и развалиной. Потом помолчала чуть-чуть и добавила, что это не из-за развода. И назвала меня «человекоубийцей» и почему-то по фамилии.

\*\*\*\*\*

И мысль: «А может я и правда чудовище...» , - как бабахнет в голове, так, что я даже вспотел.

Уселся я на жопу и не знаю, что сказать. Есть люди с талантом ободрить, утешить, вдохновить, а я, выходит, с противоположной особенностью: человека уничтожить и растоптать, чтобы испытать приятное чувство когда все кругом суки, а я один эдакий положительный герой в злом окружении негодяев.

\*\*\*\*\*

Всю обратную дорогу ехали молча. У меня на душе - хуже, наверное, никогда не было. А она даже не смягчила никак, даже не попыталась амортизировать. Вообще мне в глаза не смотрела, а на утро сказала, что уезжает с детьми к своему папе, так как не может жить с человеком, рядом с которым все превращается в дерьмо. А мне и возразить нечего. Я до пяти утра не спал и все думал - чудовище я или нет. А когда она уехала, я подумал, что можно было бы себе в голову выстрелить. Достал ружье, посмотрел... и скорее опять убрал, - так стало неприятно, что эта тяжелая, воняющая машинным маслом железяка, с ее стальными пружинами, кривовато отлитой пулей может целого человека - гармоничный и сложно устроенный венец эволюции - грубо, безжалостно и непоправимо разрушить, разорвав его плоть, разломав кости и перемешав мозги со всякой внутренней пакостью.



## МИХА

А вот мой друг Миха, из ружья выстрелил. Даже два раза, но, к счастью, не в себя.

Миха был родом из далекого Подмосковья. Одно время мы с ним вместе зарабатывали денежки на одной афере, к источнику которой он имел прямое отношение, а мы косвенное, и он нас туда запустил, скорее, для моральной поддержки и из дружеских чувств. Подзаработав и оставаясь совершенно уверенным в своих надежных друзьях, Миха решил поучиться в МГИМО, благо туда на платное отделение брали без экзаменов. И встретил там Алену - супругу очень богатого господина, но мужа своего ненавидевшую.

Наш Миха - парень не очень благородной внешности - длинный, лысый и лопоухий, но чрезвычайно сильный. Ручищи у него такие удлиненные и узловатые, по всему телу железные мышцы, а как набьчит свою лысую башку, как заиграет желваками, стиснув зубы, - очень грозный и решительный вид получается у человека. До МГИМО Миха учился только в школе, да и то, за уроками особенно

не просиживал. А Алена - девочка из хорошей московской семьи. Волосы золотистые, по плечам рассыпаются, красавица, умница, начитанная, а вела себя так естественно, просто, но в отношении меня, правда, с увеличенной дистанцией и с некоторой утонченной снисходительностью, которую можно было понять и как легкое раздражение, недоверие или даже презрительность.

По мне, она не должна была соглашаться на ухаживания нашего незамысловатого друга. Он бы помучился, попереживал и дело с концом. Но Миха был очень настойчив, а у нее с бывшим мужем такой был период небезопасный - тот хотел вернуть Алену в семью и очень настаивал, вплоть до применения мер физического воздействия. Миха помог ей этот сложный период преодолеть. А потом она и замуж за него вышла, как за своего принца - избавителя.

Вся история до свадьбы развивалась не быстро - года два. Потом они начали вместе жить, дом построили в хорошем месте, но спокойствие в этом доме было редким гостем. Очень часто молодые ругались. Одной из причин их ссор была маленькая Аленина собачка - какой-то китайской породы с выпуклыми глазками. Вообще-то, нужно во множественном числе о собачках рассказывать, их у Алены было несколько, но не одновременно. На первую Миха случайно сел и она, немного поболев, умерла. Алена очень переживала и молодой супруг купил ей точно таких же двух. Мало-помалу она их приняла, а Миша, спустя какое-то время, на одну из новых случайно наступил ногой. Клялся, что безо всякого умысла, хотя собаки были очень нечистоплотные и еще кусались, если он пытался их приучать к дисциплине. В общем, осталась последняя собачка, Алена ее буквально с рук не спускала, а Михе уже все карточки показала, кроме красной.

\*\*\*\*\*

И вот сидит он дома, чистит новое полуавтоматическое газоотводное восьмизарядное ружье «Бинелли» двенадцатого калибра. Собачка возле него расположилась на ковре, Алена на нижнем этаже своими делами занимается. В семье несчастный мир. Прямо перед Михой зеркальный платяной шкаф с туалетами его драгоценной супруги. Он почистил ружье, проверил, как работает механизм перезарядки, вытащил все патроны и сделал контрольный спуск, направив ствол на шкаф. Раздался выстрел, осыпалось зеркало, собачка подскочила и молниеносно покинула комнату, чтобы через минуту вернуться на руках у хозяйки, злобно тараща свои выпуклины и рыча по мере невеликих возможностей тщедушного голосового аппарата.

Алена, понятное дело, высказалась об инциденте в негативном ключе и довольно резко. Особенно, она разволновалась, когда обнаружила, что кроме шкафа прострелена ее норковая шуба, оставшаяся еще от первого супружества. Когда она все, что хотела, произнесла и ушла, интрига получила развитие: Миха, решив, что теперь ружье точно разряжено, бабахнул в шкаф еще раз. И тут-то произошло нечто неожиданное: Алена с опаской заглянула в комнату и ласково так, тихонечко попросила Мишу отдать ей ружье. Он хотел ей все объяснить, свести к шутке, она слушала его, согласно кивала, но ружье аккуратно забрала, передернула затвор и вытащила из ствола еще один патрон! Потом Михе улыбнулась Михе и убрала «Бинелли» на шкаф. А мужа взяла за руку и повела на кухню пить чай. Они мирно сидели за столом, Алена спрашивала что же такое на него нашло, просила все рассказать, и Миха рассказывал. Алена внимательно слушала и говорила, а потом попросила его всегда с ней всем делиться, потому что





после историй ее первого мужа, все нынешние кажутся ей нестрашными. Вот такая мудрая и выдержанная была женщина!

А Михе было что ей рассказать, потому что как раз тогда наши совместные доходы от той самой аферы резко уменьшились, появились новые значимые лица, которые поставили нам жесткие условия, и так все негативно сложилось, что мы решили нашего подмосковного друга от бизнеса отключить на том основании, что он давно уже ничем кроме своей личной жизни не занимался. Миха с молодой женой остался вообще без дохода. Прямо такие вещи не говорят, и мы с постными рожами объявили, что и мы, и он, все получили отставку от прибылей. Миха и допустить не мог, что мы врем, и начал разрабатывать план реванша и ответных ударов, некоторые из которых нам пришлось даже оперативно амортизировать. Он всем с нами делился, мы вместе все планировали, и поэтому

для нас несложно было подготовить любые упреждающие действия. Миха некоторое время побыл без дохода, но через год или два нашел новое направление, снова пересел на «мерседес», и мы даже продолжили дружить. Про нашу подлость он так ничего не узнал, или виду решил не показывать.

Иногда я спрашиваю себя: а если бы Миха оказался в моем положении, он бы как поступил? Не могу себе ответить определенно. Стыда, разъедающего душу, тоже не чувствую.

\*\*\*\*\*

Михин брак с Аленой оказался недолговечным. Подробности не



знаю, но для Мини это было ударом - лет десять после развода, наш товарищ прожил в своем большом загородном доме в одиночестве.

Потом его жизнь замечательно наладилась, но это уже совершенно другая история.

Я сидел один и размышлял над тем, в чем же я чудовище и насколько чудовище. Общеизвестно, что чудовище не любит и избегает людей, никому не доверяет, следовательно, с друзьями у него - полный швах. Это как раз про меня. У меня был один близкий друг - Костик, но теперь его нет. А остальные друзья - не очень близкие.

Большинство знакомых кажутся мне упертыми, тщеславными и завистливыми. Доверять этим малоприятным персонажам я хотел бы в последнюю очередь. А как представлю, что из семи миллиардов населения Земли, шесть являются злыми, туповатыми, не верящими ни во что благородное, ненасытаемо-недовольными своей жизнью недоумками, делается тошно и неуютно.

Женщины раздражают меня меньше мужчин. Дети редко вызывают умиление или симпатию. Особенно чужие.



Так что по первому пункту я вполне соответствую чудовищу. Всю жизнь я чувствую себя одиноким, вечно ною, что не с кем поговорить и что так хотелось бы кому-то в жизни доверять по-настоящему, а с другой стороны, я сам как будто специально выискиваю в своих знакомых нечто такое, что позволит записать их в список недоразвитых, тупых и завистливых. В моей жизни не было ни одного человека, которому я мог бы просто так, искренне поверить. НИ ОДНОГО!

Дальше спрашиваю: как тогда чудовище должно относиться к самому себе? Отвечаю: оно должно нежно себя любить, всегда и во всем оправдывать, самое недостойное в себе отрицать, но пронизательно замечать в других и решительно, пафосно, осуждать с видом оскорбленной добродетели. Со стороны это кажется жутким лицемерием и даже издевательством, но сам в себе ничего предосудительного не чувствуешь.

До поры до времени не чувствуешь, а потом как бабахнет, что это ты сам: упертый, злой, тщеславный и завистливый и все кроме тебя это давно понимают. Так муторно становится... А следующий вопрос: как дальше с этим жить?

\*\*\*\*\*

Вот бы переменить собственное устройство так, чтобы хорошее в людях не раздражало, не вызывало злобной зависти, а укрепляло радостную уверенность в справедливом, добром и положительном устройстве мира.

Как бы себя так настроить, чтобы все хорошее, что ты в людях видишь, радовало бы тебя, а все плохое вызывало бы доброе сожаление, желание помочь, но без злобы и злорадства.

Не получается так жить! Я добросовестно стараюсь - не выходит! И много людей таких, как я, которые усилием воли или с помощью йоги, несильных таблеточек, аутотренингов умеют держать себя в руках, быть любезными, доброжелательными. Но как-же заметно, что у них все искусственно, все на морально-волевых... И ненадежно это выученное добродушие. Чуть обострится ситуация - и срываются точно так же, как и я.

Другой путь - перестать себя осуждать, радоваться, когда очередного претендента на звание доброго и порядочного человека, удастся унижить, спровоцировать на стыдные гадости и определить в мурашки, а если близкий человек то привязать к себе, как несамостоятельный беспомощный довесок и чтобы всегда тебе в рот смотрел с обожанием, отчетливо понимал, что он без тебя - ничтожество. А самому тихо потирать ручки и радоваться гаденькой радостью, что это существо определенно ниже, и без тебя - великого подохнет в диких корчах.

По этой логике и меня неизбежно должен юзать какой-нибудь великолепный злодей.



В любой иерархической структуре, все так живут, в двух ролях: злодея и жертвы и ищут всю жизнь между ними какой-то баланс, и ничего нет в этом особенно страшного. В наше гуманное время жертвой даже спокойнее... Потом представилось, что не меня, я моего ребенка... Систематически, не давая передышки, месяц за месяцем все хорошее, что он делает, не замечают, а любую ошибку или слабость изобретательно преувеличивают, усугубляя презрительностью. И мало-помалу жизнерадостный, любознательный паренек превращается в забитого, всего боящегося, несамостоятельного, а на показ, может быть и вызывающе-наглого юношу...

На этом месте в моей голове снова происходит болезненный прострел, я понимаю, что дальше должно следовать имя моего старшего сына. И это я его сделал таким. Потому что я в своей семье - глава, муж, отец и по определению отвечаю за ВСЕ.

Когда сын пошел в школу, я много работал и времени на семью оставалось минимально. В конце декабря, незадолго до Нового года, вечером я, по дороге домой, узнал от его мамы по телефону, что за полугодие у него по письму, чтению и математике тройки, она не знает, что делать, и просит меня по-отцовски на него «повлиять». Мне было тогда двадцать восемь лет. Я сам совсем недавно освободился от кошмара оценок, экзаменов и необходимости показывать дневник отцу и матери.

И вот теперь мой сын пошел в первый класс и сразу стал троечником. Я ехал и думал, как поступить. Но ничего не придумывалось. Хотелось поговорить твердо, но спокойно, не уничижительно, так чтобы он почувствовал поддержку, но не расслабился и сделал из малоприятного результата полугодия правильные выводы. Какие «правильные выводы» - я и сейчас не смогу объяснить, а парню моему было всего шесть лет. И вот я прихожу домой, а сын уже умылся, почистил зубы, мама ему на ночь почитала, он лежит в кроватке и почти спит. Я, не раздеваясь, как был в пальто, элегантный такой, решительный, румяный с мороза, направляюсь в его комнату, открываю дверь, останавливаюсь на пороге, почти полностью заслоняя выход из его комнаты и сообщая, что нам нужно по-мужски поговорить. Потом, про то, что люди в жизни делятся на тех, которые работают охранниками, рабочими, водителями, мелкими клерками и на тех, кто ими всеми командует и руководит. И дальше продолжаю рассказывать, что люди из первой категории вынуждены всю жизнь прислуживать, терпеть унижения, приспосабливаться, выполнять тяжелую, унылую, грязную работу, без шанса изменить свою участь. И все это я говорю таким холодным чеканным голосом, каким научился с людьми разговаривать, когда стал начальником.

А он ручками так подтягивает одеяло к самому подбородку и смотрит испуганно-испуганно на меня. Я понимаю, что ни хрена не получается «спокойно и не уничижительно», и зло такое начинает меня распирать, на себя самого зло, на то, что своему собственному сыну не могу помочь, а вместо этого веду себя как мудака, как мой папаша себя вел со мной, и ничего, ничего не могу с собой поделаться! Нужно же марку держать, как-то исполнять роль отца и изображать внушительное достоинство. И я продолжаю про то, что наша семья благодаря усилиям моего папы, его дедушки, и моим выбилась из первой, презренной категории и теперь его - моего сына ответственность сохранить и

приумножить все то, что такими трудами мы для них сделали и если он, дрянь такая, намеревается все наши усилия уничтожить своим бездельем и тупостью, то я ему это сделать не позволю! И заключаю почти уже криком: «Тебе понятно, что я говорю?!» А он вообще парень был такой... даже вредный, не запуганный совсем. Мог разорваться, закарать, и потребовать что ему было нужно, а тут



одеялко совсем подтянул ручками к горлу, головой часто-часто кивает, со слабой такой, униженной улыбкой и только повторяет: «Да, папочка, да папочка...». Мне от этого его вида стало вообще невыносимо. Я своего сына таким, и не видел никогда до этого. Мне бы к нему подсесть, успокоить, погладить по голове, а не получилось. Получилось только развернуться, хлопнуть дверью и выйти. А ярость прямо переполняла меня, откуда она только взялась? Ничего вроде не произошло особенного, ну получил эти трояки, ну и что? А я уселся, не раздеваясь, на кухне и сижу, смотрю в одну точку и только желваками двигаю. Не помню, как успокоился.

А еще, помню, мы с моими друзьями его плавать учили. Все взрослые мужики лет по тридцать, а ему, может восемь, может девять. Он тогда



еще плавать не умел, а мне казалось, что он просто трусит. И я придумал такую игру: мы встали по бортикам бассейна со всех сторон на глубоком месте, а его поместили в центр. Он барахтается по-собачьи, кое-как к бортику подплывет, а там его снова отталкивают в центр бассейна, он к другому бортику, там снова отталкивают. И все ржали, выпивши были чуть-чуть. Раз на пятый или шестой он в мою сторону поплыл, и я смотрю, а у него в глазах - живой, смертельный ужас и слезы выкатываются и тут же смываются водой, а плакать в голос он не может, потому, что сразу захлебывается. Я его схватил, поднял, начал успокаивать, всем говорю: «Вы чего, не видите, что он испугался?», а они: «Ничего, говорят, зато поплыл...» И гогочут. А он слова не может сказать, трясется весь... А я, нет бы сына пожалеть, прощения попросить, еще начал его стыдить, что он трус и слабак.

А это не он, это я был трус и слабак. Я все детство был трус и слабак, хоть я и спортом занимался, но даже мама, вздыхая, говорила: «Ну, в кого ты у нас такой трусливенький, вроде, и не пугали тебя никогда...». Столько было примеров моего отчаянного, совершенно недопустимого малодушия, что скрыть их было невозможно.

Только когда он - мой сын родился, и я стал гулять с коляской, только тогда я перестал бояться, что ко мне хулиганы задирут. И они не задирались, я же с ребенком - вроде как перешел в другую категорию, а до этого почти всегда приставали. Им, наверное, нравилось видеть, как я смешно пугался.



И они не задирались, а же с ребенком - вроде, как перешел  
в другую категорию, а до этого часто задирались. Им нравилось  
наверное, как я смешно пугался. Мой сын, получается, мне какой-то  
головешкой себе почувствовать, а я ему - наоборот.

Мой старший сын, получается, мне помог человеком себя почувствовать, а я ему - наоборот.

## НАУКА

У меня есть товарищ - Серега, он всю жизнь успешно занимался растаможкой, финансовыми монтажами, жил в свое удовольствие, а лет в сорок взял да купил фабрику каких-то несложных изделий. Мы все удивились, начали расспрашивать: может, неожиданно прибыльное дело? Но, оказалось - совсем не прибыльное, беспокойное и в целом - обуза, но наш товарищ тем объяснил свое решение, что у него подрастает сын, и хочется ему теперь называться фабрикантом, производственником, что гораздо благороднее, чем жулик или спекулянт. Я тогда удивился такой чувствительности, а через несколько лет и сам по той-же, наверное, причине подался на второе высшее...

В моей группе было человек пятнадцать, и в большинстве своем это были люди, уже провалившие в жизни первую попытку и решившие предпринять вторую. В основном - женщины, почти все без мужиков, без профессий, все бодрятся как могут, но общее впечатление - лузер на лузере. У каждого поперек физиономии написано, что если была бы хорошая работа, семья, друзья, то никогда никто себя не засунул бы в тридцать пять лет за эти гребаные учебники. При этом все поддерживают молодежавую веселость и проявляют большой интерес к научным гипотезам, новшествам и дискуссиям. Правда, если гипотеза чуть замысловатая, то ни у кого уже не хватает усердия в ней разобраться, так что для поддержания разговора используют самый простой - интуитивно понятный научный материал. Многие студентки - жены вполне обеспеченных людей, были ребята с доходом - весь дворик перед учебным корпусом заставлен иномарками.

Особенно злых, заносчивых или вредных среди моих однокурсников не было, скорее, славные люди, но слегка приторможенные, будто они виноваты перед кем-то и робко ждут заслуженного пендаля. Незамужние воинственно отрицают, что им охота замуж. Одна студентка, например, поведала историю про свою подругу, которая переживала-переживала недавний развод, а через несколько месяцев успокоилась и сказала, что так даже лучше. На вопрос: «Что чем лучше?», - подруга ответила, что ее бывший муж терпеть не мог гороховый суп на свинине, а теперь она его себе варит, с удовольствием кушает и прямо в кровати обильно пукает с огромным облегчением души, что раньше позволить себе не могла. Я не нашелся, что на это сказать и вежливо поддакнул.

На экзаменах мы все списывали, делились шпаргалками. Дипломы многие, и я в том числе сами не писали - нам недорого предложила свои услуги одна преподавательница.

Среди профессоров три-четыре человека выделялись в лучшую сторону - живо и интересно читали лекции, но людей по настоящему ярких, харизматичных, тех, по кому хотелось бы равняться, я там не встретил. Один был дядька эрудированный, увлеченно рассказывал про всякие интересные штуки и не был похож на оборванца, но потом мне случайно попала в руки экспертиза, которую он явно за взятку подписал в интересах олигарха против его всего лишенной бывшей жены и их маленького ребенка, и его светлый образ потускнел и

встроился в ряд заурядных людишек, с обычными мелочными и стыдными обывательскими принципами.

\*\*\*\*\*

После учебы по большому знакомству я устроился работать в НИИ. На зарплату в двести долларов. Мне сразу это показалось странным - такой конкурс на материально непривлекательную вакансию. Но зародилась надежда, что, может быть, здесь я встречу настоящих энтузиастов, гуманистов, преданных служителей идеи прогресса и развития человечества, людей, свободных от меркантильных вирусов, творцов, свободно парящих в просторах научных проблем ради будущего человечества.

И можете представить себе, встретил! Одну такую девушку! Она из Норильска - умная, английский знает, миловидная, хотя и не на мой вкус. Приехала в Москву пять лет назад с одной любопытной идеей и все делала, чтобы ее разработать. Могла бы устроиться секретаршей, потом выше пошла бы с ее способностями, но нет: решил человек, что не предаст свою мечту. Жила переводами, снимала углы, но и работать, как хотелось, не получалось. Почему? Потому что в научном коллективе, куда она попала раньше, а я позже, наука никому на фиг не нужна. Денег и правда там почти нет, но есть всякие президиумы и советы, дырявые кресла за которые эти мудаки и бьются.

А методы обычные: примкнуть к какой-то группе, безукоризненно обслуживать корпоративные цели твоего клана без оглядки на научные воззрения. Так пробиваться к вершинам, на которых служебная «Волга» цвета осенней слякоти и ободранный кабинет, но столько регалий, что на лист не умещается. А снарядами в этой войне служат научные публикации. И главное, чтобы их было много. Для изготовления статей время от времени объявляют мобилизацию на всякую обезьянью работу: одни сами, не зная что измеряют, другие непонятно что считают, третьи чего-то переводят из иностранных журналов, потом начальство весь этот бардак компилирует и выдает никому не понятный результат. И если этого всего много понапихано, никто не отважится критиковать, в крайнем случае, замечание может сделать кто-то из чужих, а если ты член мощного научного клана, то вообще никому не охота связываться. На работу ходят по очереди, чтобы кто-то находился в к комнате, на случай визита начальства. Получается в среднем - один раз в неделю. Это не значит, что руководство хочет что-то исправить, но нужно выдерживать кадр: демонстрировать, что вы порядки знаете, уважаете и не бунтуете.

Кстати, за один раз в неделю - двести долларов, теоретически, можно в пяти местах устроиться и тысячу получать.

А однажды справляли какой-то праздник, наташили всякой выпивки, закуски и один «небожитель» почтил нас своим присутствием. Результат - плачевный для репутации науки. Этот престарелый мудака нажрался и сначала хвастался, как его уважают в регионах, куда он приезжает с проверками, а потом тупо начал к соседней барышне приставать, просто лапищу свою клал невзначай на плечо и тянулся слюнявыми губищами. При всех. Она отскочила, а дядя как ни в чем не бывало еще себе налил, снова к ней придвинулся и начал на ушко рассказывать, какой он великий и сколько может хорошего сделать для ее научной карьеры. А он был из тех, кто лекции нам еще в университете читал - человек с именем, положением и с репутацией. Я и поперся на этот их праздник, честно говоря, из-за него. Думал, познакомлюсь, может заберет меня к себе, надеялся еще на существование сообщества настоящих ученых, но, оказалось, зря. Такое постигло меня разочарование, я барышне тогда сказал громко, через весь стол, чтобы пересела на мою сторону. Она как зайка на меня посмотрела -





виновато так и испуганно, робко улыбнулась и тихонечко, бочком перебралась подальше от этого злодея. А все остальные продолжали делать вид, как будто вообще не происходит ничего. Старый мудак на меня зло зыркнул, и... больше никакой реакции. Еще выпил рюмочку и затянул следующую историю про свои великолепные успехи и достижения, а все присутствующие ему дружно поддакивали, глядя на меня сурово, почти с осуждением. Потом заняли у меня на «продолжение банкета» двести долларов, которые, так и не отдали никогда.

Вспоминаю все это и самому противно. Я ведь тогда мог бы гораздо эффектнее выступить. Мог бы пристыдить дядьку, сделать замечание, или даже потрянуть его для приведения в чувство. Это дало бы шанс! Мог бы ко всем обратиться, попытаться разбудить их совесть, кто-то, наверняка, меня бы поддержал! Может быть сам «небожитель» и понял бы, как выглядит со стороны и нашел бы в себе силы извиниться. Я про него много хорошего слышал, мне даже приводили примеры его гражданского мужества и научной принципиальности. Но я ничего этого делать не стал, а сразу брезгливо определил его в категорию выродков, где уже находились, за малым исключением, все мои знакомые. На какой психоанализ с этим идти?!

Реально, в этом НИИ было огромное количество интересных людей - иначе быть не могло, но я их не увидел, а увидел, получается, только то, что я всегда замечал - говно...



И как с этим жить? А главное - мне не стыдно ни фиги! Весь пафос самоуничижительной риторики у меня искусственный. И по фигу, что у меня нет друзей, и наплевать, что жена ушла, и младшие дети с ней уехали, а старшие меня знать не желают... Я всегда прав, я всех обеспечиваю, всем помогаю, а они все так несправедливы и неблагодарны, никто меня такого умного не слушает, всем на меня наплевать! Ну и хер с вами, мне тоже наплевать! На всех наплевать! Если я такой урод, то и вы идите все в жопу, пусть я один сдохну в своем пустом доме.

Недалеко от моего дома есть огромный отель. Дом красивый, старой постройки, весь набит антиквариатом, самые простые номера по пятьсот евро за ночь, а собственница - очень старая бабка. Так она завещала этот отель и все доходы с него кошкам и собакам. Никого не нашлось из ее близких лучше кошек и собак, никого из всего человечества. Ей, видимо, тоже на всех наплевать, как и мне, только она не сорок пять лет с этим живет, а девяносто два. И я таким же буду в старости. Характер совсем испортится, буду молодых корыстных сучек заманивать в любовницы, ненавидеть их за холодность, за лицемерие и ложь, за измены и воровство, судиться с ними буду по всяким поводам, и сдохну в злобе на весь свет, изрыгая проклятия.

Грустная картина получается, очень грустная, а позвонить некому. Маме хочется позвонить, но глупо, что я ей скажу?

\*\*\*\*\*

А та девушка из Норильска после того, как я ушел, еще проработала год или два, а потом перешла в коммерческую организацию. Диссертацию бросила - не смогла продрасться через научное сообщество.

## ХАМЫ И ТУПИЦЫ

Я хамов ненавижу. Как увижу лысого амбала в красной футболке с надписью «Россия» мне сразу становится нехорошо. Он еще ничего не сделал, а мне уже неприятно на душе. А потом он попер без очереди на паспортный контроль, и мне совсем мутно. Но никогда в жизни я ни одного мерзавца не остановил, даже не попытался с достоинством ему воспрепятствовать, не призвал к порядку... Мой отец, когда я еще был мальчишкой, у меня на глазах одного хулигана тряс за шиворот. Правда, хулиган этот был старенький и небольшого размера, но пьяный и наглый, и папа его внушительно потряс. А я испугался что прибегут приятели этого пьяного и будет неизвестно что. Но никто не прибежал, и мы спокойно пошли домой.

Мой папа, вообще, был довольно грозный товарищ. Когда он орал, у меня натурально, физически сжималась мошонка, так до самой армии было, до восемнадцати лет. Противное чувство, как будто щемит в месте крепления



детородного органа, и если себя в этот момент не контролировать, то можно и в штаны случайно нассать. До восемнадцати лет...



В детстве, как я уже говорил, я не был ни храбрым, ни решительным. Я был трусливым и робким, чрезвычайно этого стеснялся и всячески старался не показывать виду. А как не показывать, когда все на лице написано, а сам ты длинный, тощий, коленками назад, передние зубы кривые и торчат, как у зайца. Я боялся даже не того, что побьют и будет больно, а скорее того, что я опять смалодушничая, испугаюсь и буду выглядеть униженно и жалко. А боли я не очень боюсь. Боюсь испугаться, ненавижу свое малодушие поэтому и веду себя как последний трус.

Каждый дворовый потаскун мог в три минуты разрушить шаткие основы моего самоуважения. Мое человеческое достоинство всегда было готово рассыпаться в прах и смириться со своей участью.

Лет с четырнадцати я это почти осознавал и пытался побороть свою трусость. Сначала я попытался самоутвердиться за счет унижения более слабого: среди постоянно задирающейся ребятни я присмотрел мальчишку, который больше других кривлялся именно в мою сторону, поймал его и довольно жестоко отлупил. Пацан был младше меня на два года и пожаловался брату - ПТУшнику, который встретил меня возле школы, и коротко спросив, за что я бил его младшего, надавал мне с размаху кулаком по роже, а я стоял, опустил руки и не пытался ни сказать ничего в ответ, ни себя защитить.

Мой рейтинг, надо понимать сильно опустился. Теперь задираться ко мне для многих стало любимым развлечением.

Когда мне больно попадали по заднице летающими резинками, я делал злое, решительное лицо и сердито ругался сквозь зубы, как бы сдерживая себя из последних сил. Если это случилось бы один или два раза, то выразительное средство может быть и сработало бы, но на десятый раз за перемену, когда я снова применял этот единственно-отработанный жест, ржали даже самые нейтральные и милосердные девочки. А я не знал чего еще предпринять! Я уже готов был драться, но мои мучители весело убегали при первом шаге и их сторону. Им не хотелось драки, им хотелось веселья! Оставалось только разрыдаться при всех, мне даже спрятаться было некуда!

Какое же было облегчение, когда один из хулиганов подошел почти вплотную и сзади выстрелил прямо в голую шею. Была такая резкая, саднящая боль, как будто огромный слепень в шею укусил! Я обернулся и несильно, почти расслабленно, но смазал ему кулаком по рябой физиономии. На лице парня отразилось радостное удивление, и он поспешно сообщил, что теперь меня «удедают» и «закопают», а потом убежал с ватагой своих сообщников. Я ждал три дня, а на четвертое утро меня весело предупредили, что именно сегодня моя очередь расстаться с никчемной жизнью и для этой цели к школе после уроков придет какой-то авторитетный товарищ.

Все оставшиеся перемены меня не трогали, а только исподтишка показывали пальцем и шушукались.

На выходе из школы меня уже ждали, завели за угол ближе к помойке и поставили перед тем самым парнем, почти уже взрослым мужиком. Мне было четырнадцать, а ему, наверное, лет двадцать. Рядом скалил зубы «резиночный хулиган». Дворовый авторитет бросил окуроч, поднял на меня прищуренные глаза и ненатурально тоненьким голосом спросил: «Ты что ли здесь всех избиваешь?» Я ничего не ответил, пожал плечами и в глаза ему старался не смотреть. Мне важно было не растерять последнее мужество и сколько-нибудь достойно вынести казнь.

- Говорить со мной не хочешь? Ты этого бил?

- Бил...

- За что?

- Он всю перемену в меня стрелял резинками, а потом в упор по голый шее...

- И ты ему за это по роже смазал?

- Да.

- Ну и молодец!

- А ты зачем человеку резинкой по голый шее? - повернулся он к моему обидчику, - Было такое?

-

- Хулиган, плотоядно ухмыльнувшись, весело кивнул. Он, видимо, полагал, что идет веселая, немного оригинальная прелюдия пред тем, как меня избьют и не счел нужным ничего придумывать.

- Я бы тебе еще больше по роже твоей наглой надавал, обормот, - неожиданно заключил взрослый парень и дал хулигану увесистый подзатыльник. Потом все они ушли, а я остался стоять возле забора, потом сел на краешек лавки и все... Больше меня в школе не травили. Авторитета, конечно, все-равно никакого не было и девочки всегда смотрели мимо, но меня оставили в покое и больше не издевались, а я с тех пор никогда маленьких не обижал, даже если они задирались из всех сил.

\*\*\*\*\*

Подобных случаев в моей жизни было несколько, один - в армии, когда мы три дня ехали в поезде из учебки в войска, был реально опасным. Геройствовать я не геройствовал, но отказался унижаться и готовился к расправе, даже спать лег в сапогах. Но пронесло... Просто повезло, и тогда, ни раньше во мне не было ни храбрости, ни куража, ни ярости. Никогда я силу силой не переламывал. Даже не пытался! Хотя был парнем вполне спортивным и мог бы, наверное... но, такой всегда во мне поднимался страх, что задача оставалась только одна: не унизиться сверх всякой меры, не потерять последнее человеческое достоинство. О том, чтобы сражаться, геройствовать, яростно атаковать хотя бы словами никогда и речи не было... до одного дня.

Это был день, когда я первый раз гулял во дворе с коляской, в которой лежал мой новорожденный старший сын. Мне было двадцать лет, я шел мимо той-же самой дворовой шпаны, которую еще вчера пытался миновать поскорее, не поднимая глаз, но сегодня мне было на них наплевать! Я спокойно смотрел на них, как будто с недостижимой высоты, а они меня словно не замечали, даже как-то тише матерились. Наверное, не хотели ребенка разбудить. Было так хорошо - я их не боялся! Как будто боль, с которой жил с незапамятных времен, вдруг отпустила и наступило счастье... Никак не могу это объяснить. Мой маленький, запеленутый ребенок в коляске из комиссионного магазина сделал меня другим человеком. Сейчас старшему сыну двадцать четыре года и иногда мне кажется, что каким-то магическим способом, я передал ему, только что родившемуся, тот свой страх, чтобы самому от него освободиться.

Не знаю, возможно ли такое, но мой выросший сын рассказывал о своей детской уверенности в том, что я - очень опасный тип и реально представляю угрозу его жизни. Мы вспоминали одни и те же случаи, которые мне казались безобидными попытками адаптировать его к внешнему миру, а ему - пытками или нешуточными посягательствами на его жизнь или здоровье.

Когда парню было лет двенадцать, я взял его с собой на пробежку. Была зима, я бегал по тропинке в лесу вокруг поселка, где мы жили. Он не любил

бегать, предпочитал тихо играть на компьютере. Я, когда мне было двенадцать, тоже любил, положив перед собой книжку с уроками, тихо играть в нарисованных солдатиков.

В тот день было холодно - градусов пятнадцать и его мама тоже считала, что «мальчику лучше дома посидеть, а то ребенок может в такой холод застудить легкие». Я с ней не согласился, заставил парня натянуть спортивный костюм, куртку, шапку, и мы вышли на улицу. Потом побежали. Мой двенадцатилетний сын бежал не просто медленно, он ковылял, припадая на обе ноги, при этом жалобно постанывал и закрывал шарфом нос. Глаза его выражали страдание, на лице застыло выражение жертвы, умоляющей ее не губить. Сначала я думал, что он прикалывается и подыгрывая, шутил, что сейчас он упадет и замерзнет, но смерть от холода не очень болезненная. Потом я сам подзадрыг и решил развеселить его игрой в транспортировку раненого бойца. Невзирая на слабые протесты, я водрузил парня в виде сосиски себе на плечи так, что ноги его свешивались с одной стороны, а голова с другой и побежал. В некоторых местах тропинка была узкая и приходилось поворачиваться, чтобы не задеть мальчиком о стволы заснеженных сосен. Он все это время протестовал и тем громче, чем ближе к очередному дереву оказывалась его голова. Минут через пять умеренные протесты переросли в настоящую истерику: он извивался, пытался освободиться и уже нешуточно рыдал. Я испугался, что он и правда нахватается холодного воздуха, поставил человека на ноги и повернул домой, где его ждала мама с горячей ванной и тазом чая с молоком и медом.

Через десять лет после случившегося, мой сын на полном серьезе сказал мне, что считал тогда свои шансы замерзнуть в лесу или остаться возле дерева с разбитой головой очень высокими, а меня не способным себя контролировать, опасным психопатом.

\*\*\*\*\*

И вот теперь я, брошенный последней женой, сижу и думаю, что главное - чем ЭТО ВСЕ было ДЛЯ НЕГО. Ведь детей мы воспитываем ради них самих, для их будущего, для их счастливой жизни. И неважно с какими душеспасительными намерениями я мучил, унижал и пытал своего собственного сына, выпячивая и подкрепляя свою ненадежную брутальность, которая и образовалась-то во мне только благодаря его появлению. Я, кстати, частенько вижу таких папаш - вообще не героической внешности, которые пытаются перед своими мальчиками выглядеть так, как обижавшие их в детстве злые хулиганы. И всегда думаю: «Вот мудаки...». Единственные люди на земле, которых могут впечатлять их надутые щеки и страшные рожи - их собственные дети. Но за собой такое предположить... мне бы в голову никогда не пришло.

Я вообще ненавижу, когда кричат, ругаются, пытаются кого-то унижить, но несколько нянек ушло из нашей семьи от хорошей зарплаты, не вынеся «тяжелой моральной атмосферы». Я всегда был уверен, что они врут, и это лишь отговорки, и у нас в доме отличная атмосфера. Еще бы только дети поменьше орали... Но теперь, после всего, что произошло, я уже ни в чем не уверен. Раз я чудовище, я и сейчас продолжаю мучать своих детей и сейчас заставляю их наполниться страхом хотя бы для того, чтобы самому быть на их фоне храбрецом.

Наша с Машкой младшая дочь вскакивает по ночам с жуткими криками. И главное, встанет, дойдет до ванной и, не просыпаясь, продолжает при этом орать. И крик такой ужасный, басом почти, громкий, надсадный... И не только крик, она еще руками от кого-то заслоняется, слова проскакивают: «...нет, не хочу!», то жалобно кричит, то отчаянно, словно человек не в себе. Смотреть на нее жутко, а она при этом спит! Только и нужно в этот момент спокойно ее разбудить, тогда она осмысливается, чуть-чуть еще всхлипывает, никогда не рассказывает, что ей снилось и снова ложится спать. Мы ее водили к детскому психиатру, но доктор сказал, что ребенок здоров и до окончания миеленизации нервных волокон головного мозга возможны на такие проявления сомнамбулизма и мы как родители должны потерпеть и ребенка не пугать. Даже успокоительное отказался выписывать. А она в некоторые ночи может по два-три раза делать такие забеги. Только уснешь, она как включит эту свою сирену...

Во мне ее крик мгновенно индуцирует панику, а потом дикое бешенство. Зная это за собой, я бешенству не поддаюсь, осторожно ее бужу, умываю, даю попить компота и снова укладываю, но, иногда, так становится жалко себя, торкает мысль, что из-за этой микрокозявки уже третью ночь не высыпаясь, так это несправедливо и глупо, что срываюсь, хватаю ее, трясу, почти ору, перекашивая рожу в гримасах ярости. Она в таких случаях гораздо быстрее просыпается и приходит в себя. А недавно, когда я вот так же на нее, спящую орал, она начала просыпаться, у нее осмеливаются глаза, и в них продолжается тот самый живой ужас, с которым она кричала во сне. Она ручками от меня закрывается и, закусывая губы, пытается не орать, потому как я от нее свирепо требую заткнуться. И ясно, что она уже точно не спит, а я материализовался из ее ночного кошмара и теперь она боится меня. До ужаса, до крупной дрожи боится меня - своего отца...

#### ЧУДОВИЩЕ....

Может, к психологу? А там что? Просто разговаривают и все? И чтобы просто поговорить, я должен тратить свое время и еще платить по сто евро за сорок пять минут? Я что, вообще всеми покинутый и одинокий, чтобы кого-то нанимать «для поговорить». Тем более за сто евро в час можно гораздо больше получить на рынке индивидуальных услуг, чем поговорить.

Ну что такого этот психолог делает особенного? Да ничего! Сидит и пытается сохранить заинтересованное выражение на пресной физиономии. Я ему - вопрос, а он и не думает отвечать! Что-то уклончивое выдает с такой снисходительной интонацией, будто я в пятый раз одно и то же спрашиваю. Он вообще тогда на-фи-га, если даже на вопросы не отвечает! Я еще могу понять каких-

то консультантов за деньги: ты у них спрашиваешь, а они много книжек прочитали, много чего знают и отвечают на поставленный вопрос. Но психолог не отвечает ни на один вопрос. Так удобно! Сиди себе, поддакивай, успокоительным тоном выдавай что-то типа: «Я вас понимаю...», или «...наше время на сегодня закончилось». Да меня мама готова слушать часами, не прерывая и бесплатно в любое время дня и ночи! Я приятелей на пиво приглашу, на сто евро как раз три человека получится, и мы обсудим все, что нам нужно обсудить. И не просто обсудим, а найдем решение, поможем друг другу советом и не только советом...

Противоестественно человеческой природе требовать деньги за «поговорить»! Пусть даже это «поговорить» и помогает успокоиться или как-то разобраться в себе. Бывали такие люди - старцы или священники - с которыми поговоришь и многое сам в себе открываешь, даже жизнь меняется потом. Но они денег не берут - эти люди свою жизнь посвятили служению добродетели, им и не нужно ничего. Тем более один раз поговорил - и вот тебе эффект. Потому что реально святые люди! Тут можно и напрячься, подъехать к такому старцу, подстроиться к его графику. А здесь на тебе - предприниматель: сто евро в час. Понапридумывали всякой дряни и думают, мы на это их говно купимся и денежки свои им понесем! Хрен! Мы знаем, куда потратить свои заработанные!

Да все эти психологи, скорее всего - пидарасы, и со своих друзей-пидарасов, денег-то, наверное, не берут, бесплатно с ними треплются, а с нас - нормальных людей - безжалостно требуют. Мне денег не жалко, пусть бы он жил себе. Вокруг меня много всяких мудаков кормится, но это унижительно - платить за обычное человеческое общение! Я, может быть, не меньше этого психолога книжек прочитал! Я, может быть, и ему бы рассказал что-то, чего он не знает в жизни, почему бы ему мне не заплатить?!

Если я не пидарас, со мной что, и поговорить не о чем? Если я не пидарас, я что - человек второго сорта, который должен платить за то, чтобы с ним просто поговорили? Участливо, внимательно, без зависти, доброжелательно и по-человечески! Если у меня нет таких друзей, может мне тогда тоже стать пидарасом?! А что?! Да пожалуйста! Я готов! Пидарасом, так пидарасом - если разговаривают только с пидарасами!

Я все свое детство не знал, чего я должен сделать, чтобы мой великий папа снизошел со мной поговорить, я всегда должен был что-то ему принести: пятерку из школы, победу в спорте, или в комнате убратся, чтобы он вообще обратил на меня свое внимание. Зато если что-то было не так, вот тогда он давал себе волю поорать, кулаками по столу постучать! Мне, блядь, было всего десять лет! Я был маленьким мальчиком, худеньким, но пытался быть гордым, а он орал так страшно, что всякое сознание пропадало, я где право-лево забывал, а он еще больше расходился, рожа у него перекашивалась, ногами топал, мать прибежала, пыталась его увести, но не ради меня, а чтобы у него давление не поднялось, а на меня поджимала губки и шипела, что со мной еще поговорит... Два, блядь, взрослых человека против одного ребенка десятилетнего! Ну не суки! Скажите, как можно быть такими родителями? Чего они на начальников своих на работе не орали? Ребенок он же - ребенок, а они - папа и мама. Других-то родителей у меня нет!



Отец либо не замечал меня, либо орал, или еще... выговаривал тек резко, как будто вбивал в меня свои слова с размаху: «Ты-Должен-Понимать-Что-В-Жизни-Никто-Ничего-Никому-Непрощает»... Как будто, он содомировал меня... и темп как раз такой... блядь, блядь, блядь!!! А я думал, что это шутка - про то, что я готов стать пидарасом. Да в такой ситуации, когда тебя жестоко и безжалостно имеют, унижают, растаптывают, и так поступает самый главный в твоей жизни человек - твой родной отец, так и хочется сказать: «Папа, ну, если тебе это так надо,



ну..., выбеи меня по-настоящему, только не мучай, только давай наша жизнь будет взаимовыгодной, а не лицемерным нагромождением церемоний, за которыми все равно вот это...

Пипец, приехали! Мой папа делал из меня пидараса! Отличный вывод. Только идите вы на хер с этими вашими выводами! Я водки выпью и завтра забуду весь этот бред!

А сам я? Зачем я сам на своих детей ору? Выбешивают? Понятно, и я своего отца бесил, но они ответить-то не могут, я всегда прав, я здоровенный бугай, а они смотрят своими глазками и ресничками хлопают, как будто не понимают ничего... А я точно такой как и мой папаша: «...Вы-Должны-Понимать-Что-Никто-Никогда-Никому-Ничего-Не-Прощает».

\*\*\*\*\*

Нужно остановиться. Бред какой-то получается. Коллапс в мозгах. И папу приплел, царствие ему небесное... А кого еще? Отец, на то и отец, чтобы за него прятаться, обвинять во всем, что в собственной жизни не получилось. И мать, конечно. Только искать виноватых - слабое утешение. Папа, мама, бабушка, школьные учителя или акушерка в роддоме - не имеет значения на кого все свалить или кто взаправду виноват. Важно: мудак ты или нет, а отчего ты мудак или из-за кого - это ты психологу за свои деньги рассказывай... Никого это не интересует, даже родственников и близких друзей. За все свои поступки, за всю свою жизнь каждый сам отвечает и сам ее живет... И то, что происходит вокруг тебя, и то, что происходит с тобой - болен ты или здоров, уставший или злой не имеет никакого оправдательного смысла. Нормальные, положительные и добрые люди тем и отличаются от психопатов, что даже когда им нехорошо, даже когда их провоцируют, они остаются людьми. Дружелюбными, симпатичными людьми с юмором, милосердием, состраданием, добротой... В набор бытовых реакций нормального человека не входят пароксизмы бешенства, перекошенная рожа, сжатые кулаки, стиснутые зубы и длинные очереди грязной матерной ругани. Им может быть грустно, больно, страшно, обидно, стыдно, но при этом их реакции остаются человеческим.

Мне о таком счастливом состоянии духа остается только мечтать. Я - реальный психопат, хотя, конечно, пытаюсь с собой бороться. Быть психопатом - стыдная штука. Стыдная в том плане, что психуешь всегда против тех, кто не может тебе реального сопротивления оказать. Против жены, детей, подчиненных, официантов, уборщиц и садовников... А против начальства, старших партнеров в бизнесе, важных контрагентов и чиновников, против зубных врачей и урологов - ни бже мой, никакой аффектации не появляется вообще. К этим людям ты - терпеливейший, рассудительнейший и спокойнейший человек! Ты умеешь перевести в шутку чужие бестактности, умеешь не замечать мелких унижений, быть выше и мудрее... Казалось бы, вегетативная функция - аффект, вообще не очень подчиняется сознательной регуляции... А вот так! И от этого еще больше стыдно становится. Ты и хотел бы взбеситься на суку-начальника, или на огромного хулигана, а... не получается. Тебе стыдно на своего восьмилетнего сына орать, а... орешь. И ничего не можешь с собой поделать! Как это объяснить?

Со стороны должно казаться, что психопат находит удовольствие в своих сценах и с подлой расчетливостью направляет жало безобразной истерики на самых незащитных, но, как психопат со стажем, сын психопата и младший брат двух психопатов - родного и двоюродного, я клянусь вам - это не так! Лично мне очень плохо когда я ору... Я слова забываю, слюной некрасиво брызгаю, заикаюсь... У меня потом голова болит, резко снижается иммунитет - начинается ломота в костях, слабость, как будто заболеваю. Иногда, так и случается - после очередного пароксизма, бывает, неделю болею.

Когда был моложе, думал, что психопат - это тот, кто постоянно орет, каждый день. Но мало-помалу пришел к выводу, что постоянно не орет никто.

Срываешься в безобразные сцены пару раз в месяц? Можешь уверенно включать себя в список психопатов-придурков. И для всех близких твое вкрадчивое миролюбие в периоды спокойствия только дополнительный подлый и угрожающий контраст, напоминающий, что маска притворного миролюбия слишком некрепко держится на твоей отвратительной роже, чудовище!

\*\*\*\*\*

Я в своей жизни проработал всего три года - это когда у меня был начальник, зарплата, обязанности. Потом еще три года на себя работал, развивал коммерцию. И все... Шесть лет относительно продуктивного труда, а дальше что-то ищу, пытаюсь найти то, что мне хотелось бы делать. Пятнадцать лет уже. Чем я вообще занимался? Учился кое-как. Почитаю, пообедаю, посплю... Имитировал работу и бодрую активность. Ничего не нашел, жизнь смыслом не наполнилась, вечно всем недоволен, вечно все во всем виноваты, а я эдакий скептик, разочарованный в человечестве. Чем-то будничным и заурядным заниматься - скучно и вроде уже не по чину, а ни на что серьезное тоже пока не набрел. Не предлагает никто ничего великого, да у меня на великое, наверное, уже и энергии маловато.

Я же люблю высыпаться, обедать без спешки, почитать без помех, но над сложными книжками начинаю дремать.

Получается, что я - неглупый человек с двумя высшими образованиями - как только избавился от необходимости работать и зарабатывать, стал деградировать. Это так странно... Неужели развиваться можно только из-под палки? Ведь должно быть в нас нечто побуждающее к самосовершенствованию... Маслоу, опять же, обещал...

Десять лет назад я не был такой квашней, а теперь вся продуктивность, все достоинства заметились амбициями, злобой и завистью, как отвратительный жир замещает когда-то крепкие мышцы...

Хотя я бросил заниматься своим делом не только от лени. Просто то, что составляло мою работу, перестало мне быть интересным. Нужно было таскаться на встречи со всякими неприятными мудаками и подонками, из которых восемьдесят процентов с радостью и без всякого стеснения обокрали бы тебя или ограбили. Всем им нужно клясться в вечной дружбе и преданности. Правдами и неправдами нужно было лезть во всякие организации, куда можно чего-то продать, или на халяву чего-то получить. Среди сотен придурков нужно искать случайно сохранивших адекватное восприятие действительности, искать тех, кто уже чему-то научился, но еще не охуел, и все это друг к другу привязывать, прилаживать, оптимизировать, стараясь заработать больше, чем на все это говно потрачено.

Такая жизнь требует, конечно, бодрости и энергии. Годами зарабатываешь связи, знакомства, доверие. А потом, может быть, все это выстроится в «тему». То есть попадается возможность что-то уворовать или влезть в некий производственный или коммерческий процесс со своей прибылью и интересом. Чаше, правда, ни фи́га не выстраивается... Сколько таких коммуникабельных и хватких без копейки денег по Москве мечутся?

Бывает и так, что ты оптимистично полагаешь своего потенциального партнера по бизнесу обычным бессовестным циником, а он оказывается хуже. Он оказывается настоящим придурком, который сам готов всё потерять, но не способен удержаться от попыток всех нагреть, всё захватить себе, а всех кругом уконопатить. Получается, для таких людей главное - не деньги, не экономический эффект, а процесс безжалостной борьбы и уничтожения всех, кто рядом оказался.

Вот, к примеру, у Гоголя в «Мертвых душах» Чичиков вместе с одним чиновником чудно наживался на околотаможенных операциях, пока тот самый чиновник сам на них обоих не донес. Николай Васильевич, правда, между ними включил женщину, чтобы читающему обывателю совсем диким не показалось такое странное, саморазрушительное поведение. А реально бывает, что безо всяких женщин, безо всякой любви-ревности, ненависти вот так пойдет и донесет! Это неприятное качество проявляется не сразу. Человек может быть вполне нормальным, пока суммы дележа, например, в тысячах долларов измеряются. А как начинают измеряться в десятках тысяч или, не дай бог в сотнях - срывается. И такой риск есть на каждом повышении порядка заработка.

Включить в расчет таких экземпляров, амортизировать их воздействие невозможно. А их количество, по моей оценке, увеличивается. И как с этим жить, не теряя оптимизма и веры в человечество? На сто условно нормальных попадется один такой великолепный идиот, не способный обуздать архаичные инстинкты разрушения и все... Эти люди книг не читали, но, во всем самоуверенно разбираются. Каждый мнит себя гением креатива, решительности и харизмы, каждый новый Наполеон, Ленин, Гитлер, Сталин и Мао Дзэ Дун. И рожи у них такие наглые, самоуверенные, с оттенком презрительности...

Пишу сейчас и снова спохватываюсь, что пишу о себе. Это все - я, все про меня. Внешне - сто процентов. Наглый, самоуверенный, презрительный. За последние пятнадцать лет я никакого развития своему бизнесу не дал, не нашел ни единой возможности, ни одного стоящего человека... Почему? Потому, что никому не верю. А почему так? Потому, что мы - чудовища, всех в мире считаем такими-же, еще худшими и не верим ни во что хорошее! И мы дорого платим за это! Все одиночество, вся тоска, вся скука и раздражение потерянной жизни - плата и обратная сторона моего презрительного и воинствующего пессимизма.

Но этот же воинствующий пессимизм - основа коммерческого успеха моей молодости. Мы подвергали сомнению устои! И как посыпались устои, а мы и рады... Все на красный стоят, я мы едем! Все в растерянности, а нам весело. Другие помыслить не могут, как это государственному человеку, офицеру, генералу взятку предложить, а для нас - никаких проблем. И срабатывало всегда! Не почти всегда, а всегда. Конечно, без любого рода хамской прямоты и неделикатности, при условии определенной умеренности, терпении и обходительности. В общем, при квалифицированном подходе - всегда! То есть

расчет, на то, что человек в принципе - мерзавец, не имеющий ни благородных убеждений, ни высоких принципов, прекрасно работал все шесть лет моего бизнес-строительства. И не только в части чиновников, но и в нашей собственной небольшой структуре наивные попытки надеяться на чью-то порядочность всегда кончались провалом. Если человек может без особого риска украсть - он украдет, и это нормальный человек. Ненормальный украдет, игнорируя риск, без надежды на успех и с катастрофическими последствиями для самого себя.

Теперь я понимаю, что этот «нормальный» отличается от так ненавидимого мною «ненормального» только безошибочным чутьем на возможную опасность и мерой осторожности, а вообще-то он такой же негодяй.

Неуютно и страшно жить в мире жестоких, бессовестных негодяев.

Страшно, но в примере моей жизни выгодно. А люди, продолжающие робко надеяться на хорошее, упускают возможности или становятся жертвами. Смутно вспоминается, что в детских книжках было иначе написано, но сама жизнь дает тебе подтверждения, что это - благоглупости, а правда она - вот. И чем больше успех твоего негодяйства и негодяйства вокруг тебя, тем крепче уверенность, что так все оно и устроено, и... тем сильнее страшно, тем глубже твое одиночество и тем ближе ты к той совокупности черт характера, которую принято называть: ебанутый мудака.

И вполне может быть так, что твоя «правда жизни» совсем и не правда, а просто так попало в шесть лет твоей активности, пока люди вокруг были слегка ошарашены происходящим бардаком. Будучи человеком читающим и пытаться осмысливать процессы мировой эволюции, невозможно не замечать, что мир развивается от жестокости и скотства к доброте и комфорту, но все это как бы существует отдельно, в теоретическом сегменте представлений о мире, а в разделе практическом, операциональном, ты - как собака Павлова ничего не можешь поделаться с условными рефлексам своей молодости.

\*\*\*\*\*

Так что от работы мой и без того незамечательный характер неизбежно портился. Наверное, неплохо, что я её бросил.

Хотя, утверждение, что активная жизнь предпринимателя любого человека делает мудаком, скорее всего - передергивание, попытка себя оправдать. Тут как в пословице: «Свинья везде грязь найдет». Что ты способен в жизни увидеть, то и видишь. В мире все есть. Только мы выбираем подобное себе, и творим себе подобное. И книжка эта строго говоря, должна получиться отвратительной, ведь я же сам ее пишу.

Работу я бросил, скорее всего от лени. Потерял жизненный тонус, приобрел малоприятную рыхлость. А женщины таких вяленьких и расслабленных не любят. Они могут жить с мудаком, но чтобы он хотя бы бодрый был, жизнерадостный и энергичный. Тогда самка человека может как-то себя уговорить,

убедить в том, что он - настоящим мужик, уверенно идет своей дорогой ведомой ему одному и недоступной женскому уму.

Но и этого у меня уже нет. Получается, шансы мои никакие. В интернете написали бы: «Убей себя об стену»... Но, хер вам. Сами себя об стену убивайте.

У меня есть один знакомый - тоже законченный психопат. Самовозбуждается с ничего и орет, как полоумный - страшно рядом находиться. Но никогда у него нет даже тени сомнения в собственной правоте. Его жена - умная, красивая, решительная и финансово от него независимая женщина, придумала что смысл нашей земной жизни в наполнении космоса энергией. И чем больше эмоций мы вырабатываем, тем больше энергии поступает в космос. И по фигу какие эмоции: ярость для космоса ничуть не хуже, чем восторг любви, например. И по этой схеме получается, что ее муж - суперстахановец, а она на роли объекта, необходимого для пробуждения ярости ее мужа во имя великой космической гармонии. Как-то так... Любит его дурака, защищает от всех...

А, может моя жена меня просто не любит? «Просто не любит»... Типа, она должна во мне любить все, включая мое говно и мулячество, а иначе - не любит, и пошла на хер! Но это же - чушь! Всегда любят за хорошее, а плохое терпят. Как можно любить человека, который из тебя делает ничтожество и унижает. Хотя... и так, и не так. Моя жена, например, всю жизнь стонет, что у нее жопа большая и какой-то неправильной формы. А мне - нравится. Я ею восхищаюсь и ее обожаю, а жена считает, что ее жопа - никудышная и препятствует моему вниманию в этом направлении.

Но все-таки жопа - дело вкуса, по поводу ее характеристик вполне могут быть различные мнения. Одному - супер, а другому - нехорошо. А с характером, с манерой отношения к людям все-таки больше определенности. Если человек злобный кретин - как такое полюбить?

Некоторые говорят: «Я, мол, стал таким мудаком потому, что жена вышла за меня замуж по расчету, и всю жизнь я чувствую с ее стороны усердно скрываемую ненависть, а все ее нежности - лицемерие. Как тут не стать тем, кем я получился?» Тоже слабоватая уловочка. Чем она отличается от обвинений папе и маме за плохое воспитание? Да, ничем! Только еще менее убедительная, так как от папы и мамы деваться было некуда, а от жены - скатертью дорожка - иди на все четыре стороны, если не нравится.

Если сам понимаешь, что ты мудака, откуда же взяться нелицемерной любви и пылкой нежности? И никто не виноват в том, что ты таким стал кроме тебя самого. И больше здесь мусолит нечего.

РАЗВОД, ДЕТИШКИ....



Как вспомню свой первый развод, так и представить страшно, что такое может повториться. Я тогда сам уйти хотел, не один год жил с этой мыслью, но не хватало решимости все в жизни раскурочить, и дети опять же... Казалось, все так живут... А потом умер мой друг Костик. Глупо и внезапно умер. Он очень хотел быть спортивным, мускулистым человеком и буквально изнурял себя в спортзале. А у него, как оказалось, с сердцем было неблагополучно.

Мы когда были вместе с ним на военной игре, и мне тогда шестом с размаху по лбу двинуло, Костик тогда так ухохатывался, что смех перешел в какие-то хрипы, он на землю опустился и даже слегка посинел. Но потом отдышался и мы дальше потопали - не обратили внимания. А он постоянно себя изматывал. Уже долбит эту грушу, долбит, долбит... Реально до синюшной бледности на лице. Ему говорят - бросай ты на хер эти перчатки, все уже в душ пошли! Нет, будет, из последних сил, ее колотить, как будто в этой груше все зло человечества!

И ехал он вот так, вечером с тренировки, захрипел, выгнулся на сидении и все. Водитель, пытался как-то его реанимировать, но неумело...

Когда у человека сердце останавливается и нет дыхания, нужно делать прямой массаж сердца с частотой сто двадцать ударов в минуту. Каждую секунду - два мощных нажима на грудную клетку. Один реаниматор в таком ритме выдерживает секунд двадцать-тридцать и сил нет - нужно меняться. Минуту-две качаешь сердце - потом один вдох рот в рот. Вдох - не главное, кислород в крови и так есть, главное, чтобы кровь до мозга добиралась, пока скорая не приедет. А они качали мало, а дышали часто. Скорая уже ничего сделать не смогла. Сорока лет не было человеку.

И что интересно, накануне мы у Миши в бане парились, и он мне говорит: «Ты помнишь, сколько у меня денег занимал?» Я ответил, что помню, хотя удивился - Костик всегда у нас вел взаиморасчеты, мне и незачем было помнить. А тут, накануне смерти, мне сделал напоминание. Освежил, получается, в моей памяти сумму, мистика какая-то. Но факт.

И вот, похоронили мы Костика, а у меня мыслей про развод все больше. В том смысле, что Костик умер, и я тоже умру, так на фига такую короткую жизнь еще и мучиться в браке, где сплошное вранье и скандалы.

Я тогда стал часто на даче ночевать, ездить по командировкам, чтобы дома реже появляться. Думал, чуть увеличим дистанцию, может, и обойдется. А потом случилось еще два события.

Первое - я под парусом на лодке провел две недели. Не один, конечно, а в команде. Первые десять дней - пластом лежал на борту, кранец под головой и блевал, покрытый холодной испариной.

А потом отпустила меня морская болезнь, и так это было хорошо! Так приятно, что я могу по лодке ходить, меня не тошнит, могу даже вниз спускаться! Из судовых ролей мне осталась только роль повара - рабочего камбуза. И очень мне нравилась эта роль. Ребята веревки тянут, смены стоят, а я кушать всем готовлю, посуду мою, убираюсь...

Мы ходили в таком районе Бермудских островов, где все население - поклонники Боба Марли, все с дредами и травкой торгуют на каждом повороте любой улицы. И как покуришь их местный косячок, как завалишься на свою морскую

койку, лодку качает, тебя на кровати качает, а в голове тоже волны и по всему телу волны... Глазки прикроешь, не спишь, а лежишь себе, окутываемый этими необъяснимыми и восхитительными ощущениями и по фигу тебе, что жара, что простыня уже мокрая - хоть выжимай, лежишь и балдеешь.

Однажды попали в небольшое волнение, мы все - начинающие яхтсмены - решили: шторм. Напялили жилеты, сели в кокпит как зайчики, а мне совсем не страшно, мое самое страшное кончилось, когда я себе брюхо, лежа на борту, выворачивал так, что в глазах темнело.

Все сидят, волнение приличное, волны через лодку перекачиваются. Меня, как уже свое оттошнившего, отправили вниз вызывать помощь по рации. А я и не знал, как ее вызывать. Никто мне не объяснил, и я на каком-то канале, даже не уверен, что на шестнадцатом, нес какую-то пургу, что мы терпим бедствие. Слава богу, никто не услышал в эфире этого бреда. Вообще, чтобы подать сигнал SOS, на рации достаточно одну кнопку нажать. Она под пластмассовой крышечкой обычно. Но я, к счастью, этого не знал, а кнопок под крышечками с детства боюсь...

После этого похода под парусом, почувствовал какую-то свободу, почувствовал свое право не врать, право искать мое собственное личное счастье. Но все не решался - детей было жалко. Дочке тогда было четыре года, а старшему уже тринадцать. И как-то раз снится мне сон: как будто мы в бассейне плаваем, а дочка - Аня - у меня на руках. И почему-то я медленно погружаюсь на дно. А она ко мне прижалась и задыхается. У меня хватает еще воздуха, а она задыхается, а я ничего не могу сделать, держу ее, обнимаю, а она личико у меня на груди спрятала и я не понимаю, что с ней. И мы медленно опускаемся до дна. Очень медленно опускались, как будто далеко это дно, и я ничего не могу сделать. Только когда мои ноги коснулись дна, я изо всех сил пружиню, выскакиваю на поверхность, ее вытаскиваю, кладу на бортик, а она не дышит. И я так заорал во сне, что сам проснулся от этого крика.

Долго думалось об этом сне, прочитал, что сны - иллюзорное исполнение наших бессознательных, даже от себя скрываемых, желаний. И так я понял, этот сон, что сам того не осознавая, хочу смерти своей дочери, так как из-за нее обречен жить без надежды на счастье с любимой женщиной.

И все. Тут я решился и объявил жене свое решение.

Что тут началось! Истерики, угрозы меня разорить, сдать ментам и бандитам заказать, вперемешку с униженными мольбами не бросать ее и обещаниями разрешать мне романы на стороне и пусть я даже дома не ночую, но лишь бы не разбивал семью.

В общем - пипец. Все при детях. И я тоже, ясное дело, сначала терплю, а потом встречно начинаю орать... Чаще по телефону, потому что я тогда уже съехал в съемную квартиру. Дети вроде бы спокойно отнеслись к нашему решению. По крайней мере, не плакали, не кидались ко мне, не упрекали. Младшая только внимательно смотрела своими доверчивыми глазками, а старший сказал, что это все наша блажь, что мы всю жизнь ругаемся и сейчас, как обычно, поорем друг на друга, а потом все останется по-прежнему. А когда этого не случилось, он в школу перестал ходить. Я его отвозил, высаживал из машины, а он мимо школы в

метро и слонялся по городу неизвестно где. Почти триместр - один-два раза в неделю только и появлялся на занятиях.

И никто из офигенно дорогой английской школы в Ясенево не удосужилась родителям позвонить и спросить: что это у вас мальчик стал такой болезненный - занятия все время пропускает? Только в конце триместра, смотрим репорт, а оценки плохие. Пошли разбираться, так и обнаружили, что парень в школе редко появлялся. Вот так...

А у одного моего приятеля, сына в этой-же школе на второй год оставили. Из-за плохой успеваемости. Папаша пошел выяснять - оценки и, правда, плохие, с сыном поговорил, а тот несет какую-то пургу про космос, миссию про спасение мира... Повели к психиатру, тот установил диагноз - острая форма шизофрении у парня на фоне постоянного употребления легких наркотиков. Про родителей молчу, но в школе целый год ни один учитель не обратил внимание на то что с подростком что-то не так. Это, блядь, за две с половиной тысячи евро в месяц! Потом вылечили, кстати, врачи. Года через три. Нормальный стал парень, женился, ребенка родил. А отец - разорился! Не до нищеты, но основное состояние потерял. Как евреи говорят: «Спасибо Господи, что взял деньгами...»

Со своей будущей женой я к тому времени был знаком уже три года по работе, пытался ее сделать своей любовницей, водил в ресторан, в театры, но она мне прямо и категорически дала понять, что отношения с женатым мужчиной её ни в какой форме не интересуют, хотя ко мне она и относится с симпатией.

А тут, я приехал к ней в офис уже с серьезными намерениями, объяснил ситуацию. Дальше - отдельная романтическая история... У нее, как оказалось, уже были женихи, с одним она на тот момент плотненько встречалась и парень ее очень звал замуж, еще один симпатяжка просто кадрился, но все претенденты были повержены силой моей красоты, интеллекта и обаяния. Уже через пару недель мы стали вместе жить в съемной квартире. Тогда я не казался ей чудовищем.

Такое было время счастливое. Она чем больше начинала верить, что я - не временное явление и не собираюсь ее «поматросить и бросить», тем лучше становилась. Даже плакала от счастья несколько раз, просто видно было, как человек расцветал счастьем, наполнялся жизнью и надеждами. Такие слова мне говорила приятные, что я чувствовал себя молодцом. Сил прибавилось, особенно душевных, даже появилось приятное чувство внутреннего самоуважения.

С разводом дело тем временем продвигалось. Главное оказалось не поддаваться первому импульсу друг друга уничтожить, удержаться от необратимых шагов, не сказать самых страшных слов. А даже если сказал, то потом иметь мужество извиниться и объяснить, что в состоянии аффекта нес глупости. У нас получилось. Как-то мы орали-орали друг на друга, я первым опомнился и предложил не поддаваться ярости, а мирно разойтись, сохранив хоть какое-то взаимоуважение. Она тихо ответила, что ей лучше уж все разбабахать, так как жизни брошенной теткой она не представляет, это для нее как умереть. Я осторожно возражаю, говорю что жизнь не заканчивается, вот Костик умер, а мы живы. Стараюсь мирно... Второй раз, потом третий, пятый. Так и договорились, слава богу. И разошлись без судов, без дележки, без военных действий. Она после развода сделалась вполне

обеспеченной женщиной, хотя никакую половину имущества я, ясное дело, и не думал на нее переписывать. Ведь реально только я зарабатывал и всем рисковал. Договорились с ней о пятой части. По сей день считаю безукоризненно благородным свое решение.

Ей осталась квартира и доход в четыре раза больше, чем я ей ежемесячно выдавал на все домашнее хозяйство, на мне еще оплата учебы детей в школе и в институте. Трудно было, но мы договорились. Здравый смысл, что-то человеческое в нас победило животную ярость.

Мне тогда очень помогло то, что мы с Машкой уже жили вместе и по большой любви. Так хорошо, когда живешь с женщиной по любви. Хочется все время ее погладить, обнять, чего-то ей сделать приятное... И она это видит, чувствует и тоже много хорошего готова сделать для тебя... Она мне записки писала, о том как меня любит и под дворники моей машины подпихивала, если первой уезжала из дома. Сажусь в машину, а под стеклом - записка. Я эти записки хранил их по первости. Сейчас уже не знаю, где они. Наверное, выкинули при каком-то переезде.

\*\*\*\*\*

Не хочу никакого развода. Как вспомню глаза старшей дочери... Ей тогда было четыре года. Доверчивые такие глаза, как будто говорили: «Мои папа и мама никогда не сделают мне по-настоящему плохо, это ведь такая игра?» Но это была не игра. В этот день разом закончились семейные походы в зоопарк, в кино, выезды на природу, отдых в Турции большой компанией, больше невозможной стало забраться утром в родительскую кровать. Много чего закончилось, на что каждый ребенок имеет священное право. Суки и мудаки - взрослые, грубо и бесцеремонно отказались от своих родительских обязанностей. В одну минуту моя дочь перестала быть девочкой из благополучной семьи и стала ребенком разведенных родителей.

Хотя... Может быть это лишь мои фантазии про детские страдания... Я хорошо помню, как в детстве только и мечтал, чтобы папаша куда-нибудь уехал и подольше не возвращался.

Развод... Столько возможностей появляется. Семейная жизнь - это же тяжелый труд. На мою долю его распределяется гораздо меньше честной половины, но все-равно обременительно. Отвези-привези, школы, секции, дополнительный английский, дни рождения друзей. Детки - сынульки, дочурки, Малышыки...

Один выходной обязательно вывези их в интересное место, где они с кривой рожей будут бубнить, что лучше бы остались перед телевизором. Дома они все везде разбрасывают, ничего не собой не убирают, строят из диванных подушек дом и отчаянно орут, если ты обратно строишь из их дома диван. После их еды нужно пылесосить столовую и отмывать стол. Собираясь в школу, они забывают

портфели. Один раз, когда мы уже приехали куда-то погулять в выходной, выяснилось, что один из моих мальчиков сидит в машине босиком. Так без ботинок и гулял. Они постоянно ругаются между собой, все время орут, интригуют, ябедничают. Не упускают ни одной возможности что-то друг у друга отобрать, украсть, или выманить обманом на время, но тут-же сломать.

Если ты запрещаешь себе на них орать, их бить, если ты отказываешься жестоко и безжалостно шантажировать их всем, что им может быть дорого, то попытки установить в доме правила какой-то аккуратности, потуги убедить детишек выполнять хоть что-то из домашней работы превращают тебя в унылого бубнилку, в зануду-ишака с клокастыми, ободранными боками, бесконечно жующего свою протухшую жвачку, в существо, которое замечают, только когда на него натыкаются и то, чтобы поскорее миновать эту досадную помеху веселью и бурной радости. Достоинство отца семейства, хранителя закона, кормильца и мужчины не просто гибнет, а уничтожается самым глумливым и издевательским способом.

Мы с Машкой встречаемся наедине поздним вечером, когда последнюю песенку на ночь деточкам споем, и смотрим друг на друга так, как будто оба только что пришли со смены на заводе. И хотелось бы сесть, спокойно поговорить, посмотреть кино, почитать... Но нет, нужно скорее ложиться спать потому, что с двенадцати до трех, деткам могут начать сниться страшные мультики, которые, нарушая запрет, они смотрели у соседей, малыши начнут просыпаться с дикими утробными воплями, подбрасывающими нас в кровати на нашем отдельном этаже. И моя жена, на ходу натягивая халат, несется вниз по лестнице, заранее бубня что-то утешительное. Если такое случается третий раз за ночь и она говорит, что сейчас кого-то убьет об стену, это означает, что наступила моя очередь идти...

Может быть у нас малышки нервные потому, что атмосфера в семье нехорошая? Да плевал я на все эти объяснения! Дети - это самые неблагодарные, самые безжалостные, самые подло-расчетливые существа, получающие органическое удовольствие от чужого страдания. Есть надежда, что так будет не всегда. Я и их мать, своим терпеливым и положительным примером, через силу читая им правильные, добрые книжки, не замечая их безразличной презрительности и демонстративной скуки во время посещения музеев, концертов и исторических мест, должны вырастить из них великолепных, мудрых, добрых и продуктивных людей будущего, но, Господи, как же это тяжело!

А еще они пытаются ворваться в нашу спальню. Если дверь заперта на ключ, садятся под дверью и воют на одной ноте или отчаянно ломаются, терзая итальянские замки.

Дети очень выносливые и терпеливые, они всегда прекрасно помнят, что и когда им обещали, знают, когда и на что надавить. Они вынут душу бесконечным нытьем, их любимое занятие - изобретательно добывать из родителей то, что родители давать не хотят.

В субботу или воскресенье вы с женой покупаете рыбку по двадцать пять евро за килограмм, варите на гарнир специальный, длинненький такой, черный рис, красиво накрываете стол, откупориваете бутылочку белого, зовете детей. Они прискакивают друг на друга, начинают орать, ругаться, всего одновременно требовать, грубо игнорировать ваши просьбы и замечания и... глядя через полчаса



на разбросанные тарелки с объедками, на перепачканную скатерть, ты прислушиваешься к своим ощущениям и понимаешь, что лучше бы пиццу сожрал и пивом запил прямо перед телевизором, потому, что никакого удовольствия от рыбы и вина в душе не осталось...

И вы с женой молча убираете со стола, молча моете посуду, все расставляете по местам с таким чувством будто вас только-что жестоко поимели.

\*\*\*\*\*

Жена, как родившая их женщина, как мать, конечно, находится на первой линии огня. Мягко говоря, она в процессе семейной жизни становится другой. Нервная, измученная, постоянно орущая, вечно всех упрекающая, всегда или с пылесосом, или со шваброй или с веником. И даже сиськи, выпадающие из ее домашней майки, уже не те сиськи. И если ты трогаешь их по старой памяти, то сначала она вообще не реагирует, а потом либо зло тебя отгоняет, либо поворачивается и грустно так смотрит... как на идиота.

И ты отходишь в сторону, понимая, что ей не до тебя. И понятно, почему ей не до тебя. Если бы тебя самого в конце такого насыщенного дня весело схватили за яйца, которые ты за день даже помыть не успел и, заканчивая домашние дела, мечтаешь, как сейчас сходишь в душ... Едва ли ты был бы в восторге.

К слову, у моей жены полно и других, кроме детей, разрушителей жизни. Это садовники - подонки, сантехники - вредители, электрики - маньяки и семейный бухгалтер - людоед.

\*\*\*\*\*

Летели мы как-то то ли на отдых, то ли с отдыха всей счастливой семейкой и находились в процессе пересадки с одного самолета на другой. А недалеко от нас красивая парочка. Я их еще в первом самолете заметил, украдкой рассматривал и даже любовался. Молодые, красивые, нежно смотрят друг на друга, болтают, смеются. Иногда наши детки попадали в фокус их внимания и мило переглянувшись, молодые люди обволакивали наших малышиков лучами нежности.

И вот, двигается мы с одного самолета на другой, проходим паспортный контроль, контроль безопасности и, наконец, располагаемся в кафе. Тут я замечаю, что девушка выглядит недовольной, а молодой человек с угрюмой сосредоточенностью пьет пиво, отвернувшись в сторону. Дальше я наблюдаю, как

сказав что-то своему спутнику, юная принцесса, бросает в нашу сторону короткий, но полный досады и ненависти взгляд.

Мне некогда осмысливать эту метаморфозу случайно попутчицы, потому, что старшие дети только что разлили по всему столу молочный коктейль и оба теперь орут, мы молниеносно застилаем стол салфетками, подтираем то, что попало на пол, высказав кое-что малышам. Достав из огромной детской сумки увесистую пачку влажных салфеток, очищаем остатки молочного коктейля с детишек и снова мирно ждем своего самолета. Одной рукой моя жена кормит йогуртом младшего, который то замирает, но изворачивается червяком, но от мамы не вывернешься - на то у нее и вторая рука. Старшенькие тем временем играют, ползая под креслами, девочка находит там сосательную конфетку и тут-же запихивает в рот, не поделившись с братиком, он ее, естественно, бьет. Успокаиваем их, терпеливо объясняем, что не нужно есть ничего найденное на полу, а еще нужно делиться и драться нехорошо. Детки зло зыркают на меня, как на зануду, скучного, лживого лицемера и тихо угрожают друг-другу страшными карами. По ходу я откусываю бутерброд. Я очень потный, и хотя только что хорошо умылся в туалете, все равно снова вспотел. Мокрое лицо приходится поминутно вытирать салфеткой, и на моей щетине от салфетки остаются такие мелкие-мелкие бумажные следы, как будто я весь перемазался туалетной бумагой. Жена делает мне глазами условный сигнал, я добросовестно собираю с себя микро-салфетные комочки.

Иногда я и Машке даю укусить нашего общего бутерброда, она механически открывает рот и кусает. Мы одновременно жуем и глотаем, не глядя друг на друга. Мы не противны один другому, совсем нет, просто нужно следить за детьми...

Я ей пива даю отхлебнуть. Мы не разговариваем, но оба думаем о том, что перелет сбил младшему режим, что он вовремя не поспал и теперь неизвестно что устроит ночью. И еще мы думаем о том, что самолет опаздывает и неизвестно поставили ли в наш апартамент, как обещали, детскую кроватку. В сорока процентах случаев, кроватку, несмотря на обещания, ставить забывают, без нее младший не уснет, а получить ее после окончания рабочего дня гораздо труднее... В наших головах еще много таких мыслей про всякое детское устройство, среди которого совсем не остается места нам самим. И вся совокупность этих мыслей отражается на наших лицах, как животная тоска, и грусть, соседствующая с неизбывностью.

Наше молчание прерывают отчаянные детские крики. Только что у одного из малышей кончились чипсы и он попытался взять из пакетика своей сестренки... Короткая схватка, чипсы из в клочья разорванного пакета покрывают пол возле детского столика. Наша няня, быстро отдает им резервный пакет, собирает, что может в помойку, ровно делит кока-колу на два стаканчика и сидит, забыв о своем кофе, направив пустой взгляд в никуда. Она прошлой ночью спала часа четыре из-за сборов, а теперь вот, дорога... Наверное, читает про себя какую-то мантру или молитву.

Мой взгляд снова натывается на парочку молодоженов... Они не смотрят в нашу сторону и почти не разговаривают. И я догадываюсь, что они поссорились из-за нас. До меня доходит, что только нам все происходящее кажется

нормой - мы всегда так летаем. А окружающих это может огорчить и даже шокировать.

Я подумал, что может быть молодой человек пригласил девушку в романтическую поездку, и она полагала, что во время этого путешествия он сделает ей предложение, и потом они поженятся, у них родятся два или три чудных малыша... И парень тоже об этом думал, старался к этой мысли привыкать, адаптироваться. И вот они увидели нас и, возможно, намеренья молодого человека изменились. Может быть, он сказал своей подруге: «Знаешь, все-таки семья, дети это не совсем для меня, я, наверное, еще не созрел...». А она ему горячо доказывала, что бывают и нормальные семьи и не все они выглядят так ужасно... Но он, наверное, ей не поверил, и она расстроилась...

\*\*\*\*\*

А если развод, тем более, психованная жена сама тебя бросила, то оказываешься свободен от этого всего и удачно избегаешь роли малодушно сбежавшего от трудностей. По сути, ты, конечно, ни чем не отличаешься от обычного дезертира, но справиться с внутренним ощущением вины гораздо легче, чем со жгучим, публичным стыдом.

А сколько открывается возможностей... Селишься в небольшой, но просторной квартирке, денег до фига, никто тебя ни к чему не принуждает, таскаешься по всяким тусовкам и светским мероприятиям, ведешь умеренно здоровый образ жизни, знакомишься с тетками разного возраста, они, попадая в твою квартиру-капкан с воодушевлением отдаются тебе, наивно полагая, что предыдущие сорок восемь лет жизни ты был сука-сукой, а вот именно сейчас сила их любви, вдруг, делает тебя милым, порядочным и нежно-любящим. Ты их не разубеждаешь, но и не обещаешь ничего. Стараешься казаться таким загадочным принцем и со вкусом, неторопливо услаждаешь себя искренним обожанием охваченных внезапной надеждой на супружеское счастье женщин. Когда у одной заканчивается потенциал терпения, ты без спешки переключаешься на следующую.

Или можно малолетних растлевать. Лет по 18-20 находить дур, таких, у которых сиськи и жопа уже приобрели взрослые формы, а в башке ума еще нет, но вместо ума - гормональные бури.

Дальше - нет пределов фантазии: трансвеститы, бисексуалы, эшанжисты, садо-мазохисты... все можно попробовать, когда ты неженатый человек и деньги есть.

Детям время от времени устраиваешь супер-мега-чудные поездки и праздники с аниматорами, на которые их замученная жизнью мамаша не имеет ни сил, ни денег, ни желания - ведь весь родительский геморрой теперь целиком достался ей... Малышкам все больше будут нравиться папины развлечения и все меньше мамина ругань и занудные напоминания чистить зубы, причесываться, убирать за собой и мыть жопы перед сном.

В офисе делаешь себе новый кабинет, красивую, просторную переговорную, меняешь секретаршу и повариху, нанимаешь водителя и начинаешь

кого-то с умным видом заслушивать, например, искать стартапы. Точно! Объявляешь себя венчурным инвестором! Забываешь все время, оставшееся от тусовок, телок и элитарного спорта неумейной бизнес-активностью. И, глядишь, что-то и заработаешь от скуки, а не заработаешь - тоже не беда, главное - не просрать то, что есть.

Так организовываешь свою новую жизнь, полную ярких событий. Со всех сторон тебя окружают почтительность, уважение, и твое достоинство устанавливается на высоченной планке супермена!

Ясное дело - иллюзорное достоинство, и жизнь будет насыщена только каждодневным враньем всем и в первую очередь себе самому. Но если врать убедительно, и очень-очень стараться, то и себя самого можно в чем хочешь убедить... А не будет получаться - есть травка, кокаин, таблетки всякие, укольчики... Сдохнешь от них, и слава богу. Только мама тебя, наверное, пожалеет. Если доживет...

\*\*\*\*\*

Нет, нехороший вариант, так я долго не выдержу. Тем более, кое-что из этого набора я уже опробовал, пока на Машке не женился. И ни разу не нашел, чего искал. Ни одной беззаботной нимфоманки, живущей счастьем конвульсий своих гениталий я в жизни не встретил. Несколько раз мне выпадало везение познакомиться с женщинами легко получавшими многократные и сильные оргазмы, но и их интересовали, главным образом, «отношения». Без надежды на «отношения» они сначала становились нервными и обидчивыми, плакали, а потом злобно и безжалостно отказывали в оргазмах и мне, и себе.

Один только случай могу вспомнить как исключение, но исключение, скорее подтверждающее правило.

\*\*\*\*\*

Барышня работала проституткой, была маленького роста, худенькая, очень юная и такая... мягко-валяжная, медово-улыбчивая и поощрительно-приветливая. Выражение ее лица прямо транслировало одно простое сообщение: «...я совсем не против. Смелее, дурачок...» На заработанные деньги вчерашняя школьница снимала квартиру, содержала водителя и вполне гордилась своим высоким социальным положением. У нее были два постоянных спонсора, каждый из которых считал, что он у нее единственный содержатель, а отчасти даже спаситель от кривой дорожки уличной проституции. Оставляя этих героев в счастливом

неведении, она еще подрабатывала через знакомого сутенера с проверенными клиентами.

Как мне живописал ее продавец, главным талантом девушки были как раз неистощимые и бурные, буквально отключающие ее сознание оргазмы и щедрые допущения в технике интимных отношений.

Она радостно и беззаботно соглашалась на затейливые конструкции совокупления, ничего не боялась, ничего не вызывало у нее брезгливости или отвращения, такой... спонтанно толерантный к любым формам интимной жизни человек девятнадцати лет.

Но встречался я с этим чудом эволюции только один раз. Больше не захотелось. В момент, который можно было назвать пиковым, она действительно, будто отключилась, и у нее сделалось такое детское, болезненно-жалостливое лицо, а бодрые крики сладострастия сменились тоненьким, жалобным воем. Детским голоском она кричала на одной ноте, как будто ребенка давно мучают, он устал уже бороться, но еще сопротивляется из последних сил... Я тогда еще подумал, что нужно окно закрыть, а то соседи милицию вызовут.

Потом она мне рассказала, что очень болела в детстве, что с родителями какая-то история непонятная, в общем, девушка оказалась психически нездоровым человеком. У нее был настоящий врачебный диагноз, она постоянно пила таблетки и стояла на всех возможных учетах. А я, получается, воспользовался...

Вообще, среди проституток, мне встречалось много психбольных. Я конечно, не доктор, но не единожды, чуть разговорившись за рюмочкой они рассказывали такие картины бреда... что сомнений остаться не могло.

\*\*\*\*\*

Нет! Лучше уеду-ка я работать учителем в какое-нибудь захолустье. Деньги распределю между детьми, себе оставлю малюсенький магазинчик на скромную жизнь, куплю отечественный автомобиль и двину... в Тверь!

По статистике в Тверской области на одного мужика дееспособного возраста, приходится восемь женщин! Или это в Туле? Не помню, потом посмотрю в интернете.

Буду учительствовать, у меня как-никак два университетских диплома, два языка кроме русского. Стану педагогом. Таким загадочным романтиком, приехавшим в деревню от несчастной любви. Столько местных теток выстроятся в очередь меня утешать...

Опять мысль поворачивает в каком-то глупом направлении. Бред какой-то, на пятом десятке мысли о построении новой жизни сводятся к бабам. Ну не глупость? Но, работает, между прочим. Настроение получше стало. А все почему? Потому что хотя бы в своих мыслях я вырвался из этой рутины!

Жизнь семейная вполне предсказуема. Она так и пройдет: обед с бутылочкой вина, потом вздремнуть, пару раз в неделю - ресторанчик, три-четыре

поездки в год по направлениям туризма для богатеньких... Вырастут дети, а мы с Машкой превратимся в брюзжащих зануд, потом в ворчливых стариков. Или в слащаво-добреньких и лицемерно-благостных, что ничуть не лучше.

А чтобы не стать таким противным старым мудаками, чтобы спокойно, с достоинством встретить старость и смерть нужно только одно: чтобы было, что с гордостью вспомнить в прошедшей жизни. И здесь сам себе голову не заморочишь... В этом магазине поддельные купюры не принимают. Если займешь себя гольфом, дайвингом, яхтингом и платными восхождениями на разные горы, ничего не изменится - только время жизни быстрее пролетит.

И дело не только в смерти, про смерть еще думать не хочется. Дело в том, как жизнь проходит и что ты чувствуешь каждый день? Если не за что себя уважать, на душе нехорошо.

Я свои первые сколько-то серьезные деньги не заработал ни честным добросовестным трудом, ни великолепным, нужным всему миру изобретением, ни умом, ни эрудицией... Изначально, я их, конечно, украл. То есть, находясь на ответственном посту в корпорации, использовал свое служебное положение для личного обогащения. Это была не в государственная, а частная корпорация. С меня там глаз не спускали, постоянно проверяли, прослушивали, даже прикрепили ко мне персонального куратора из службы безопасности, который любил обо всем задушевно беседовать, летал со мной в командировки и доверительно рассказывал, как человека в ванной можно практически без остатка растворить кислотой. Я оказался умнее и осторожнее всех своих дознавателей и никто ничего не нашел. Ну и сами дураки... Нужно сказать, что подчинявшиеся мне подразделения представляли собой, по сути, сообщество мошенников, пусть общепринято, но нарушавших целый список статей уголовного кодекса РФ, на том и зарабатывающие.

А если ты в банде, то тебе не зарплата положена, а доля от наворованного. И это очень логично, ведь рискуем все одинаково. Главный даже меньше других - он нигде не расписывается и лично ни с кем не договаривается. Нормально за три тысячи каждый месяц наворовывать любимому директору миллион? При условии, что если тебя посадят, он, конечно, наймет адвоката, будет передачи присылать, но никогда не заплатит за твой выкуп пятюк месячных прибылей. Это же его, кровные деньги!

Так что если я о чем и жалею, так это о том, что не смог честно и прямо потребовать и получить свою долю, а вынужден был хитрить, унижаться и очень продешевил.

Потом я уволился и сам уже работал. Вложил, что было, в одно торгово-производственное предприятие, имеющее в собственности кое-какую недвижимость в Москве. Предприятие оказалось совершеннейшим банкротом и пришлось его целиком выкупать, потом санировать, приводить в порядок, выводить активы, репрофилировать, объясняться с кредиторами бывшего владельца... От полного разорения нас с Костиком спасло только то, что с конца девяностых до середины двухтысячных цена на недвижимость в Москве очень выросла.



\*\*\*\*\*

Может Машке позвонить? Позвонить и сказать как есть: да, я - чудовище, признаю и согласен. Во многом не прав, но я же пытаюсь бороться с собой! По крайней мере, хотел бы бороться...

Но, нет... Не стану. Маша человек терпеливый, но решительный. Такие не психуют сгоряча. Она долго все обдумывала и раз уж уехала, значит решение окончательное.

А как она вышла из комнаты, даже не взглянув на меня, как совсем уже чужой человек, как будто единственными ее чувствами ко мне остались презрение, брезгливость и... страх. Именно то, что логично испытывать при виде чудовища. И то, что я, видите ли, критически к себе отношусь, это ничего не меняет. Сколько алкашей, когда они трезвые, клянутся больше не пить, каются до слез, но снова и снова напиваются со всеми вытекающими...

Вот если бы она сама вернулась - другое дело. Это показало бы, что она не совсем меня презирает и даже немного любит, еще надеется, верит, что я не совсем пропащий экземпляр рода человеческого...

Но упрашивать ее, умолять, унижаться не могу... Какой смысл, если она и вернется из жалости, из страха перед бедностью, или решив сохранить видимость семьи и жить "как все"?

Раньше она меня любила... Едва ли я так сильно изменился за десять лет. Хотя эти материи эфемерные - любила-не любила... Как можно любить человека, которого не знаешь? Она любила свою мечту, свой идеальный образ мужчины и принца. По внешним признакам я был на него похож больше других претендентов, но через десять лет она поняла, что ошиблась! Она напоролась на злое, хитрое, безжалостное чудовище, которое зачем-то притворялось мужчиной ее мечты... Чудовище, рядом с которым не просто нехорошо, не просто тошно душе, а еще и опасно! Чудовище делающее из людей говно, всех кругом себя неумолимо перерабатывающее в несчастных, ущербных и зависимых. От такого, и правда, нужно бежать, спасаться и детей спасать!

А мне-то что делать? Как мне жить со всем этим? Выходит, лучший выход для меня - одиночество? Меня нужно изолировать, чтобы я не уродовал человеческий мир!

Вот уж хрен! Сами куда хотите изолируйтесь!

Чего-то я перегибаю с самоуничижением! Мысль нам дана, чтобы искать выход, а не уверяться в безнадежности. Если мои рассуждения заводят в тупик, значит они ошибочны или не завершены. Наш мир так устроен, что развивается к лучшему! И я, и любой человек на Земле, мы - части этого мира и тоже устроены так, что развиваемся к лучшему.

Чудовище определенно во мне есть и сильное, но я не только чудовище! То, что меня заставляет самого себя изводить, это что? Чудовище не стало бы ни стыдиться, ни переживать по поводу своей чудовищной сущности.

Комар не испытывает моральных угрызений, заедая бедного туриста, кошка с удовольствием лопают птичку, а я реально переживаю!

Я не могу врать сам себе! У меня все, что нужно природному субъекту есть, а я все равно очень недоволен жизнью. Я несчастлив... Я себя временами ненавижу, мне бывает стыдно! Я ведь не кокетничаю и не лицемерю, во мне как будто схватка двух существ!

А, может быть, это нормально, и даже хорошо! Иначе, если бы не было этой изматывающей схватки, мы так и остались бы дневными прямоходящими падальщиками, природными субъектами, какими были четыре с половиной миллиона лет назад.

За этот промежуток времени мы сильно поменяли и свою среду обитания и самих себя! Кошки, собаки, киты и обезьяны так не поменялись, а мы, стали совсем другими: у нас мозг вырос в три раза, мы построили великую культуру, мы всю планету под себя модернизировали! И именно внутренней борьбой, этим дискомфортом неудовлетворенности жизнью мы и меняем самих себя!

Культура дает идеальный образ, великолепный и недостижимый, мы стремимся к нему, болезненно сознавая свое несовершенство, учим детей, удерживаемся от естественных, натуральных, животных реакций потому, что культурой они осуждаются и тем меняемся!

Мы меняем себя в поле культуры, нами самими созданной! Какое поле культуры создадим - так и поменяемся! Это же вечный двигатель модернизации нашего биологического вида!

Поле культуры - общая заслуга всего человечества. Оно было создано не только Сократами и Аристотелями. Свой вклад внесли все люди всех времен! А какие это были люди? Тот первобытный человек, который в пещерах рисовал красивые рисунки он что, людей не ел? Как миленький жрал! И детей жрал, и женщин и даже старушек! И не мылся и зубы не чистил никогда. А мог бы подумать: «Какой я негодяйский подлец! Я съел вчера соседского мальчику, а маму его завтра буду есть..., нет, я недостойн уважения, я - тупиковая ветвь и злая ошибка природы. Я, а еще больше те мудак, которые мои дружки и приятели, мы - прямо доказываем, что «эксперимент человечество» неудачен. Потом сел бы, расплакался и сдох.

Но он не сел, и не сдох, а решил порисовать на стене. Почему ему вздумалось рисовать? Или ему было нехорошо, как мне сейчас, или наоборот, он рисовал, удовлетворенно урча сытым брюхом, довольный собой но с надеждой не что-то еще лучшее... В любом случае он подчинялся полю культуры, где тупо дрыхнувший индивид ценился ниже рисующего на стене. Потом подошли его соплеменники, посмотрели и всем очень понравились - и рисунки и сама возможность нарисовать то, чего нет на самом деле... Все были сыты и у людей произошел трансцендентный прострел, озарение. Душа каждого встрепенулась и всем захотелось сделать чего-то хорошее... Они расчувствовались, возможно, спели вместе какую-то песню, подудели в флейту и вдруг, этот художник, который оказался в центре восторженного внимания, предложил самую маленькую из пойманных, грудную, в которой совсем мало мяса не есть, а постараться выкормить, как своего ребенка. И все согласились, сами не зная почему.

Так они создали важный кирпичик культуры. Обычные люди, обыватели, циники и подонки своего времени посчитали полезным напрячься, приняли открытие гения и стали его терпеливо исполнять, хотя это казалось им и глупым и нерациональным. Они, бубнили, наверное: "Чего мы ее не съели, дураки? Соседи слопали и прекрасно живут. Она теперь уже вот такая здоровая выросла, может сейчас съесть ее, наконец..."

Но все равно не съели, а только жили с этой раздражающей мыслью. А потом, кто-то из них, бабах!!! Придумывает животноводство! И, окрыленные этим открытием, они ловят в лесу поросят, терпеливо откармливают и жрут в полное свое удовольствие!

Поле культуры обогащается новыми принципами, законами жизни, каждый из которых проходит проверку в полевых условиях многих поколений. Новшества, приносящие вред отсеиваются вместе со своими энтузиастами, а полезные нововведения закрепляются, цементируются в традициях, в религии.

Наша культура заставляет напрягаться, жить с осознанием своего несовершенства, но в долгосрочной перспективе гарантируют положительный результат.

Никто не знает какой результат, никто не знает в чем именно будет состоять решение, и, может быть, мы не готовы сейчас к такому решению, не способны его ни осознать, ни понять, ни, тем более, осуществить, но в том-то и фокус, что мы меняемся в направлении, определяемом культурой! Пройдет несколько поколений в состоянии этого «культурного напряжения», в состоянии неудовлетворенности собой или жадного, веселого азарта достижений и..., вдруг, заявит о себе новая способность, или новая грань человеческой личности, ранее не звучавшая, позволяющая великолепное решение прежде нерешаемых проблем. Главное выдержать неприятное чувство бессилия когда кажется, что мы в тупике, что выхода нет, но третье, пятое или десятое поколение найдет решение просто потому, что изменит себя!

Важно не поддаваться вредному чувству, что с окончанием твоей собственной жизни или жизни твоего поколения мир необратимо потеряет какие-то шансы, и нужно идти «вабанк», всем рисковать или вообще сильно торопить события. Не нужно их торопить! Нужно мирно сдохнуть и уступить место следующим, стараясь хотя бы себе на врат и коллегиально принимать решения. И все. А сколько понадобится поколений для очередного апгрейда, очередной существенной модернизации нашего вида - неизвестно. Кому-то повезет и не будем им завидовать.

Ведь правда, что если рассматривать такой микроскопический промежуток времени, как одно человеческое поколение, может показаться, что ничего особенного мы и не сделали, и вообще жили зря. Дальше услужливо вползает мысль, что и впереди популяцию, состоящую из таких дураков ничего хорошего не ждет и... катись она ко всем чертям, пусть сгорит в огне ядерной войны. Наплодилось здесь семь миллиардов, понимаешь... Пора уже заново начать эволюцию каких-нибудь дельфинов-афалин, например. Еще несколько миллионов лет и, возможно, они выстроят более гармоничное, справедливое и доброе общество...

Но это уже в корне неправильно. Нужно оглянуться и посмотреть на путь, который уже пройден от прямоходящих дневных падальщиков. Посмотреть и впечатлиться. Задача минимум каждого поколения - не испортить то, что уже сделано. Бережно передать факел культуры и цивилизации своим детям и внукам. Если универсальный механизм нашего совершенствования будет работать, как работает последние тысячи лет, то мы на правильном пути!

Просто нужно мирно жить, понимая, что в сравнении с Махатмой Ганди ты - говно, в сравнении с Бредом Питом - урод, а в сравнении с Стивом Джобсом - лузер. И ничего, нас много таких.

Еще важно себя модернизировать, а не соседа. Соседа всегда легче и приятнее, но высок сопутствующий риск войны и геноцида. К другим нужно быть толерантным и снисходительным.

\*\*\*\*\*

Последнюю мысль я додумать не успел, потому, что позвонила Машка и спросила: «Ну, что, чудовище, ты хоть чуть-чуть понял, какой ты придурок?» И я радостно ответил: «Понял, очень понял, ты только приезжай...»

И она пообещала, что вернется...

конец



